

Е. СУРОВА

**ВЫЗЫВАЕМ
„СОБОЛЬ - 2“**

16 сентября 1921 года был принят декрет Совета Народных Комиссаров «Об охране памятников природы», подписанный В. И. Лениным.

Приводим выдержки из декрета:

«1. Участки природы и отдельные произведения (животные, растения, горные породы и т. п.), представляющие собою научную и культурно-историческую ценность, нуждающиеся в охране, могут быть объявлены Народным комиссариатом просвещения по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами и учреждениями неприкосновенными памятниками природы.

2. Более значительные по площади участки природы, замечательные своими памятниками, объявляются заповедниками и национальными парками...»

Е. СУРОВА

**ВЫЗЫВАЕМ
„СОБОЛЬ - 2“**

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1975

57 (069).
С90

Художник Е. Парышева

С $\frac{70803-297}{078(02)-75}$ 144-75

© Издательство «Молодая гвардия», 1975 г.

БЕРЕГИТЕ И ЗАЩИЩАЙТЕ ПРИРОДУ

Стремителен наш век. С нарастающим темпом усиливается деятельность человека. Строятся грандиозные гидротехнические сооружения, создаются новые моря, каналы, ведутся мощнейшие горнорудные разработки, возводятся крупные металлургические, химические и другие заводы, города — меняются лик Земли и микроклиматические условия.

И все острее мы ощущаем потребность в общении с природой. Нас тянет на природу, к зеленой траве, в лес и в горы, на свежий воздух — к той естественной среде, которая помогает нам снять возбужденное, нервное состояние, накапливаемое в стремительных темпах городской жизни.

Но в общении с природой, используя для своих нужд ее богатства, человек не всегда бывает разумным, хищнически эксплуатируя и активно загрязняя ее. Вот почему защита природы принимает все более организованный характер. Большое значение приобретают заповедники и охранные зоны. Им и посвящена книга Е. И. Суровой. Стиль повествования таков, что вы ощущаете при чтении отличительную черту природной обстановки — спокойствие, размеренное течение явлений, событий, настраиваетесь на созерцательное настроение, обычно охватывающее вас на лоне природы.

Неторопливым рассказом об увиденном автор вводит читателя в жизнь отдельных уголков нашей страны, знакомит с их природными особенностями, с отдельными представителями животного мира, с проблемами, стоящими по их охране, разведению.

Вы знакомитесь с активными, ревностно работающими по охране природы людьми. Вы общаетесь с ними и проникаетесь большим уважением к этим скромным, преданным своему делу специалистам, заботящимся о сохранении окружающей нас природы, и испытываете чувство личного долга быть на страже ее.

Как следует из рассказов, опубликованных в книге, беречь, охранять родную природу взрослым помогают школьники-юннаты.

Юннатов насчитывается в нашей стране около 9 миллионов. И все они вносят свой посильный вклад в охрану природы.

Так, например, юные натуралисты совхоза «Ровенский» Саратовской области вырастили в прокаленной солнцем жаркой степи прекрасный сад. Для этого им пришлось приложить немало знаний и труда. С помощью старших они провели в степь воду, посадили плодовые деревья, научились за ними ухаживать так, что они стали приносить богатый урожай.

Школьники поселка Комаричи Брянской области заботятся о том, чтобы богаче стал зеленый наряд нашей Отчизны. Они вырастили школьный парк, в котором хорошо прижилось много новоселов: и карельская береза, и туя, и лиственница, и пятигорская бирючина. А сейчас ребята заложили питомник молодых дубков. Они решили вырастить из них аллею в память Великой Победы нашего народа над фашизмом.

В школах Керчи созданы отряды голубых патрулей. Весной они спасают молодь рыб. Во время шторма волны выбрасывают ее на песчаные косы, и рыбешки остаются здесь в бочажках воды, где им грозит гибель. Ребята спасают их — отправляют обратно в море.

Отряды голубых патрулей борются с браконьерами, с нерадивыми загрязнителями моря. Они подкармливают рыб во внутренних водоемах. Вместе с тем ребята ведут много интересных наблюдений за природой.

И подобных примеров множество...

У САМОГО МОРЯ

С парохода и не заметишь, где начинается заповедник. Те же широко разлившиеся воды Рыбинского водохранилища, те же обрывистые берега, заросшие по самую кромку золотистыми соснами. Деревья еле удерживаются корнями за осыпавшийся берег. А некоторые уже оступились.

Можно бы сойти в любом месте. А вот тянет именно в заповедник. Уже в самом слове «заповедник» скрыта неодолимая притягательность.

Поначалу все сложилось не ахти как удачно.

Открыв дверь директорского кабинета, я чуть не споткнулась о распростертого на полу огромного кудрявого пса. Сам рыжий, а спина черная, словно в попоне. Собака не шевельнулась, и я подумала: «Уж не чучело ли?»

В глубине большой комнаты за столом сидел директор и наблюдал за мной поверх очков.

— Вы по какому делу? — спросил он меня.

Очевидно, не узнал, хотя я бывала в заповеднике и раньше. Взглянув на мои документы, строго стал выговаривать:

— Надо было предупредить. Мы номер в гостинице забронировали бы. И вообще... Вы, корреспонденты и киношники, всегда как снег на голову. А у нас орнитолог Вячеслав Васильевич в Москве. Сам я тоже завтра уезжаю... А зоолога Миру Львовну только вчера высадили на дальний торфяной остров. С целой экспедицией. Мы им и домик там для жилья соорудили. Вот и вы могли бы с ними поехать...

Директор сделал паузу, вполне достаточную, чтобы я прониклась сожалением.

Я прониклась.

В самом деле, представится ли когда случай пожить на плавучем острове, одном из тех, что, взбурдав однажды воду, поднялся со дна моря?

Явление это вполне научно обосновано. Когда создавалось искусственное море, было затоплено много болот. В этих затопленных болотах происходят сложные биохимические процессы, и под их влиянием время от времени массы торфяника выталкиваются на поверхность и становятся островами. Сначала такой островок бывает мягким, неоформившимся, вступи на него — увязнешь. Но постепенно волны сбивают его, делают твердым и упругим. Они приносят сюда бревна, сучья, которые гоняют по всему морю. Ветер заносит на остров семена. Начинает расти трава, кустарники и даже деревья. Поселяются птицы... Островок становится обитаемым.

Все научно обосновано. И тем не менее есть тут и что-то таинственное, удивительное: была пустынная водная гладь и вдруг на тебе — остров. И на таком острове я могла пожить, посмотреть, как работают зоологи. Можно ли об этом не пожалеть! Хотя, случись ехать снова, опять приедешь без предупреждения: как-то неловко возвещать о своем приезде...

А директор, отдав дань эмоциям, говорит теперь очень спокойно и деловито. Больше до его отъезда встретиться не удастся.

— Как известно, первое в стране искусственное море было создано в 1941 году. Когда были построены две гидростанции — на Волге у Перебор и в устье реки Шексны. А в июле 1945 года, сразу после окончания войны, в северо-западной части водохранилища был

организован Дарвинский государственный заповедник площадью свыше ста двенадцати тысяч гектаров...

Главные его задачи? Охрана лесов, птиц, рыбы... разведение и охрана полезных для народного хозяйства животных и растений... выявление и изучение изменений, которые вызваны воздействием искусственного водохранилища на природу...

Территория, как сами видите, нам отведена самая обычная для этих мест, — сообщил мне директор. — Нет у нас никакой экзотики, никаких красот... Заповедник интересен как лаборатория, где в громадных масштабах в природе идут изменения, вызванные деятельностью человека, создавшего искусственное водохранилище.

Всем гостям прежде всего рекомендуют посмотреть музей.

Им гордятся. Для него отведено большое помещение в одном из недавно построенных домов.

В музее я застала только одного человека. Это был пожилой мужчина, высокий, худой, в ватнике, кирзовых сапогах. Он укреплял на подставке чучело огромной щуки. Мужчина взглянул на меня через плечо темными, глубоко сидящими глазами, положил зубастое чучело на стол и приветливо произнес старомодную фразу:

— Чем могу служить?

Он провел рукой с очень длинными пальцами по густой бороде, спадающей кольцами на ватник, потом прищелкнул каблуками тяжелых сапог и, слегка поклонившись, представился:

— Экскурсовод Лев Николаевич Куражковский. Пенсионер. В прошлом старший лесничий.

Прежде всего я попросила его закончить работу — укрепить щуку.

Лев Николаевич положил чучело на острия подставки и, ловко поддерживая его одной рукой, осторожно пристукнул сверху молотком, сказав:

— Ударяю слегка. Помню, что имею дело с дамой.

Щука села на штыри подставки и сразу обрела устойчивость. Зубастая пятнистая рыба смотрелась если не живой, то, во всяком случае, достаточно естественной.

— Ну вот, теперь я к вашим услугам, — сказал Лев Николаевич, с готовностью беря указку. — Пю порядку начнем? С ледникового периода?

Видимо, его не смущало, что перед ним один-единственный посетитель, он готов был провести полную, ничуть не укороченную экскурсию. Я призналась, что меня в данный момент больше интересует современность. Лев Николаевич стал охотно рассказывать об изменениях, которые произошли в природе в последнее время.

Взять хотя бы рыбу. Раньше она жила в здешних реках, озерах, привыкла к определенным условиям обитания, а в один прекрасный день стала вдруг жителем водохранилища. Новые условия пришлось по вкусу не всем рыбам. Некоторые исчезли, но на смену им появились новые. Через Шексну из Белого озера пришли снеток и ряпушка. А плотва заметно увеличилась в размерах. Научные сотрудники говорят даже о «гигантизме плотвы». Хорошей упитанностью отличаются и хищники...

Лев Николаевич коснулся указкой огромной щуки, которую только что укрепил на подставке.

— Одна беда: уровень водохранилища не подчинен

пока строгой периодичности, — говорит он. — Его меняют в зависимости от нужд электростанций. Природа же приноровилась к определенным срокам подъема и спада воды, и если это не соблюдается, то большой вред наносится и рыбному хозяйству, и лесному, и вообще природе...

В музее несколько освещенных диорам, которые дают представление о наиболее типичных уголках заповедника: болото с низкими, худосочными сосенками и разноцветным мхом; обрывистый берег с дуплянками на деревьях; низкий затопляемый берег, на котором замерли кулики, утки, береговые ласточки; лесная глушь, где на ветках замшелых елей сидят желтоглазый филин, рябчики, изогнулась в прыжке куничка, а из-за деревьев выглядывает большой бурый медведь...

Перехватив мой взгляд, Лев Николаевич коснулся указкой медведя и сказал:

— Этим медведем все очень интересуются... Раньше он у нас стоял посреди зала, и все обязательно его щупали. Зверя этого охотники случайно убили во время волчьей облавы. Шкура была оригинального темного, почти черного цвета. Я было решил, что это связано с особенностями питания в заповеднике. Но когда стали делать чучело, шкуру, как полагается, сначала замочили. И вода неожиданно стала черной, а шкура посветлела и превратилась в бурую, какой ей и надлежит быть. Оказалось, медвежья берлога была в угольной яме, чем и объясняется оригинальный цвет шкуры. Ям таких у нас, кстати сказать, немало. Когда-то в них жгли уголь. А сейчас многие звери роют в них норы. И лисы, и барсуки, и енотовидные собаки...

— Вероятно, и у других чучел музея есть своя история?

— А как же! Рассказать?..

— Если можно.

— Ну вот взять этого орла-беркута, — Лев Николаевич устремил указку на пеструю, коричнево-белую птицу с загнутым клювом. — С этим беркутом связана такая печальная история. Беркут — самая крупная птица в Европе. И самая сильная. Орел в полном смысле этого слова. Но теперь беркут стал большой редкостью. Поэтому мы очень обрадовались, когда в наши места залетела пара беркутов. Загнездились они на геодезической вышке. Пара была молодая. В первый год выводка не дала. А на второй год вывелся у них один птенец из двух возможных. И начали они его выкармливать... А тут приехала группа туристов и расположилась как раз под этой вышкой. Беркуты, конечно, испугались и перестали кормить своего птенца. Так он и погиб... Стал вот экспонатом музея...

А вот еще история. У старшего лесничего, то есть у меня, кто-то повадился таскать уток. Как-то ночью раздался крик очередной жертвы. И я прибежал в сарай с фонарем. Утка лежала на дощатом полу, на боку. Хотел поднять ее — не удалось. Кто-то с силой дергал ее к себе. Я к себе, он к себе. Наконец утка оказалась у меня в руках. Но без крыла. Крыло было оторвано и унесено. В следующий раз, услышав крик утки, я вызвал собак. И они словили хорька. Так он попал в музей. Что здесь интересно, так это упорство зверька. Отнимал утку у человека, пока крыло не оторвал!

Экскурсовод рассказывает историю за историей. Говорит он не спеша, повторяет фразы, если ему кажется, что я не успела записать. Вот еще история, которую я от него услышала:

— Как-то раз по глубокому снегу бежал заяц-беляк. Его гнала собака. И он бежал от нее навстречу человеку. И этим человеком был я. Озаглавить рассказ можно было бы «После снегопада» или «После метели».

По щедрости души Лев Николаевич предлагал мне воспользоваться не только его рассказами, но и готовыми заголовками к ним.

— Ну так вот, — продолжал он. — Я при виде зайца выскочил из саней и раскрыл полы шубы, чтобы принять в них и зайца и собаку. Оба они ввалились в эту шубу. Но что вышло? В шубе оказалась только собака. Что же случилось с зайцем? Позже мне удалось прочитать это по следам. Заяц нырнул под шубу, проскочил под лошадью и убежал. И хотя я пустил следом собаку, заяц выиграл у нее метров полтора. Он кинулся к заметенной снегом узкоколейной дороге. Там работала бригада рабочих, которая расчищала путь. Заяц повернул прямо на них. Проскочил буквально под носом у ошеломленных людей и помчался по расчищенному пути. Ну, а на таком пути у него преимущества. Он тут же запутал собаку по следу. Вот когда заяц плывет по только выпавшему снегу, преимущества у собаки: у нее ноги-то длиннее. И вот что я вам скажу: заяц — смельчак и умница. Лиса против него дура. Только волк его умнее. Зайца-то все едят, кому не лень. У него одна защита — голова. Он сохраняет свою жизнь отчаянной смелостью и догадливостью.

Произнеся этот панегирик зайцу, Лев Николаевич принялся за новый рассказ:

— А вот что произошло у нас с серыми цаплями. Когда создавали водохранилище, лес, к сожалению, вырубить не успели, и он ушел под воду. Дело это прошлое, но хорошо, если бы такое больше нигде не повторялось. Так вот этот затопленный, рушащийся лес не хотели покидать цапли. Мы старались привлечь их на прибрежный лес. Вязали охапки сучьев, вешали их на верхушки деревьев и поливали известью. Они подходили на старые птичьи гнезда, но цапель не привлекали.

Однажды нам понадобились жерди. В заповедном лесу рубить их нельзя, и мы послали бригаду нанятых рабочих нарубить их в затопленном лесу. Один из рабочих раньше состоял в охране заповедника, но был уволен за злоупотребления. Он был зол на заповедник и в отместку пошел рубить лес, где жили цапли, чтобы распугать их колонию.

Я тогда был старшим лесничим. Узнав, что происходит в затопленном лесу, я примчался туда и застал катастрофу. Вспугнутые цапли вились над гнездами, а воронье хватало из гнезд яйца.

И так мне было жалко цапель, что я чуть не заплакал. Но нет худа без добра. После этого события цапли перешли, наконец, гнездиться на береговой лес...

Я природу страшно люблю, — продолжал Лев Николаевич. — Лес, можно сказать, мой дом. Но нельзя говорить, что я читаю его словно книгу, как любят писать корреспонденты, — бросил он незлобиво камушек в мой огород. — Законы природы имеют столько исключений...

Был я когда-то яростным охотником. А сейчас охочусь... с фотоаппаратом. И эта охота куда интереснее, чем с ружьем. Природа вокруг тебя живет вполне непринужденно и многое тебе открывает.

Лев Николаевич достал из стола фотографию. С технической точки зрения она не очень удачна, но момент был схвачен любопытный. На воде друг против друга сидят две утки и... ссорятся.

— Это дикая утка ругается с моей подсадной, — улыбаясь, поясняет Лев Николаевич. — И поливает ее всякими словами, как торговка на базаре. А есть у меня дома такой неприличный снимок: лисица пристально смотрит на меня и... испражняется. Выражение у нее при этом на морде такое: плевать мне на тебя, фотоохотник!

«Много ли бывает здесь экскурсий?» — Вопрос этот я задала не случайно. Накануне отъезда в заповедник мне довелось присутствовать при споре двух ученых.

— Заповедник — это эталон. Понимаете? Эталон природы, — говорил один из них. — И как каждый эталон, он должен храниться в строжайшей неприкосновенности. Вот, например, хранится в Палате мер и весов эталон метра. Кому придет в голову мерить им, скажем, ситец в универмаге? А заповедность растаскивают на подошвах, грубо врываясь в природу...

Другой ученый возражал не менее горячо:

— Ну, врываться, допустим, никто не вправе. И тем более грубо. Но почему заповедники должны быть закрыты от туристов, любителей природы?..

Я все еще находилась под впечатлением этого страстного разговора двух искренних любителей и знатоков природы. Кто же из них прав?

Приходили на память и строки из книги «Пятнистый сфинкс» широкоизвестной самоотверженной защитницы природы американки Джой Адамсон:

«...я все более начинала осознавать трудности, ожидающие нас с увеличением числа туристов.

Конечно, мы радовались, что все больше и больше людей приезжают посмотреть на диких животных, да и доходы от туризма очень нужны. Но как сохранить в целости ту атмосферу Африки, ради которой, собственно, и стремятся сюда все эти люди? Я имею в виду ту полную жизни тишину зарослей, которую только изредка нарушают голоса или шорохи диких зверей... Как можно приветствовать этот неуклонно растущий поток туристов и в то же время не дать им превратить парки в помойную яму?»

А что думают по этому поводу в Дарвинском запо-

веднике? Первый, кому я задала этот вопрос, был Лев Николаевич Куражковский. Он тотчас достал ученическую тетрадку:

— У меня тут все учтено. Этим летом было пятьдесят три экскурсии, девятьсот девяносто два человека. И школьники, и научные работники, и рабочие, и студенты. А то приехало из Москвы пять человек. Мы, говорят, туристы-частники, ну я их так и записал. В другие годы бывает больше народу, до двух тысяч бывает... Мы им показываем музей и основные объекты здесь, на центральной усадьбе: дендрарий, питомник гадюк, глухарятник, проходим по берегу... Конечно, и при таком небольшом маршруте заповедность нарушается. Но, по-моему, ради того, чтобы большому числу людей рассказать о природе, заронить любовь к ней, желание ее охранять, стоит пожертвовать малой толикой заповедности... К сожалению, бывают экскурсанты, которые приезжают только выпить-закусить да нарвать букеты своим дамам. А уж удержать экскурсии от выковыривания грибов просто невозможно. Хоть руки им связывай! Был и такой случай: подвел я группу молодых людей к вольере глухарят, предупредил: не делайте резких движений, не шумите, а то глухарята испугаются, взлетят и могут убиться о сетку. Молодые люди все это внимательно выслушали, и тут же один из них ударил всей пятерней по струнам гитары и заорал диким голосом, чтобы увидеть, как глухарята убьются... Хорошо, те не испугались...

Выходит, посещать заповедник можно, но в виде кратковременной экскурсии, в сопровождении экскурсовода и только по установленному небольшому маршруту, и дальше ни шагу.

Таков был ответ на мой вопрос.

Вместе со Львом Николаевичем выходим из музея. Рыхлые, похожие на сугробы облака заслонили небо. Лишь кое-где остались голубые промоины. Очертания их все время меняются: дует ветер.

Сразу у дома начинается дендрарий. В течение многих лет сотрудники заповедника сажают тут разные деревья и кустарники, привезенные из дальних мест, проверяют: приживутся ли, можно ли их будет разводить в этих местах, разнообразить ими скупой северный пейзаж...

Хорошо прижились на новом месте сибирские лиственницы с нежной, светло-зеленой хвоей. Дружно стоят высокие березы.

— Эти деревья вам знакомы? — спрашивает меня Лев Николаевич.

Я уже по опыту прошлого приезда знаю, в чем дело, но не могу отказать ему в удовольствии.

— Что ж, березы как березы, — говорю я. — Обыкновенные.

— А вот и не обыкновенные! — обрадовался Лев Николаевич и добавил мне в утешение: — Я всем этот вопрос задаю, и почти никто правильно не отвечает. Это ребристые березы. Или, как их еще называют, желтые дальневосточные. Листья у них немного иные. Видите? И ствол не белый, а желтоватый. И еще кора отслаивается иначе — большими кусками...

Немного поодаль расположилась поросль молодых сосенок. Кое-где на вершинах и на концах ветвей сосенок хвоя необычно длинная. Мы подходим ближе. Среди длинной хвои темнеют кедровые шишечки.

— Об этих деревьях вам расскажет Константин Андреевич Кудинов, — говорит Лев Николаевич. — Он тут главный виновник...

Издали доносится запыхавшийся голос!

— Лев Николаевич! Где же вы? Экскурсия приехала-а-а!

Лев Николаевич шелкнул каблуками.

— Должен идти. Вы ведь еще не уезжаете? Заходите, пожалуйста, в любое время. Надеюсь быть полезным.

Я сидела в столовой и с добросовестностью, достойной лучшего применения, обгладывала куриную кость.

— Когда вы кончите обедать, положите, пожалуйста, кость сюда, — обратилась ко мне женщина с соседнего стола и протянула кусок газеты.

Высокая, крупная, с большим пучком светлых волос на затылке, женщина светится доброжелательностью.

— Это для моего друга, — поясняет она.

Так началось мое знакомство с Валентиной Михайловной Муцетони. Друг ее сидел под столом. Он прочно уперся в пол короткими рыжими лапами, устремил на меня острую черную мордочку и неистово вертел хвостом.

В заповеднике Валентина Михайловна в командировке. Она собирает материал для Дарвинского музея в Москве, где работает научным сотрудником. Комнату ей отвели в одном из старых домов. Когда я зашла к ней, мне показалось, что я попала в музей. На огромном длинном столе, на подоконниках, на стенах — всюду разложены, развешаны экспонаты. К картонкам пригвождены булавками жуки и бабочки, под их хрупкие крылья подложены комочки ваты. На стенах зарисовки летящих цапель, белогрудых чомг, плывущих е птенчиками на спине, ласточек в разные моменты полета, уток-гоголей, выглядывающих из развешанных на де-

ревьях дуплянок... За неимением свободного места в тесном соседстве стоят чучела рябенького тетеревенка, полосатого окуня с красными колючими плавниками, ласточки-береговушки. В углу растопырились сваленные грудой коряги...

— Все это экспонаты для нашего музея, — говорит Валентина Михайловна, здороваясь со мной. — Мы систематически пополняем наши экспозиции. Вообще-то у нас великолепные коллекции. Их собирало несколько поколений ученых. У нас хранятся даже коллекции Пржевальского, Мензбира, Сушкина... Представляете, какая это ценность!

Я представляю, поскольку не раз бывала в этом музее, посвященном эволюции природы, великому учению Дарвина, показавшего, как сказал еще Герман Гельгольц, что «...целесообразность в строении организма могла возникнуть без вмешательства разума, в силу самого действия одних естественных законов».

Первый раз я была там школьницей. Мне хорошо запомнился огромный слон, которого интересно было потрогать пальцем, прикоснуться к его шершавой коже, запомнился длинношей жираф, демонстрирующий своей длинной шеей приспособляемость животного мира к условиям жизни. Но отчетливее всего мне запомнился основатель и хранитель музея профессор Котс. Он был уже в преклонных годах, тем не менее вышел побеседовать с нашей рядовой экскурсией из рядовой школы.

— Мне хочется дать вам напутствие, — сказал нам профессор. — Скоро вам выбирать профессию, определять призвание. Так руководствуйтесь при этом только одним — голосом своего сердца. Как и при избрании спутника жизни, — и он приложил руку к груди.

В то время мы не думали еще всерьез о выборе профессии (до окончания школы оставалось несколько

лет) и уж тем более не был для нас актуальным вопрос о выборе спутника жизни. Но эти слова профессора дошли до сердца, запомнились, можно сказать, на всю жизнь...

Так что мне была очень приятна встреча с сотрудницей музея, к которому у меня сохранилось теплое, благодарное чувство.

— Мы все время стараемся пополнять музей, чтобы он был интересен всем, — толковала мне Валентина Михайловна. — С каждым посетителем мы проводим индивидуальную работу. Рассказываем, показываем. Никто от нас не должен уйти равнодушным. И к нам возвращаются снова и снова. Приходят целыми семьями, на весь день, с завтраками...

Слова «наш музей» Валентина Михайловна произносит с удовольствием, с откровенной гордостью. Но это не хвастливость. Нет. Очень приятно встретить искреннего патриота и энтузиаста своего дела.

— Мы собираемся создать биогруппу, — говорит Валентина Михайловна. — «Колония береговых ласточек». Это интересно для нашего музея, поскольку связано с деятельностью человека — с созданием водохранилища. Поэтому я и сделала эти наброски, — Валентина Михайловна кивает на развешанные рисунки, запечатлевшие ласточек в самые разные моменты их стремительных полетов. — Кроме того, я отловила двух ласточек и вот набила чучела.

На столе замерли две птички. Обе как бы в движении, в полете.

— Делать чучела непросто, — продолжает моя собеседница. — Не только трудно, но и муторно. Я столько этому училась! У нас в музее работает замечательный препарат Дмитрий Яковлевич. Я часами сижу, наблюдая за его работой. Он потомственный препаратчик. Его дядя, Филипп Евтеевич Федулов, происходит

из известной династии кожевников Калужской области. Это он делал для нашего музея чучело слона, которое считается одним из лучших в Европе. А чего это стоило! Филипп Евтеевич строгал шкуру лезвием косы, и коса превратилась в ниточку. Представляете? А потом Филипп Евтеевич монтировал слона по рисунку Ватагина. Вот это была работа! Сейчас эта профессия, к сожалению, исчезает. А ведь она очень нужна. Хорошее чучело помогает составить точное представление о животном. А кто будет чучела делать?

Очень скоро я проникаюсь мнением Валентины Михайловны, что все собранное в этой комнате величайшая ценность. Даже коряги, похожие на скелеты. Это здесь они на отменях валяются в изобилии. А попробуй найди их в Москве! В музее же они послужат великолепными подставками для птиц.

Мы долго рассматриваем богатства Валентины Михайловны. Разговор наш идет, как принято говорить, в полном взаимопонимании. И вдруг я сказала что-то нелицеприятное об охотниках — дескать, много от них вреда природе и неплохо бы этот вид спорта хотя бы на время закрыть, дать природе передохнуть, опомниться.

— Вы не делаете разницы между охотником и тем, кто стреляет, — довольно резко сказала мне Валентина Михайловна.

— Почему же? Очень даже делаю. Я видела охотников-промысловиков. Это профессия. Притом нелегкая, суровая, но нужная. Разве можно поставить промысловиков в один ряд с теми, кто забавы ради готов из своих новейших, мощных ружей перестрелять все живое? Все, что летает и шевелится в кустах.

Моя собеседница обиделась еще больше.

— Я не промысловик, но я охотник. Даже мужики за мной это признают. Я знаю, когда и в кого стрелять,

и никогда не оставлю подранка. Настоящий охотник, пусть не промысловик, а любитель, совмещает в себе много качеств. Он и убивает, и в то же время бережет и охраняет природу. Я сама ненавижу тех, кто попусту истребляет птиц и животных. Купил ружье и палит в бутылки, банки, в несчастного дрозда. Тот, кто возит ружье в кабине самосвала, кто готов палить везде, с любой дистанции в животное, это не охотник. Он мог бы и балалайку купить...

Да, балалайка — вещь неубойная. Она при неумелом обращении может лишь отравить настроение окружающим. К счастью, только настроение. А стрельба по живым существам наносит чудовищный вред природе. Подчас невозполнимый. Если действительно любишь природу, наблюдай за ней, фотографируй. Охота с фотоаппаратом тоже дает радость и поиска, и достижения цели, но без кровопролития. А лишать жизни в общем-то беззащитного зверя или птаху ради собственного удовольствия, когда нет на то нужды, недостойно человека. Вблизи городов птиц и зверей становится все меньше и меньше.

Хотя и говорят — в спорах рождается истина, мы с Валентиной Михайловной к единому мнению так и не пришли...

Геннадий Александрович занимает в заповеднике скромную должность лаборанта. По словам одного из сотрудников, он является «личностью исчезающей», напоминающей звезду: померцает-померцает и пропадет.

Говорят: в каждой шутке есть только доля шутки, а остальное правда. Геннадий Александрович действительно из тех людей, кто всю жизнь легко и охотно расстаётся с насиженным местом и устремляется в новые

края, к новым впечатлениям, делам, встречам. Такие люди нередко всю жизнь вот так и переезжают с места на место. Они полны самых разных сведений и всегда готовы ими поделиться.

Геннадий Александрович рассказал нам очень интересную историю об одном дереве и даже вызвался его показать. Мы отправились в лес в тот же вечер. Не потому, что не могли дожидаться утра, а оттого, что смотреть дерево надо было именно в сумерки.

Было еще светло, когда мы вошли в лес. Нас окружила удивительная тишина. Мы не слышали даже собственных шагов: ноги утопали во мху.

— Агрессивный мох! — замечает Геннадий Александрович. — Все выше и выше наслаивается. Смотрите, как деревце прикрыл. Скоро совсем накроет. И не увидишь...

Мы с Валентиной Михайловной шагали следом за Геннадием Александровичем, ставшим вдруг страшно молчаливым, и отбивались от комаров, проявлявших к нам повышенный интерес.

Наконец мы пришли к цели.

Перед нами стояла береза отнюдь не в цветущем состоянии. Вершина обломана. Кора ободрана, словно слиняла. Среди окружавших ее молоденьких тоненьких березок дерево выглядело мертвым. Мы довольно много прошли по лесу, но нам не встречалось таких толстых дуплистых деревьев, как эта береза. После того как леса были затоплены водохранилищем, крупные деревья стали редкостью. Лес на берегах молодой.

Геннадий Александрович широким жестом молча пригласил нас располагаться. Мы с Валентиной Михайловной устроились на пеньках. Наш гид остался стоять, приставив к глазам бинокль, который, как я заметила, неизменно висит у него на шее, и стал смотреть на толстую березу.

В ее стволе было несколько отверстий почти правильной круглой формы. В них темно. Что в этой темноте разглядишь? Геннадий Александрович опускает бинокль и неуверенно пожимает плечами: получится ли что-нибудь из нашего посещения?

Сидим. Молчим. Ждем.

И вдруг неподалеку раздается сухой механический звук, будто включился какой-то деловитый моторчик. Поработал немного. Стих. Через некоторое время снова заработал. Трудно предположить, что эти звуки издает живое существо, и уж тем более это непохоже на птичью песню. А между тем это песня. Песня козодоя.

Козодой развлекал нас недолго. И опять наступила тишина.

Геннадий Александрович продолжает стоять, опершись плечом о ствол, и время от времени смотрит на дуплистую березу в бинокль, не проявляя признаков нетерпения. Такой уж народ натуралисты. Терпение их главная черта. Могут сколько угодно времени сидеть, стоять, лежать, причем иногда в очень неудобной позе, лишь бы подсмотреть в природе что-нибудь интересное.

И вдруг из одного отверстия березы донеслось верещание. Тихое, но раздраженное, будто шел спор.

Мы встрепнулись. Верещание пробудило надежду: может быть, сидим все-таки не зря?

Но снова все стихло. В сыром мху стали стынуть ноги. Спина затекла от неудобного положения.

Прошел еще час.

Лес стал погружаться в темноту. Я уже стала опасаться: в потемках все равно ничего не разглядишь...

И тут из черного отверстия метнулось маленькое существо. Ринулось вниз, набирая скорость, и вдруг расправило крылья и стремительно взмыло вверх. Скользнуло меж деревьев, ловко лавируя между ними, и взлетело к вершинам...

Летучая мышь! Редкость в здешних краях, где не осталось для них дуплистых деревьев.

В гнезде снова раздалось визгливое верещание, и из черного летка вынырнул еще зверек. Он в точности повторил путь своего предшественника. Резко вниз, а затем стремительно вверх, к вершинам деревьев.

Небольшой перерыв. И снова в гнезде верещание. Еще вылет... еще... и еще...

Мы тихо считаем, как на соревнованиях:

— Четвертая... пятая... шестая... седьмая... восьмая...

Стремительные тени вырываются из гнезда, превращаются в крылатые существа, молниеносно разлетающиеся по лесу. Притом совершенно бесшумно.

Вспоминаю: сигналы летучие мыши издают. Мы их не воспринимаем — они слишком высокой частоты. Но сами мыши их отлично слышат. Эхо этих звуков служит им великолепным ориентиром в полете. Оно же помогает находить насекомых. Некоторые насекомые приспособились: приняв один-два сигнала летучих мышей, они складывают крылья, камнем падают на землю и успевают спастись.

Вылет кончился. Мы поднимаемся. Больше ждать нечего.

— Детеныши будут сидеть в гнезде до осени, — говорит Геннадий Александрович. — Пока не повзрослеют. Только тогда и вылетят...

Шагаем по темному лесу медленно, спотыкаясь о корни, с опасением отводя ветви от лица. А над нами стремительно проносятся крылатые тени. Невольно пригибаешься: вдруг, увлекшись охотой, летучие мыши не воспримут эхо-сигналы от твоей головы и врежутся в нее?

Но эхо-сигналы летучих мышей не подводят.

Константин Андреевич Кудинов, несмотря на молодость (ему не больше тридцати), работает заместителем директора заповедника. Я застала его в кабинете. Стол завален книгами. Константин Андреевич занес над чистым листом бумаги шариковую ручку и напряженно смотрит перед собой.

— С трудом даются мне научно-популярные статьи, — пожаловался он. — Скучно получается, неинтересно. А нас в письмах спрашивают: что у вас растет, кто у вас живет, что вы делаете, пришлите фотографии... Ну мы решили создать проспект о заповеднике, будем его рассылать... А пока сижу и мучаюсь. Вот надо мне сейчас написать, что были в этих местах дубравы, они затоплены водохранилищем, исчезли. А теперь мы сажаем дубы снова, хотим, чтобы у нас снова зашумели дубравы...

— А если так и написать...

— Так? А не скажут: легковесно, ненаучно? Один товарищ, отчитываясь, написал: «В этих местах я передвигался методом пешего хождения». К сожалению, в научных статьях такой стиль не редкость.

Константин Андреевич вздыхает и откладывает ручку.

— Так о чем вы хотели спросить?

Но тут дверь открывается и входит Валентина Михайловна.

— Как же быть с юннатами? — говорит она и решительно подходит к Константину Андреевичу. — Это очень хорошие, серьезные ребята. Надо им помочь.... Я сама из этого кружка вышла...

— Я не против... Можно их послать на кордон, — предлагает Константин Андреевич. — Там заливные места. Канареечник. Липняк есть. Лес растет.

А комаров! Положишь на них платочек — не падает. Но как их туда пошлешь? Вдруг с ними что-нибудь случится? Пойдут купаться... Еще утонут...

— У них ласты есть и маски, — успокаивает Валентина Михайловна.

— Ласты и маски может купить всякий, а умение плавать в магазине не продается. Ну да ладно, давайте их сюда, ваших юннатов.

Валентина Михайловна скрывается за дверью и возвращается с четырьмя юношами. Рослыми и усами.

Я познакомилась с ними накануне вечером. Ребята расположились в маленькой комнатке. На раскладушках разложены спальные мешки. В углу свалены рюкзаки. На обрубке дерева — котелок с кашей, которую ребята с аппетитом ели. Рядом в пластмассовом бидончике, прикрытом банкой растворимого кофе, что-то шевелилось.

— Повезло! — радостно сообщили мне ребята. — Только приехали, а уже двух гадюк поймали. А говорят, их надо выпустить. Исчезающий вид. Вон даже гадючник создан для разведения змей в медицинских целях. Не знаете, их надо обязательно на то же место выпускать? Мы их поймали километров за пять отсюда. Ноги-то бить...

И вот сейчас эти юноши стоят перед Константином Андреевичем, который должен решить их судьбу.

— Какие у вас планы? — спрашивает он по своему обыкновению чуть иронически.

Ребята иронии не улавливают и отвечают совершенно серьезно и простодушно:

— Узнать все о земноводных и пресмыкающихся...

— Все?

— Ну что возможно. Понаблюдать их повадки...

— Повадки какие у лягушки? Она прыгает... И вообще обо всем этом достаточно уже написано...

— Нам хотелось в природе пожить...

— Ну если хотите, можем вас отправить с лесником в лес. Этот участок объединен лосями. Надо его частично вырубить. И за то, что вырубите, мы вам заплатим. Побольше вырубите, побольше получите. Жить будете в палатке. Природа вокруг вас. Наблюдайте сколько хотите... Согласны?

— Согласны. Мы такого и хотели...

— А не простудитесь?

— Ну что вы! У нас лекарства есть.

Простосердечие ребят сломило Константина Андреевича.

— Ну хорошо, собирайтесь. Лесник за вами пойдет.

Валентина Михайловна, глядя на Константина Андреевича, удовлетворенно кивает головой.

Юннаты получили право на жизнь в заповеднике.

— Вы, кажется, не очень-то жалуете юннатов, — сказала я, когда Валентина Михайловна и юноши ушли.

— Так ведь одно дело, когда они приезжают на экскурсию, это пожалуйста. И совсем другое, если они тут чуть ли не все лето живут без руководителя. У нас ведь ими заниматься некому. А лишние люди в лесу — лишнее нарушение заповедности. Мы вот три дня покоя ввели. Три дня никто не должен ходить в лес, даже свои сотрудники, чтобы зря не вносить в природу беспокойство. Нам бы хотелось видеть у себя таких юношей и девушек, чтобы к нам потом шли работать. А экскурсии, повторяю, это совсем другое дело. Мы могли

бы принимать экскурсантов до пяти-шести тысяч за лето. Речь идет, конечно, не о том, чтобы гулять по заповеднику и развлекаться, а о так называемом познавательном туризме. Музей посмотреть, послушать лекцию. Пройти с экскурсоводом на цыпочках по проложенному нами маршруту, прикоснуться к заповедной природе, не нанеся ей ущерба.

Собственно говоря, это было ответом на вопрос о сложных взаимоотношениях посетителей с заповедником: «Милости просим! Но! Помните, что вы приехали не куда-нибудь, а в заповедник!»

— А как получилось, что вы посвятили себя изучению природы? Родители к этому имели отношение?

— Родители нет. Отец был бухгалтером. Он погиб на войне. Я его почти не помню. Мать была экономистом. Я сугубо городской житель. Есть такой городишко Москва... — Константин Андреевич снова перешел на свой излюбленный иронический тон. — Тем не менее я всегда очень любил лес, а свои привязанности и вкусы я обычно не меняю. И имя у меня такое — Константин, что значит постоянный. Я решил идти на лесоводческий факультет. Только выбирал между Тимирязевкой и Лесным институтом. Но в Тимирязевку надо было ездить на трамвае — это долго. А в Лесной на электричке — это быстрее. Вот и выбрал институт.

— А дальше? — Я уже привыкла к тому, что Константин Андреевич говорит в шутливом тоне.

— Дальше все очень просто. Окончил институт. Женился. Жену тоже далеко не искал, выбирал у себя на курсе. Где же еще лучше всего выявляется характер? Потом приехали с женой сюда, в заповедник. Стали полегоньку заниматься научной работой...

— Ну, одна из ваших работ растет прямо под окнами

ми, — я кивнула в окно, из которого виднелась сосна с длинной кедровой хвоей...

— Эта? Ну тут было все очень просто. Я когда сюда приехал, решил попытаться привить кедр на сосну. Сделал пятьдесят разных прививок. И... ничего не получилось. Тогда я стал изучать литературу. Оказалось, что метод таких прививок был уже разработан. После этого проблемы не было. Привитые деревья скоро зацвели. Но тут у кедра обнаружилось вредное свойство. Пыльца из созревших пыльников высыпается слишком рано. Приходилось ее собирать и опылять деревья. Только тогда вырастают кедровые орешки. Значение этих прививок в чем? Кедр начинает плодоносить только после восьмидесяти лет, а привитые деревья плодоносят уже через три-четыре года. Есть и еще одно достоинство. Собирать шишки с высоких деревьев кедра труднее, чем с молодых, невысоких, привитых. Можно заложить плантации кедров с наилучшей наследственностью и получить потомство от высокопродуктивных деревьев.

— А какая тема диссертации у вас была?

— Название у нее довольно длинное: «Результаты анализа особенностей роста сосны на побережьях Рыбинского водохранилища». Шесть лет наблюдал за деревьями. Не полагаясь на свою «гениальную» прозорливость и умственные способности, пошел по пути статистического анализа. Прослеживал прирост древесины в зависимости от колебания уровня водохранилища. И вот так, не спеша, пришел к выводам, которые, надеюсь, пригодятся и на других водохранилищах... Например, удалось выяснить, что в местах избыточной влажности влияние водохранилища на прирост древесины более отрицательно, чем в местах с недостаточной влажностью... Ну и многое другое...

— А по Москве не скучаете?

— Москва — мой родной город, и я его люблю. Рад бываю повидать его. Но никогда не жалел, что уехал. У нас была одна сотрудница, так по воскресеньям она ездила в ближайший наш город «людей посмотреть»... Мне лично это непонятно. Скучно мне не бывает. Интересная работа. Где я еще найду такую лабораторию, такое безграничное поприще для исследований? Скупая северная природа мне нравится. И сыну здесь хорошо расти на природе, на просторе. Я люблю свои книги, свой сад. Быт у нас тут, к сожалению, слишком сложный, мог бы быть легче. Но для меня это не главное... Нет, я, право, считаю, что сделал правильный выбор... Быть может, все оттого же, что постоянный, — улыбается Константин Андреевич.

— Над чем же вы сейчас работаете?

— Продолжаю исследовать влияние водохранилища на прирост древесины и вообще на растительность. Это очень обширная тема. И важная. Понимаете, очень нужно разработать методику наблюдений, чтобы по ним организовать стационарное изучение биологической продуктивности растительности. Как это делается на метеостанциях. Ну а дальнейшая цель — повышение продуктивности растительности. Взять, скажем, клюквенные болота. По подсчетам, продуктивность болот равна тому, что дает лес на такой же площади. Стоимость клюквы с одного гектара леса равна стоимости древесины с такой же площади. Вот и возникает вопрос: надо ли иной раз осушать болота, чтобы вырастить тут лес? Не лучше ли использовать болота, выращивая на них то, что им свойственно: клюкву, морошку, то есть исторически сложившуюся растительность... Все это надо обосновать, сделать расчеты... А клюква и морошка у нас отличные... Морошку вам непременно надо попробовать. Нежнейшая ягода. И вкус у нее просто изысканный...

Попробовать морошку мне довелось довольно скоро.

По мере приближения субботы сотрудники заповедника один за другим стали заходить в кабинет лесничего и выходили оттуда, с удовлетворением вертя в руках какие-то бумажки.

— Слыхали, морошка поспела. Пойдете? — спросила меня соседка по гостинице. — Все идут. Возьмите разрешение.

Когда идут все, устоять трудно.

Молоденький сотрудник лесничества сидел за столом и как пасьянс раскладывал пакетики с семенами растений. Он оторвался от своего дела и достал из стола список сотрудников заповедника, в котором меня, естественно, не было.

Он поколебался, но потом все же достал отпечатанное типографским способом «Разрешение», вписал в него мою фамилию, число, а против слова «разрешается» написал: «сбор ягод морошки для личного потребления».

Личное потребление человека, находящегося в командировке, ограничивается возможностями его желудка. Я взяла литровую стеклянную банку и утром, позавтракав, отправилась в лес.

В деревне мне повстречалась группа женщин и ребятшек с полными ведрами и корзинами оранжевой морошки. Женщины весело вспоминали:

— Рулевым-то у нас Пелагея была... Раньше всех встала.

— А Марья проспала и как шпарила за нами!

Моя банка привела их в умиление.

— Да из-за этого ходить! Да еще одним! Давайте

мы вам насыплем, — и несколько пригоршней с янтарной морошкой потянулись к моей банке.

Соблазн был велик, тем более что низкое небо начало брызгать дождем. Но я устояла. Вернее, почти устояла — взяла только несколько ягод: вдруг сама не найду, так чтобы знать, какие они.

Оранжевая ягода похожа на малину. Такая же ячестая. Необыкновенно сочная. Кисло-сладкая. Такой хорошо, наверное, утолять жажду в жару. Жаль, что в ней много мелких твердых зернышек, как песчинки.

Женщины растолковали мне дорогу:

— За вторым мостиком канава. Вдоль нее тропка. Нигде не сворачивайте. А то в болотах и закружиться недолго.

Канаву я нашла быстро. Она незрядно заросла. Черная вода, стоящая в ней, казалась древней. Узкая тропинка повела в глубь леса сквозь черничник. Вскоре началось болото. Сосны становились все ниже и ниже. Многие засохли и покрылись безжизненным серым лишайником, словно узорчатым инеем. Да и живые зеленели только вверху. Полумертвый низкий лес, окутанный сероватой пеленой дождя, был по-своему привлекателен.

Я вспоминаю слова Геннадия Александровича: «Болото как некоторые люди: чем больше вглядываешься, тем оно интереснее». Присматриваюсь.

Меж тонкой зеленой травы — желтоватые, коричневатые холмики мха, над которыми стоят на красных ножках крошечные желтоватые коробочки. Со всех сторон тянутся кусты, концы их похожи на кисточки, все в узких листочках. Растение издает удушливый смолистый, дурманящий запах. Это багульник болотный.

От найденной тропки ответвляется узенькая, чуть намеченная. Соблазнившись ею, я сошла с проторенной дорожки и пошла в глубь болота.

Зелеными солдатиками стоят на холмиках мха низенькие растения. Длинные жесткие листочки плотно прижаты к стебелькам. А на верхушках головками собраны мелкие лиловатые цветочки, а где и ягодки с подурянившимися уже боками.

Во мху рассыпана целая пригоршня темно-красной клюквы с опавшими боками. Откуда она взялась? Я подобрала одну ягоду посмотреть, а она привязана к тоненькому стебельку. И другая так же. И третья... Вовсе они не рассыпаны, а сидят на родных своих черенках. Почти целый год! Попробовала. Рот обдало кислинкой. Обычный клюквенный вкус. Просто не дочиста собрана ягода. И целый год уже ждет, не понадобится ли кому.

Сколько хорошей ягоды пропадает! Жаль. Вот если бы все, что родит земля сама, без участия человека, собирать и использовать — насколько бы мы стали богаче.

Но где же все-таки эта морошка?

Тропинка словно исчезла. Во все стороны расходятся одинаковые пятнистые кочки мха, одинаковые низкие сосенки... Будто ничего другого в мире не существует, кроме вот болота этого да еще мелкого бесконечного дождичка.

На какой-то момент стало жутковато: неужели «закружилась», как предупреждали женщины?

Полагаясь на интуицию, иду вправо. Останавливаюсь. Кругом то же однообразие, словно стояла на месте и никуда не двигалась.

Снова иду. Под ногами чавкает вода. Останавливаюсь. Все тот же полумертвый лес. И ни одного следа. Словно не бывало тут никогда человека. Слушаю шелест дождя. Дальше идти не решаюсь. И вдруг вижу меж моховых холмиков слегка примятую траву. И как я раньше ее не разглядела!

Тропка выводит меня к канаве. Отсюда недалеко до дороги.

Да, но как же морошка?! Я же так ее и не увидела. Потоптавшись в раздумье, я поднимаю повыше воротник плаща, чтобы холодные капли не попадали за него, и снова шагаю вдоль канавы по тропинке, по которой мне и наказывали идти женщины. Теперь уже никуда не сворачиваю.

Чем дальше, тем тропинка все шире и растоптаннее. Мох смешался с землей в сплошное месиво. Сапоги увязают, не вытащишь.

Но вот наконец прямо у тропинки на кочке распластались широкие листочки. Они видны издали. У всех растений на болоте листья узкие, а тут вдруг широкие полукружья, изрезанные по краям. И над ними прямо вверх нацелены ячеистые ярко-красные ягоды на упругих стебельках. Как тугие футбольные мячики. Ягоды лежат, как в чашечках. Крепкие, не раскусишь! И безвкусные.

Ярко-красные, значит, еще не дозревшие. А рядом на кочке — крупная оранжевая ягода. Янтарная. Так и распирает ее от сока. Пробую сорвать. А она лопается, разлезается в руке. Перезрела. Такие надо прямо в рот. До дому не донесешь.

Увлечись, я иду по дорожке, забыв о дожде. Банка моя почти наполнена крупными спелыми ягодами.

Вскоре я поворачиваю обратно и шагаю не останавливаясь к деревне.

На лесной поляне стоит большое строение. Полom здесь служит густая высокая трава, а потолком и стенами — мягкие сети. Сети белые, и издали кажется,

что строение погружено в таинственный молочный туман.

За сеткой не спеша прохаживается огромная краснобровая птица. Темная, с белыми отметинами на боках.

Глухарь.

Вот он вытянул шею, приоткрыл светлый клюв, словно от удивления, нацелился. Хлоп! Сглотнул комара.

Я стою от него в двух шагах, но на меня он внимания не обращает. Почесал клювом под крылом, поскреб лапой шею. Прошелся. Остановился прямо против меня. И вдруг распустил хвост веером, оттопырил на шее воротник из перьев. И даже бородка под клювом у него затопорщилась. Грудь стала широкой, и вся птица словно раздулась. Вот это уже для моего утешения. Но вскоре оперение глухаря стало опадать, и он приобрел прежние размеры. Попугал — и хватит! Видимо, особого страха я у него не вызываю, и хорохорился он больше так, для тренировки.

А глухарки, коричневато-серые курочки-рябы, спокойно сидят на крыше навеса и никакого беспокойства при виде меня не испытывают.

В соседней вольере — такие же глухари и глухарки. А держатся иначе. При моем приближении они явного страха не выказали, но тут же не спеша, о чем-то толкуя меж собой, стали уходить в глубь вольеры. Спокойно, будто и не из-за меня, а вот ушли. Не приручились еще.

Глухарь — птица дикая, древняя. До недавнего времени попытки разводить ее в неволе ни к чему не приводили. Поэтому опыт заповедника особенно интересен. Еще в прошлый свой приезд я узнала, как это началось.

Поймали одного глухаря в ловушку. Самца, рассказывали мне. Посадили в специальное помещение. На по-

лу солома. Жерди поставили. Но он через несколько дней нахохлился. Что делать? Взяли в руки. А он на руках и скончался.

В другой раз насобирали в лесу глухариных яиц. Принесли в термосах. Это чтобы не остыли. Подложили под курицу. Она высидеть высидела, а как выдупились птенцы, пошли недоразумения. Пищат глухарята не как цыплята, а по-иному. Курица их не понимает, злится. То одного клюнет, то другого. Да и птенцы ее не понимают. Только через месяц столковались, но за это время много птенцов погибло...

С тех пор прошло несколько лет. И вот теперь мне не терпелось повидать Вячеслава Васильевича Немцова и обо всем расспросить его. Оказалось, он в Москве, в командировке. И я отправилась искать Елену Константиновну, которая ходит за глухарями.

— Она на брудере, — строго сказала мне молоденькая лаборантка в очках и добавила: — И кажется, посторонним туда нельзя...

Что такое брудер, мне уже раньше растолковал один из сотрудников.

— Брудергауз — значит цыплятник. Однако название «брудергауз» в заповеднике не прижилось. «Цыплятник», впрочем, тоже. Право на жизнь завоевали себе два названия: сокращенное «брудер» в официальных разговорах и «глухарятник» — в просторечье.

Глухарятник я разыскала на задах поселка. Это был маленький домик, окруженный верандой, обтянутой мелкой металлической сеткой. У домика я и нашла Елену Константиновну, женщину средних лет, очень спокойную и ясноглазую.

— Показать покажу, — сказала она. — Но только снаружи. А расскажет Вячеслав Васильевич. Он вот-вот придет. А то вдруг я что-нибудь не так скажу...

За сеткой копошатся птенцы. Рябенькие, в черную

клеточку — тетеревята, покрупнее, рыженькие — глухарята.

Елена Константиновна сорвала несколько головок клевера и просунула сквозь сетку душистые красные головки. Птенцы немедленно столпились у сетки и, расталкивая друг друга, старались урвать для себя кусочек. Не обошлось без конфликта. Один из птенцов клюнул брата в темечко.

— Нельзя драться! — возмутилась Елена Константиновна. — Скажи, пожалуйста, в самое больное место ударил.

Восстановив справедливость, она стала пояснять:

— Этим большим петушкам уже по сорок пять дней, — она залюбовалась задиристыми крупными птенцами, которые уже меняли детское рыжеватое оперение: у них появились черные хвостики и рябые грудки. — Скоро петь будут, — мечтательно продолжала Елена Константиновна. — И так это неуклюже у них получается! А крылья и хвосты при этом распустят как взрослые. Но цоканья того нет... Их бы сейчас на волю. Вот бы взлетели... Я все прошу, чтобы им дали выгулы большие. Говорят, нельзя, могут заразиться. До трех месяцев надо держать на сухом песке.

В прошлом году без потерь всех подняли. Если и в этом году так будет, можем говорить: добились!.. Мне нравится их доверчивость. Они привыкают к человеку, который за ними ходит. Не то по голосу узнают, не то еще как. Вот бы вам их сфотографировать! Только отсюда ведь в клеточку получится. А в глухарятник нельзя заходить. Стерильности! Мы помещение марганцовкой моем, а то и с хлоркой, и после проветриваем.

— Сколько же времени вы тут заняты?

— Да все двадцать четыре часа! — смеется Елена Константиновна.

— Одна?

— С дочерьми. В три смены.

Выясняется, что старшая дочь приехала в отпуск. Она работает учительницей в Якутии.

— За два месяца отпуска она этих птенцов и подымет.

Младшая дочь — восьмиклассница.

— Она у меня чудесная, потешная девчонка. Очень любит птицу. Она и дома за птицей ходит. И сюда, на брудер, приходит с охотой, а придя, обязательно спрашивает: «Ну как вы тут, голубчики?»

Подъехал Вячеслав Васильевич. Прислонив к дереву велосипед, он подошел к нам с бидоном в руке. Вячеслав Васильевич был в отличном настроении.

Он запомнился мне по прошлому приезду энергичным, деятельным, уверенным в себе человеком.

Мы стояли тогда с ним у вольеры, в которой неторопливо прохаживалась крупная пестрая глухарка. Вокруг нее, попискивая, беспечно топтались пушистые птенцы, поклевывая в траве лакомых мошек. Глухарка то и дело останавливалась, вытягивала шею и, вертя головой, прислушивалась: нет ли опасности ее детям.

Это был первый глухариный выводок, родившийся в неволе. И хотя сложностей и трудностей возникало немало, казалось, опыт удался, и теперь этих ценных птиц можно будет разводить в питомниках и выпускать в леса.

А тут Вячеслав Васильевич говорит сдержанно, даже, пожалуй, осторожно:

— Создать маточное стадо нам удалось. Восемьдесят птиц. Здоровых, сильных. Вы их видели. А вот выращивать молодняк в искусственных условиях сложно

и трудно. Самый дешевый способ — выращивать птенцов с матками в выгулах. С него мы и начали. Вы это видели в прошлый раз. Но из этого ничего не получилось. Такой способ не обеспечивает должной гигиены. Обязательно заносится инфекция, и птенцы гибнут. Надо сказать, глухари и тетерева изучены слабо, слишком недоступны они были в природе. Вот и изучаем в брудере все их особенности.

Здесь мы создали гигиеническую обстановку. Содержим выведенный в инкубаторе молодняк на искусственном грунте. Пол цементный, чтобы никакой червь не проник, сверху покрыт речным песком, промытым и прокаленным. Искусственный грунт, можно считать, мы создали. А корма? С ними ведь тоже можно занести инфекцию... И мы разработали искусственный рацион, причем ввели в него компоненты, доступные в хозяйственных масштабах. Ведь мы разрабатываем методику, которую в дальнейшем можно будет применять на птицефабриках. Считалось, например, что раз глухари и тетерева родственники кур, то и кормить их птенцов надо как цыплят — кашей и яйцами. А этим птенцам, оказалось, в первые дни жизни необходимы животные корма. Вот и ведем экспериментальную работу, наблюдаем...

Елена Константиновна взяла бидончик, который привез Вячеслав Васильевич, и вошла в вольеру. Тотчас к ней со всех ног заспешили птенцы.

Елена Константиновна достала длинный пинцет и извлекла им из бидона мучного червя.

— Из Москвы привез. У нас не достанешь, — заметил Вячеслав Васильевич.

Червяк извивался, зажатый пинцетом. Птенцы неистовствовали. Самый большой и шустрый наконец схватил червя и бросился бежать. Остальные птенцы ринулись за ним.

Птенцы носились по вольтере, вырывая лакомство друг у друга, пока не заметили, что Елена Константиновна держит пинцетом другого не менее привлекательного червя. Тогда все кинулись к ней. На этот раз Елена Константиновна быстро достала из бидона несколько червячков, и все птенцы были улагодворены.

— Кр-р-ру! — вдруг гортанно крикнула Елена Константиновна.

Птенцы ринулись врассыпную, забыв даже о лакомых червях, и замерли в углах вольтеры.

— Это сигнал опасности, — объяснил Вячеслав Васильевич. — В природе, когда наседка подает этот сигнал, птенцы прячутся в траве, замирают и ни за что не выйдут до сигнала отбоя. Давайте же сигнал, — обратился он к Елене Константиновне.

— Ала-ала-ала, — произнесла она, и птенцы тотчас встрепенулись и вернулись к прерванной трапезе.

— Инкубаторные. Выросли без матери. А вот прекрасно знают сигнал тревоги и молниеносно на него реагируют. Это одно из знаний, которое передается им по наследству. При сигнале тревоги страусиные яйца незадолго до вылупления птенцов раскатываются в стороны. Так остро проявляется у птенцов инстинкт самосохранения еще до появления на свет.

Глухарь — птица древняя, — продолжает Вячеслав Васильевич. — Она плохо приспособляется к изменившимся условиям среды. В зоопарках глухари больше месяца не выживают, гибнут от инфекций. У них реакции мгновенные. Ринутся уйти от опасности и нередко разбиваются. Иногда с ними случается смертельный шок от страха, от перенапряжения. Одним словом, работать с такой птицей трудно. Надо ее сначала приручить. Вот мы и пытаемся вырастить доморожденных птиц. Но процесс этот идет медленно.

Мы считаем, что единственный целесообразный спо-

соб выращивания птенцов — инкубаторно-брудерный. И тут мы подошли уже к полупроизводственным масштабам.

Полагаем, что таким способом можно будет разводить на птицефермах глухарей. Не должна эта птица исчезнуть с лица земли! И мы делаем все, чтобы она жила на белом свете, причем не в девственных лесах, а в культурных условиях, вблизи человека...

Уже перед самым моим отъездом Константин Андреевич вдруг спросил:

— Ну а с Наталией Ивановной Аничковой вы, конечно, познакомились?

— Да, — киваю я.

Я хорошо помню эту пожилую женщину, очень скромную, неразговорчивую. Мы ездили вместе по Рыбинскому морю, и она обстоятельно дала характеристику состава воды. Ответила на вопрос и снова углубилась в свои мысли. Более пространный разговор у нас не получилось. Даже когда, встретившись с ней и ее неизменным спаниелем в столовой, я хотела его угостить, она сдержанно отказалась: «Он у чужих не возмет».

— Наталия Ивановна — человек сложной судьбы и больших знаний, — поясняет Константин Андреевич. Против обыкновения он серьезен, не иронизирует. — Она очень квалифицированный гидрохимик и необыкновенно добросовестный работник. Работая здесь, собрала ценнейшие данные о составе воды Рыбинского моря, обо всех его изменениях. За собранными Наталией Ивановной сведениями приезжают из многих столичных институтов. Они очень важны для науки. По непомерной

своей скромности Наталия Ивановна сама писать ничего не хочет. Предоставляет использовать свои данные другим. Правда, одну статью она все же написала... Я ее уговорил.

Я чувствую, что краснею. Надо было мне понастойчивее порасспросить Наталию Ивановну о ее работе, о Рыбинском море...

Что ж, это теперь лишний повод, чтобы еще раз сюда приехать...

ВЫСОТА 3500

Нарзан оказался обычным. Слу-
чись его пить в Москве или Кисловод-
ске, он не вызвал бы особых эмоций
и размышлений. Но здесь...

Я пью нарзан маленькими глотка-
ми не только потому, что от него бо-
лью стынут зубы. Хочется убедиться
именно в том, что он самый обычный.
А вкус лучше всего распознается, если
пешь понемножку, подолгу держишь
напиток на языке — так советуют
дегустаторы, люди одной из самых редких профессий.

Когда кружка пустеет, я снова подставляю ее к фон-
тану, который хлещет из земли. Вспененный нарзан рас-
текается вокруг ручьями и озерцами, выбирая поудоб-
нее путь меж рыжеватых **кочек**, окрашивая невзрачные
камушки в нарядный **красный** цвет.

Мощной струей **бьет из земли** целебный напиток.
Цены бы ему не было в другом месте! А тут некому
его ни пить, ни добывать. Не дошли еще руки.

Крутом **безлюдье**. Широко раскинулась удивительно
плоская **равнина**. Она **покрыта** цветной сухой, очень
короткой **травы**. **Словно** застлана рыжеватой звериной
шкурой кое-где с проплешинами. На них серой пеной
простуили **солончаки**.

Края долины **приподняты** и уложены складками
в горы. Те горы, что пониже, напоминают покатые спи-
ны животных. Сразу и не сообразишь, каких... то ли
олений, то ли верблюдов. Горы **рыжеватые**, бархатистые.
Местами **бархатистость** нарушается серыми осыпями
камней.

Выше громоздятся скалистые горы. Они разнова-
ны белыми полосками — это в распадках лежит снег.

Кое-где вершины облиты сияющими на солнце ледниками.

Здесь нет привычного зеленого цвета, на котором отдыхает глаз. Разве только на фуражках пограничников.

Высота!

Три тысячи пятьсот и выше...

Вечная мерзлота!

На глаз высота не ощущается. Не с чем сравнивать. Нет здесь ни головокружительных обрывов, ни глубоких ущелий, взглянув на которые наглядно представляешь высоту.

Вот только белые клубы облаков проплывают тут непривычно низко. Кажется, стоит взобраться чуть выше, и упрешься в них головой.

Да еще это состояние: чуть быстрее пойдешь — одышка, начинаешь торопливо захватывать воздух ртом; двинешься порезче — полоснет по сердцу; голову распирает, затылок наливается тяжестью. Словом, кислородная недостаточность.

Впрочем, как установили киргизские ученые, иногда высота идет людям на пользу. При инфарктах миокарда. В связи с тем, что в условиях высокогорья повышаются противосвертывающие свойства крови, ученые предлагают открыть на Тянь-Шане кардиологический курорт.

Вот тогда пригодится и нарзан.

В этих местах у меня состоялась еще одна неожиданная дегустация.

Нам встретилась на пути одинокая юрта. От нее отделилась кудлатая коренастая собака и помчалась на-

перерез нашей машине. Недалеко от юрты по земле тянулась веревка. К ней были привязаны лошади и жеребята с непривычно мохнатыми ногами. А дальше виднелись белесые россыпи овец. Овцы словно замаскировались под цвет долины. Я уже знаю: эта тонкорунная порода выведена в Киргизии. Выносливая, приспособившаяся к высокогорью, мясная, с хорошей шерстью. По пути нам попадалось много таких отар. Приходилось нередко останавливаться под напором овец, не собиравшихся уступать дорогу машине. Часто отары возглавляли не овцы, а черные козлы с узкими подрагивающими бородками. Оказывается, козлы более организованны, осмотрительны и увереннее ведут за собой стадо.

Когда мы подъехали к юрте, из нее, откинув кошму, закрывающую вход, вышел мужчина. На нем черный кафтан из вельвета, на голове круглая шапка, опоясанная пушистым мехом. За ним показалась женщина. В цветастом платке и в черном плюшевом пальто. Теперь редко увидишь людей в такой вот одежде.

Мужчина и женщина долго и сердечно трясли нам руки в дружеском пожатии.

Есть на земле еще места, где встреча с новым человеком большое событие.

Мы зашли в юрту и, сняв обувь, уселись на одеяла, которыми поверх паласа устлан пол. Некоторое время наше внимание было обращено на собственные ноги: как их разместить, чтобы не мешали ни себе, ни другим?

В черной железной печке мечется огонь. Но все равно в юрте не слишком жарко. Двое ребятишек, мальчик и девочка, жмутся к печке, быть может, не столько от холода, сколько от застенчивости. У ребятишек красные, будто нарумяненные щеки и черные огромные круглые глаза. Такие удивительные глаза у всех киргизских детей.

Хозяин — чабан и все лето вместе с женой пасет овец своего колхоза. На днях они с женой свернут юрту и будут спускаться вниз. Становится холодно.

Пока мы беседуем, хозяйка снимает пальто, висящее на стене юрты. Под пальто — объемистый мешок из овечьей кожи. Чанач. Округлость чанача заставляет полагать, что он не пуст. Женщина стала разливать его содержимое по пиалам.

Кисловатое молоко. Кумыс. Он удивительно приятен. А сознание, что он к тому же и целебен, придает неожиданной дегустации значительность. И хотя особого прилива сил я сразу не ощущаю, но удовольствие получаю несомненное. Сезон кумыса уже закончился, и я не надеялась его попробовать.

Приехав в республику, можно ли не заинтересоваться национальной кухней и напитками! Ведь это тоже часть самобытной жизни народа, создававшейся веками.

Кумыс известен кочевым народам с древних времен. перебродившее кобылье молоко становится напитком силы, исцеляющим от многих болезней. Между прочим, как сказал хозяин юрты, в кумысе содержится даже спирт, правда, в крайне малом проценте...

Когда едешь по отдаленным местам, всегда возникает мысль: доведется ли побывать здесь еще? Поэтому хочется увидеть как можно больше.

Мы свернули с дороги и поехали по сырту напрямик. К озеру, манящему яркой синевой.

Рыжий берег врезается в синюю воду, взъерошенную ветром, неприветливую, но удивительно красивую. У берега качается пушистая белая кромка. Снег.

Зачерпываю рукой ледяную воду. Пробую. Сначала

рот сводит от холода. Потом все же разбираю: вода чуть солоноватая.

На той стороне неширокого, вытянувшегося в длину озера высятся горы. Они белые. Словно насыпаны из песка. Но и сыпучесть и белизна только кажущиеся. К вечеру, когда зашло солнце, горы потемнели и как-то потвердели; в них появилась скрытая грозность. Но днем — спасибо солнцу! — горы белы, благодущны, вода ярко-синяя, а берег рыжий.

Где еще такое увидишь?!

Берег покачивается под ногами, как туго натянутый гамак. Болотисто! Ступаю осторожно, надеясь этим облегчить свой вес. Стараюсь все запечатлеть в памяти и на фотопленке. Но больше всего мне хочется сбечь чувство благоговейной радости, которое вызывает совершенная красота природы, особенно когда остаешься с ней один на один.

На плоской равнине все перед глазами, все без утайки. Издалека видна и метеостанция: маленький одноэтажный домик и рядом с ним площадка с метеоприборами.

Сюда и лежит наш путь.

После холода и ветра в домике особенно уютно. И хотя есть мне совсем не хочется, я с удовольствием вдыхаю домовитый запах щей.

В тесный коридорчик выходят и жилые комнаты, и служебные помещения, и склад с продуктами — до ближайшего магазина не одна сотня километров. Здесь нет привычной грани между работой и домом. Все соединилось воедино.

С начальником станции познакомиться не пришлось.

— Уехал Валера, вряд ли сегодня вернется, — говорит его жена Люба, худенькая светловолосая женщина.

Ей немногим за двадцать. Она тоже работает на станции техником-радиооператором. Смену свою сегодня отдежурила и теперь свободна.

На коленях у нее беспокойный малыш. Он силится вскарабкаться Любе на плечи и при этом зорко следит за тем, чтобы мать уделяла ему внимание... Люба пытается усмирить сынишку, проявить гостеприимство и не упустить щи, которые варятся на плите. И все это ей удается.

Конечно, мне хочется узнать подробности о жизни метеорологов-высотников. Какой же очерк без интересных эпизодов!

Люба старается мне помочь.

— Писанины у нас много... Конечно, если не запускать отчеты, то ничего... А так работа несложная, если ее знаешь...

Вероятно, если бы Люба приехала работать сюда из города, на нее нахлынула бы масса впечатлений, и ей захотелось бы ими поделиться. Но она родилась в горах. Всю жизнь на высокогорных метеостанциях. Для нее это самая что ни на есть привычная обстановка.

Родители Любы тоже метеорологи. Работали на гидрометпосту недалеко от Фрунзе. Когда отец ушел на фронт, его заменила мать. Потом они снова работали вместе. Подросли дети, стали им помогать и тоже полюбили эту специальность. Вероятно, самый естественный путь в профессию, если человек входит в нее с детства, осваивая постепенно, как осваивает окружающий мир. Только такой путь редко кому выпадает.

Но Любе выпал. И замуж она вышла за метеоролога. Профессия стала семейной.

Я смотрю на малыша. Скоро и он, научившись ходить, будет топтаться возле приборов, с которыми ра-

ботают его родители, и со знанием дела разбираться в облаках, не хуже, чем городские мальчишки в автомобилях. И кто знает... Впрочем, пока он не умеет еще ни ходить, ни говорить...

— Валера сказал, что на этом не остановится, — выдает Люба семейные тайны. — Техническое училище — это мало. Хочет дальше учиться. По радиоспециальности.

— А вы?

— Тоже думаю учиться...

Любе начинает нравиться рассказывать о себе, о своей жизни. Это ведь свойственно людям. Надо только встретить заинтересованного слушателя.

— Тут ветер снег сдувает. Его немного остается. Идешь на площадку, а ветер как даст в спину! Растянешься! Приходится выгадывать. Затишье — идешь. А порыв — стоишь, держишься за что-нибудь. Там, в горах, — Люба кивает вверх, — у нас стоит суммарный осадкомер. Валера туда сам ездит снимать показания. Сначала на лошади едет. Потом пешком. Возвращается черный весь. От усталости... Мы вот вниз спукались, в отпуск. И так у меня ноги отекли. Не могла себе обуви подходящей найти. Надо же! Говорят, человек к высоте настолько привыкает, что в других условиях существовать ему трудно.

Подошло время снимать показания приборов. Люба подхватывает малыша, и мы идем на площадку.

На площадке дежурит Кубанычбек, восемнадцатилетний практикант из технического училища. Он здесь уже четыре месяца и, как уважительно говорит Люба, вполне освоил дело.

Кубанычбек высок и широкоплеч. Он быстро шагает по площадке. Ветер распахивает полы пальто, рвет с головы шапку.

Приборов много. Прежде всего Кубанычбек снимает

показания с термометров. Они висят на стойках, лежат на земле и даже врыты в землю на разной глубине в специальных футлярах, как в ножнах.

Температуру, давление, влажность воздуха, количество осадков, характер ветра, облачность, видимость — многое позволяют узнать приборы. Их сведения — это первоисточники. Когда они собраны в один и тот же час по всей стране, по ним можно судить о процессах, которые происходят в атмосфере, предсказывать погоду на будущее. Не всегда это, как мы знаем, бывает точно, но заглядывать в будущее — дело непростое, да и первоисточники должны быть при этом абсолютно точны.

Мне приходилось бывать в Гидрометцентре СССР. Это один из трех мировых метеорологических центров в системе Всемирной службы погоды. Тут непрерывно произносятся слова «карты», «сводки», «наступление», «фронт», «заседание штаба». Это напоминает военную обстановку. Впрочем, погода — это достаточно серьезный противник. Его изучают, стараются предугадать его действия, чтобы не быть застигнутым врасплох.

А одна из сотрудниц метеорологического центра отозвалась о своей работе так:

— Нашу работу можно сравнить с работой врачей. Мы тоже ставим диагноз. У нас тоже много результатов анализов, симптомов, иногда даже противоречивых. А выбрать надо главные...

Кубанычбек сосредоточенно наклоняется то над одним; то над другим прибором: сведения должны быть собраны не только точно, но и быстро. И все же, замечаю, что у гелиографа он задерживается с особенной заинтересованностью.

Прибор и в самом деле любопытен. Стекланный шар, который ловит солнечные лучи. Ловит и, собрав вместе, прожигает ими дорожку на голубой, как небо, ленте.

Чем больше в этот день светило солнце, тем длиннее дорожка с черными обгорелыми краями. И надо со-
знаться, дело не только в его научной ценности. Мне
он напоминает детство. Кто не собирал лучи солнца
увеличительным стеклом и не выжигал заветные слова
на подвернувшемся куске дерева? Оказывается, это
свойство можно использовать для науки.

Осмотрев приборы, Кубанычбек вернулся в домик и
застучал ключом, передавая результаты наблюдений
в метеоцентр. Затем он тщательно записал в журнал
свои наблюдения.

Но вот срочные дела завершены. Можно сделать пе-
рерыв.

Кубанычбек улыбается, показывая великолепные зу-
бы, и охотно отвечает на мои вопросы.

— Да, практика заканчивается. Вот-вот придет ра-
диограмма из Фрунзе: спускаться вниз. Практика, ко-
нечно, пошла на пользу... Что было самым трудным?
Пожалуй, просыпаться ночью в урочный час. Такой
крепкий сон — никакой будильник не брал. Потом все
же приучился... После практики — каникулы. Потом
снова учеба. Еще полгода — и я техник-радиоопера-
тор... Высота нравится. Тут много удивительного. Небо
синее, а смотришь, идет снег. Отчего? Очень просто:
где-то далеко, в стороне, идут осадки, а ветер относит
их сюда. За двадцать, тридцать километров...

Кубанычбек встает и отправляется по делам: дежур-
ство!

Мы с Любой продолжаем разговор. Она говорит, что
на станции есть еще один дежурный — жена погранич-
ника Надя. И тут выясняется, что с ней я знакома.
Со вчерашнего дня. И не только с ней, но и с ее сы-
нишкой Андрюшей. Вначале состоялось знакомство
с Андрюшей. Он схватил меня за рукав и восторженно
объявил: «Я тебя арестую!»

Перспектива не слишком приятная. Но глаза у Андриюши ободряюще веселые. Это видно, несмотря на очки с толстыми стеклами. Из-под меховой шапочки с завязанными под подбородком ушами на лоб спускается белокурая челка. Мальчик заложил руки за ремень, которым подпоясано его пальтишко, и еще раз повторил, радуясь своей удаче: «Я тебя арестую! Ты здесь посторонняя. А я милиционер».

Действительно, я здесь посторонняя. А вот кого на станции нет, так это милиционеров. Мальчуган, видимо, решил восполнить этот пробел хотя бы на общественных началах. Но тут его посетила новая идея, которая показалась заманчивее: мне можно рассказывать! Я ничего не знаю. Он раздражается потоком слов:

— Мой папа знаете кто? Старший лейтенант! А скоро будет капитаном. А потом... генералом! — Андриюша даже захлебнулся от такой перспективы, тут же искренне в нее уверовал, успокоился и перешел к своим делам: — Я скоро в школу пойду. У меня будет сумка с книгами. Новая фуражка. И ремень. Как у солдата! Как у пограничника!.. А мы отсюда скоро уезжаем. Уже отпускные получили!.. А раньше, давно мы жили в Ташкенте. Там даже ночью тепло!

Вероятно, я недостаточно удивилась тому, что есть места, где даже ночью тепло, и Андриюша дважды повторяет:

— В Ташкенте даже ночью тепло! Даже ночью!

Я киваю, хотя думаю о другом. Болезненная бледность лица, очки — все это, очевидно, последствия высоты, и там, внизу, не сразу удастся их ликвидировать, так же, как последствия детства без ребячьего окружения, без возможности поболтать со сверстниками о своих мальчишеских делах.

А потом я познакомилась и с его матерью, Надеждой Ивановной, или Надей, как ее называют и, наверное,

долго еще будут называть по молодости лет. Мать и сын очень похожи. Такое же удивленно-заинтересованное выражение глаз, такая же белокурая челка. И очень скоро я поняла, в кого Андрияша такой разговорчивый.

Я узнала, что Надя окончила техникум легкой промышленности. Даже с отличием. Но ведь она жена пограничника. Ей не так-то легко применить свои знания, да и вообще найти для себя работу. Впрочем, первый год ей было не до работы. Очень плохо себя чувствовала — от высоты, что ли. Мучили головные боли. Да и Андрияша много хворал. Ну а как акклиматизировались, твердо заявила: «Не могу бездельничать!» И стала учиться на оператора. Опять учиться! Но что поделаешь? К тому же учиться ей нравилось. Надя овладела профессией техника-радиооператора. Третий год работает. Но теперь и они уезжают, мужа переводят в другое место. Это, конечно, хорошо. Устали от высоты. Андрияша, когда его привезли вниз, сначала боялся деревьев, от клубники наотрез отказывался. Конечно, внизу будет легче. Есть только одно сомнение: найдется ли для нее работа на новом месте?

Надя задумчиво смотрит большими голубыми глазами, над которыми разлетелись черные брови. Да, для жен пограничников работа — проблема серьезная.

..Вот и сейчас, разговаривая со мной о Наде, Люба обеспокоенно говорит:

— И как они там устроятся на новом месте?.. — И добавляет: — А мы скучать без них будем. Привыкли...

Смотрите! Смотрите! — вдруг закричала она, взглянув в окошко. — Точно! Сюда заворачивает! Значит, что-то есть!

С улицы доносится голос Кубанычбека:
— Почта! Почта!

Люба вскакивает и мчится к дверям. Конечно, в таком отдаленном уголке почта — большая радость.

Сейчас сведения о погоде собирают не только на метеостанциях.

Летающие над Землей спутники (первый советский метеоспутник «Космос-122» был запущен 25 июня 1966 года) «сбрасывают», как выражаются синоптики, массу ценных сведений о состоянии атмосферы. Это более совершенный метод.

Дважды в сутки затейливым веером расклеиваются «сброшенные» спутниками фотографии. На них облака, облака, облака... Где густые, плотные, где закрученные в вихри, а где развеянные в тонкий слой, сквозь который отчетливо видны знакомые очертания берегов, рек, озер... Словом, вся наша страна, охваченная единым взглядом оттуда, из-за облаков, с большой высоты.

Спутники как бы раскрыли естественные карты погоды. Их создала сама природа, рисуя белой краской — облаками.

Облака о многом могут рассказать: ведь они появляются в результате развивающихся в атмосфере процессов.

Установленная на борту спутников телевизионная и другая специальная аппаратура рассказывает не только об облаках, но и о распределении снежного покрова, ледяных полей, о температуре верхней границы облаков и открытых участков земной поверхности и о многом другом, что надо знать, чтобы изучать и предсказывать погоду.

Искусственные спутники Земли позволяют получить полные и обширные сведения. Ведь, совершая свой полет, они зондируют огромную толщу атмосферы почти непрерывно над всей планетой.

Ну а в будущем, и, возможно, недалеко, наземные метеостанции тоже станут автоматическими, и машины

с присущей им точностью и бесстрастностью будут регистрировать погоду.

Но это в будущем.

А пока тут, высоко в горах, работают люди. И хотя труд их сам по себе не очень сложен и тяжел, условия жизни и работы нелегкие. Очень нелегкие! Люди находятся там, где не выдерживает почти ничто живое.

Живут и трудятся.

Ведь кто-то должен тут работать, как бы трудно это ни было...

АКАДЕМИКУ – ДВОЙКА

До этого случая мне не приходилось слышать, чтобы академикам ставили отметки. И притом весьма придирчиво. Вплоть до двоек...

В ту осень я отправилась отдохнуть на Иссык-Куль.

Озеро чаще всего было спокойным и густо-синим, как небо. На нашем берегу почти сразу за поселком и его садами раскинулись покатые холмы, будто насыпанные щедрой щепотью.

Дальше беспокойно торчат вершины высоких гор, из-за них время от времени клубами выныривают облака. Кажется, что за горными цепями таится хранилище облаков. И нет им конца.

Озеро завораживает тишиной и безлюдьем.

Курортный сезон здесь по традиции заканчивается первого сентября, хотя великолепная погода стоит много дольше.

Каждое утро продавец в хлебном ларьке сочувственно роняет:

— Все еще живете?

И мне становится неловко, будто я нарушаю всем известное правило.

— Летом у нас хорошо, — говорит продавец, подавая тугую лепешку. Он патриот родных мест и, естественно, хочет, чтобы и у меня сложилось о них благоприятное впечатление. — У нас летом ой как хорошо! Шумно!

Но мне шума хватает и в Москве. Хочется обратного — тишины. Надо же человеку хоть изредка побыть наедине с собой!

Так прошло несколько длинных, длинных дней.

Однажды утром на пляж въехал грузовик. Шофер подал машину к ближайшему зонтику, влез в кузов и стал снимать с зонтичного каркаса выгоревшую ткань.

— Демонтируем, — счел он нужным пояснить. — Сезон-то у нас, знаете...

— Знаю, знаю...

Я окончательно почувствовала: зажила. Так скоро и с берега попросят. Надо сказать, бывая в курортных местах, я иногда думаю: у местных жителей может сложиться впечатление, что только они работают, а все остальные только отдыхают.

В оправдание своего присутствия здесь я решила отправиться на сортовой участок, о котором мне еще во Фрунзе рассказывал мой друг — киргизский писатель.

Путь лежит по берегу Иссык-Куля. Способ передвижения мой любимый: пешком.

Приятно идти по утрамбованному волнами, холодному твердому песку, который узкой кромкой тянется вдоль самой воды.

Шлепая по воде, обхожу изгородь, которая ограничивает территорию санатория, похожего на огромный белый корабль. Санаторий работает круглый год и оборудован по последнему слову медицины, как с гордостью рассказывал его главный врач — киргиз, человек молодой и энергичный.

Каждый вечер неоновая вывеска санатория опрокидывается в озеро и нарядно искрится в воде.

— Будто в Италии, — заметил один из отдыхающих.

Правда, как выяснилось, в Италии он не бывал.

По санаторному пляжу бродят отдыхающие, томятся над удочками, собирают ракушки, камушки. Их угнетает безделье. Отдыхать радостно, с толком умеют не все.

Но вот обширная территория санатория пройдена. Дальше незастроенный, незаселенный берег. Белое пятно на карте здравоохранения. Находка для того, кто захочет построить санаторий в отличном месте.

Но пока здесь дико.

Из воды кое-где вынырнули скользкие темные плиты, словно каменные ребра земли. Вода, обегая их, струится потоками, которые сталкиваются, гасят друг друга, меняют направление и, постепенно ослабев, сходят на нет. На песке разводы выброшенных растений, ракушки, камушки, которые уже не так красивы, как в воде. И повсюду огрызки яблок, размокшие окурки, которые люди кидают в озеро, а оно вышвыривает их обратно.

Выше песчаной отмели берег каменист и колюч. В горле пересыхает, когда смотришь на его иссушенность. Меж камней, которыми словно изопшла земля, торчат щелотки колючек, то и дело хватающих за ноги. Над колючками растопырились репейники, увенчанные рыжими цепкими шарами.

Я сажусь на теплый камень, и мне уже не видно ни санатория, ни поселка. Вокруг лишь высохшая, пропыленная земля.

Ан нет! Прямо на меня мчится лобастый ослик в коричневой свалывшейся шерсти, на полном скаку оставив торчком уши, подбитые густым мехом, внимательно меня осматривает. Потом подпрыгивает и кидается в бегство. Поодаль стоит его мать и равнодушно похрустывает колючками.

Я подымаюсь и шагаю к шоссе, окаймленному высокими тополями, поднявшими вверх зеленые ветви.

Позади дробный топот. Оглядываюсь. Опять мой любознательный ослик. Остановился, посмотрел в упор и, круто повернувшись, устремился к матери.

А я, притомившись на жаре, вскоре с облегчением погружаюсь в тень тополей. Сколько путников благословляет эту дорогу! И красива, и тениста. Одно неприятно: машины, проносясь мимо, заставляют жаться к стволам деревьев.

По краю дороги уютно урчит арык. Можно ли представить себе Среднюю Азию без арыка?

Но вот передо мной возникает голубая арка: «Иссык-Кульский плодово-ягодный госсортоучасток». Надпись малопоэтична, деловита. Болтливый арык сворачивает под арку. Наши пути с ним совпадают.

● ● ●

Заведующий участком, Федор Федорович Ионов, воспринял мое появление как неизбежность.

— Мы находимся в таком боевом месте, что в день у нас иногда бывают до десяти экскурсий... Особенно когда созревают абрикосы...

Тем не менее Федор Федорович тут же нахлобучил широкополую соломенную шляпу, такие носят здесь курортники, широко распахнул двери конторы, и мы отправились на участок.

Федор Федорович шагает на полную мощность, и я едва за ним поспеваю.

— Не знаю, насколько вы разбираетесь в садоводстве... Тут к нам приезжала одна женщина, так она делит все фрукты на вкусные и невкусные. Вот и вся классификация, — говорил директор. — Но если вы разбираетесь в садоводстве, то поймете, чего мы тут достигли. Еще в шестидесятом году здесь были только

камни да овраги. Одного камня вывезли мы пять тысяч кубометров...

Мы миновали аллею грецких орехов и вошли в квартал номер один, как написано на табличке. На грядках рядом торчат тоненькие прутики с зелеными листочками и белыми флажками-этикетками. Питомник. Здесь годовалые растения, самые юные на участке, на соседних грядках — двухлетки. Такое впечатление, что в землю воткнуты большие ветви. Все они в яблоках с желто-красными боками, все в белых точках. «Кулон-китайка», мичуринский сорт.

— Один академик к нам приезжал, так не верил, собственным глазам не верил! Где еще такая юная яблонька столь обильно плодоносит? — говорит Федор Федорович и добавляет: — Что и говорить, уникальная у нас зона для садоводства. Несравнимая!

А потом мы идем к взрослым яблоням. Кажется, что яблок на них больше, чем листьев. При виде такого изобилия невольно думается: ну, от одного яблочка тут не убудет...

— Можно попробовать? — спрашиваю я и, уверенная в разрешении, тяну руку к ближайшей ветке.

Федор Федорович бросает на меня колючий взгляд, но потом, пересилив себя, говорит:

— Можно! — И добавляет: — Одно!

И, как бы оправдываясь перед самим собой, продолжает:

— Одно можно... Это дерево не учетное. Вот следующие за ним, те учетные...

Но у меня аппетит уже пропал. Тогда Федор Федорович срывает красное яблоко и галантно протягивает мне. Я разламываю. Да оно и внутри такое же красное. А уж сочное!

Федор Федорович торопит меня к груше, изогнувшейся отягощенными ветками к земле.

— «Лесная красавица»! — провозглашает он. — Вкуса необычайного. Сочная. Тающая. Деликатес!

Я проглатываю слюну, полностью полагаясь на мнение специалиста. А он восторженно продолжает:

— Сорт этот плодоносит обильно и ежегодно. По двести девяносто центнеров с гектара! И имеет только единственный недостаток: быстро портится... Вообще груша в наших местах дает очень высокое качество. И я сторонник того, чтобы нашу зону сделать зоной косточковых и груши. А яблоня удастся и в других местах. Но у меня в этом вопросе возникли противоречия с некоторыми учеными, — тут Федор Федорович метнул на меня свой колючий взгляд, будто я заодно с его противниками.

Шляпа у него сбилась на затылок, и лицо от этого стало задиристым. Он секунду помолчал и добавил:

— Я вообще-то принципиальный очень в науке...

Но я уже и так поняла, что Федор Федорович из тех людей, что от взглядов своих не отступаются и не делают стараний примениться к чужому мнению.

Мы ходили по саду довольно долго. Как-никак пятьдесят шесть гектаров. Кварталы... кварталы... Как в населенном пункте. И притом населенном очень плотно: яблони... груши... абрикосы... персики... сливы... алыча...

Сливовые деревца так щедро усыпаны плодами, что Федор Федорович предлагает мне их отведать. Я с наслаждением срываю солнечно-желтую лакированную сливу.

Но хоть деревья и обременены фруктами, лишь с некоторых из них рабочие снимают плоды и укладывают в ящики.

— Не хватает рабочих! Не хватает, — вздыхает Федор Федорович. — И не только у нас. В совхозах тоже...

Сад мне понравился. Не мог не понравиться!

Заметив это, Федор Федорович подобрел, разговорился. Самое время было порасспросить его, и он охотно отозвался.

— Биография у меня большая. Ужас сколько было событий...

Сам я из Воронежской области. Из села Хреновё,— произнеся название родного села, Федор Федорович строго взглянул на меня, выждал, чуть усмехнулся: — А то некоторые делают в этом слове неправильное ударение...

Семья была крестьянская, но склонности у родителей оказались разные. Мать отдавала предпочтение овощеводству и неплохо торговала на базаре семенами со своего огорода, отмеряя их чайными ложечками. Семена ее были известны в округе, и люди охотно давали за них хорошую цену. Отец ушел в садоводство. Родители соперничали друг с другом. О результатах судили по заработку. Сначала Федор Федорович был на стороне матери, а потом принял сторону отца: очень уж удавались отцу яблоки.

Так Федор Федорович нашел призвание еще в детстве и не знал терзаний, связанных с выбором профессии. В начале двадцатых годов, после трехклассной церковноприходской школы он поступил в сельскохозяйственное училище, которое вскоре переросло в техникум. Четырехлетний курс обучения завершил за два с половиной года: «В то время такая у всех была страсть к учебе. Жутко!.. Тех, кто успевал, сразу пересаживали в следующие классы...»

Потом Федор Федорович работал агрономом, преподавал в школе колхозной молодежи, учился в институте, занимался научно-исследовательской работой. И все в своей родной Воронежской области и по соседству — в Мичуринске. В войну пошел на фронт, а после победы снова возвратился в родные края, к научной

работе: изучал, думал, спорил, учил, помогал растить сады...

Потом увлекся Киргизией, ее садами, теми, что уже растут, и, главное, теми, что смогут здесь вырасти. А когда пригласили работать на Иссык-Куль, охотно согласился и очень скоро привык говорить не иначе как: «У нас на Иссык-Куле», «В нашей зоне».

— Я уже говорил вам, что зона наша уникальная для садоводства. У нас зимы не бывает. Самые большие морозы — градусов десять. Почва промерзает на глубину пять-десять сантиметров. Не больше.

Мы ежегодно производим обмеры древесных стволов. В 1964 году сделали такой обмер, как всегда, в ноябре, после листопада. И куда-то эти материалы у нас запропались. Все другие научные материалы на месте, а этих нет. И решили произвести обмеры еще раз, в феврале. Произвели. А тут вдруг нашлись пропавшие материалы. Мы их сличили и очень удивились: стволы за несколько зимних месяцев стали толще.

Сначала я предположил, что это результат небрежности помощников. И в следующие два года мы сделали обмеры дважды: осенью и в конце зимы. И оказалось, ошибки нет! Деревья продолжают в наших местах расти и зимой. Это оттого, что морозов не бывает.

Наблюдение, что и говорить, интересное и немаловажное.

— А вот еще одна особенность нашей зоны, — продолжает Федор Федорович. — Не было случая, чтобы у нас вымерзли почки, ростовые или цветочные. А уж о ветках и говорить нечего. И это тоже исключительно важно для садоводства. И еще. Не бывает у нас возвратных морозов. Потому-то плодовые деревья так обильно плодоносят. Их никогда не бьет мороз во время цветения. И скороплодны они благодаря этому. Помните, сколько яблок было на двухлетках... Или взять

урюк. Посеяли мы его семенами вдоль границы участка. Как живую изгородь. А он уже через два года стал плодоносить. Это же исключительный случай!

Так, за разговором мы вернулись в контору. Почти всю комнату Федора Федоровича занимает огромный письменный стол, на котором высятся высокие пирамиды книг и туго набитых папок. Федор Федорович водрузил поверх них свою шляпу и взял со стола таблицу. Я обратила внимание, что в ней стоят две фамилии известных академиков и против каждой цифры: 2, 3, опять 2...

— Это наш листок дегустации, — пояснил Федор Федорович. — Ведь главная задача сада — испытание. Мы испытываем лучшие сорта плодово-ягодных культур, отечественных и зарубежных, чтобы обогатить местные сады новыми плодово-ягодными растениями...

Садоводство на Иссык-Куле ведется издавна, и многие сорта яблок, груш проверены здесь временем и стали традиционными. Но, как оказалось, есть на свете немало культур, особенно из числа выведенных за последние годы, которые успешно приживаются на берегах Иссык-Куля, внося разнообразие в местное садоводство, улучшая его.

Сначала Федор Федорович и его помощники разыскивают новые сорта в научной литературе, которую прочитывают в большом количестве. Отобрав по описаниям сорта, они включают эти растения в план своих испытаний. И вот на участок начинают прибывать черенки. Из Белоруссии, Молдавии, Грузии, но чаще из различных республик Средней Азии. Четыре-пять лет идут испытания: на урожайность, на качество плодов, на мо-

розоустойчивость, на устойчивость к вредителям, к засухе... А потом настает время экзамена. В приемной комиссии — сотрудники участка и главные агрономы соседних совхозов и колхозов.

Дегустация проходит по всей строгости и с великой беспристрастностью.

— Каково мне было списывать яблоню «шафран-китайку», мичуринский сорт! — говорит Федор Федорович. — Я сам мичуринец. Боролся за этот сорт. А вынужден был списать. Из-за резкой неравномерности плодов. В наших местах «шафран-китайка» дает до сорока процентов мелких плодов.

— Пятерки у нас ни один сорт не получает, — продолжает он. — Ведь если получил пять — значит все. Это предел. Дальше селекционировать незачем. А предела для совершенства нет!

Случается, что сорт, хорошо зарекомендовавший себя в других местах, на Иссык-Куле не приживается.

— Есть такой сорт абрикоса. Назвали его «Олег Кошевой». А у нас он просто позорит это имя. Мелкий и поздний. Или испытываем мы сейчас персик «Антон Павлович Чехов». И пока, знаете, ничего особенного... А вот тут, сами видите, — Федор Федорович пододвинул мне лежащую перед ним ведомость, — сорта абрикосов носят имена академиков, а мы их списываем. На двойку себя показали. Один по величине, другой по характеру вкуса... Я уж сколько говорил: скромнее надо называть новые сорта. Еще неизвестно, как они себя покажут...

Разные бывают неожиданности в работе испытателей.

Прислали как-то ранний абрикос из Самарканда. На сортоучастке его встретили с недоверием. Очень много было хлопот с некоторыми растениями, прислан-

ными с этой станции, не задавались они на Иссык-Куле. Поэтому решено было зря не рисковать и заложить на испытание только часть полученных саженцев. А куда девать остальные? Но на них охотники нашлись. На участок постоянно приходят местные жители, интересуются новыми саженцами. Но бывают такие настырные! Им и продали саженцы сомнительного абрикоса. А он возьми и окажись необыкновенно ранним и замечательным по вкусу. Простить себе не могу! Вот как можно ошибиться, — сокрушается Федор Федорович.

— А какие фрукты ваши самые любимые? — спрашиваю я.

— Это как смотреть, — серьезно отвечает Федор Федорович. — Для меня так всего дороже в наших местах, представьте, алыча. Она имеет отличные вкусовые качества. Ежегодно плодоносит, и очень обильно. У нее урожайность — триста-четыре ста центнеров с гектара. К тому же неприхотлива, мало подвергается нападению вредителей. Впервые мы ее у нас испытывали по инициативе Москвы. Совсем новая в наших местах культура. И не все сразу ее приняли. А сейчас — верите? — население выпрашивает друг у друга саженцы. Вот как понравилась. Так было и с персиком. Раньше его здесь не уважали. И мы поначалу просто не знали, куда девать саженцы. А сейчас его у нас всю выращивают... Должен отметить, — продолжает Федор Федорович; и голос его становится металлически официальным, — расходы, вложенные в госсортоучасток, давно окупились. Сейчас мы можем жить вполне самостоятельно и даем государству прибыль. И что еще приятно: познакомиться с нашими делами приезжают из соседних республик. Знают нас там...

Федор Федорович сказал это не хвастливо, но с удовольствием, с достоинством: «Чужого хлеба не едим!»

У меня давно уже вертится на языке традиционный вопрос: «Какая у вас ученая степень или звание?» Всегда его задают научным работникам, исследователям, экспериментаторам.

Федор Федорович на мой вопрос отвечает:

— Диссертация, она ведь сколько времени требует. А у меня ну ни минуты свободной! Материал-то собран. Богатый. По биологии плодовых в Иссык-Кульской котловине. Надо бы защищать. И буду. Только вы уж об этом не пишите. Вдруг не соберусь, неудобно будет.

Да не в этом суть! Я вот о чем мечтаю: развести еще хотя бы один сад где-нибудь здесь, поблизости... Вот это действительно очень бы хотелось успеть...

Федор Федорович хотел еще что-то сказать, но тут дверь приоткрылась, и в комнату заглянула женщина, та самая, которую мы встретили в саду. И опять она взглянула исподлобья, но удивительно мягко. Она сделала Федору Федоровичу какой-то знак, но он энергично покачал головой:

— Потом, потом!

Тогда женщина вошла в комнату, извинилась и терпеливо сказала Федору Федоровичу:

— Ну, нельзя же так... целый день без обеда...

Я поспешила вмешаться, чувствуя за собой вину:

— Мы кончаем. На сегодня...

— Да он всегда так. Никогда толком не поест. Все некогда...

— Это моя жена, — не столько представил, сколько объяснил Федор Федорович. — Жена и помощница, Клавдия Семеновна Ионова.

Мы познакомились, и Клавдия Семеновна ушла, сославшись на неотложные дела.

— Мне кажется, ваша жена очень добрый человек, — заметила я.

— Исключительно! — возликовал Федор Федорович. — А знаете, как я женился? Хотите расскажу?

Я тогда работал в Мичуринске. Поехал как-то по делам в один колхоз. Подъезжаем мы на линейке к деревне, навстречу девушка на паре быков. Где, спрашиваю, живет полевод Ершов? А она посмотрела на меня исподлобья и указала кнутом: «Вот там, в проулке». Я еще подумал: «Не могла поточнее ответить. Недотепал!» Ну, нашли мы дом, маленький такой, неказистый. На крыльцо вышел старик, очень худой, видно, болезненный. Это и был полевод Ершов. Поехали мы с ним в поле. И тут навстречу снова та девушка на быках. Ершов и говорит: «Это моя дочь Клава». А она опять посмотрела на меня из-под нахмуренных бровей. Только теперь я заметил, что глаза у нее добрые, а брови уж больно хороши... Она, оказывается, только что закончила сельхозтехникум и работала в колхозе. Так вот и началось наше знакомство. И что меня в Клаве поразило, так это ее необычайное трудолюбие. Она вскоре и институт закончила, заочно. Трудолюбивая невозможно...

Антон Павлович Чехов писал: «...подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба... есть еще люди

иною порядка, люди подвига, веры, ясно осознанной цели».

Эти слова вспомнились мне, когда я покидала этот выращенный на каменистом пустыре фруктовый сад, отягощенный прекрасными плодами. Многие годы будет расти он. Многие годы будут и плодоносить в окрестных колхозных и совхозных садах фруктовые деревья, получившие здесь путевку в жизнь.

Сколько людей с наслаждением станут есть ароматные, сочные груши, персики, сливы, алычу... Будут ли они знать о скромном человеке, который в трудах и с радостью создал огромный сад, ввел в обиход новые плоды, к которым все уже так привыкли, что считают своими, исконными и даже удивляются: «А разве раньше-то они у нас не родились? Это почему же?»

Встреча с Федором Федоровичем навела меня на воспоминания о школьных учителях, и я мысленно возвратилась в предвоенное десятилетие.

Она была очень скромной, наша 64-я школа, хотя и стояла в центре столицы. Помещалась она в строгом двухэтажном здании с колоннами и толстенными стенами, помнившими еще пожар Москвы 1812 года. Мы любили свою школу. И школа любила нас...

...В средних классах русскому языку и литературе учила нас Алевтина Петровна Струченевская. Она была в эти годы и нашим классным руководителем. Обучая нас, она занималась сама в вечернем институте. На ее попечении была большая семья: трое детей. А быт в то предвоенное время был достаточно сложен. Но Алевтине Петровне нравилось нас учить. Она не считалась со временем и терпеливо учила вслушиваться, вдумываться в слово. И мы проникались любовью к прекрасному нашему языку, к литературе и убежденностью, что безграмотность, как всякое бескультурье, — это величайшее бедствие.

...Михаил Владимирович Суетинов учил нас истории. Был он человеком большой культуры, великолепным рассказчиком и любил пошутить. Нравилась нам и его аккуратность (неизменный далеко не новый костюм был всегда тщательно отутюжен), и его деликатность. На его уроках хотелось подтянуться и выглядеть поприличнее. Если же кто-нибудь разваливался на парте, предавался посторонним занятиям или, стоя у доски, плел околесицу, Михаил Владимирович так горестно изумлялся, что всем становилось неловко. Но, даже делая строгие замечания, он не лишал ученика окончательно своего уважения, а давал понять, что готов считать этот печальный факт случайностью.

...У преподавательницы биологии Александры Зосимовны Карповой было спокойное красивое лицо. Говорили, что в свое время она отказалась от личного счастья, решив целиком посвятить себя школе.

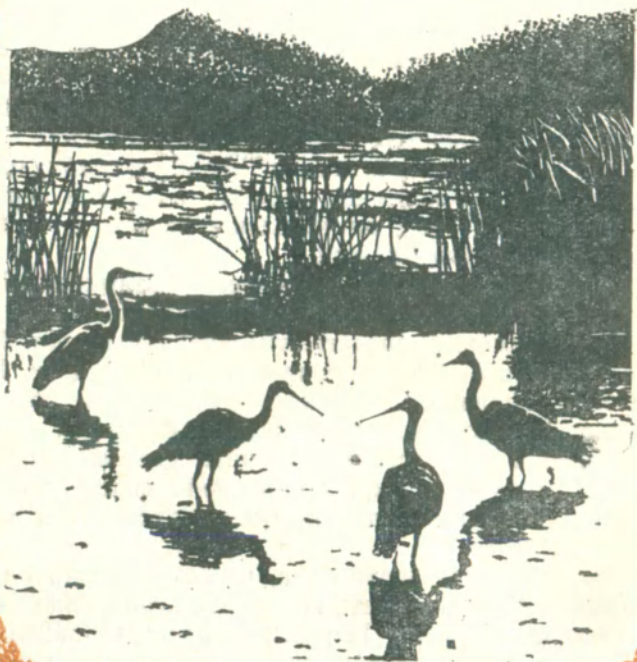
Мы дорожили ее уроками, на которых учились познавать и любить мир природы. С удовольствием трудились вместе с ней на пришкольном участке.

...В последних классах математику нам преподавал Иван Иванович Ярымагаев. Человек высокого роста, крупный, невозмутимый и добродушный. И при этом очень требовательный. Мы изнемогали от его строгости. А он спокойно и очень доброжелательно нагружал и нагружал нас теоремами, задачами, примерами. Мы стонали, сетовали. А он заставлял нас вводить в действие свои скрытые резервы, о существовании которых мы и не подозревали.

...Были у нас и другие хорошие учителя. Все они прекрасно знали свой предмет, любили его и желали нас ему научить. И еще они хотели, чтобы мы выросли достойными людьми.

...Вспоминая своих учителей, я думаю о том, какая это скромная и вместе с тем великая профессия.

ДРЕВНЕЕ ОЗЕРО
ЖУВИНТАС

Волны бегут и бегут на берег.

Набегут и отступят.

Когда стоишь к ним спиной, кажется, что плещется море. А обернешься — водный простор невелик, но его так и распирает глубина.

Озеро.

Оно обрамлено изрезанными берегами, поросшими пушистыми елями и еще не зазеленевшими листовными деревьями, словно нарисованными легкими карандашными штрихами.

— Нет, озеро сейчас не зеленое, — огорчается Лидия Александровна Куп-
стайте, и в голосе ее не только сожаление, но и неловкость: будто она ввела меня в заблуждение.

Мы взбираемся лесной дорогой на крутой берег.

Теперь озеро под нами, плещется, как в огромной чаше с изрезанными краями.

— И отсюда оно не зеленое, — вздыхает Лидия Александровна. — И соловьи еще не поют...

Но ведь можно представить, как зазеленеют берега и, отразившись в воде, придадут ей свой цвет. И тогда озеро оправдает название — Зеленое. А под вечер здесь защелкают, зальются трелями соловьи...

Только и без этого в нынешний светлый день ранней весны озеро прекрасно нежной своей красотой. И зря Лидия Александровна беспокоится, что я не пойму его прелести.

Она привезла меня сюда, чтобы показать одно из красивейших мест Литвы. Лидия Александровна — драматическая актриса. Народная артистка Литовской ССР. А в свободное время она выскивает пейзажи. Вот такие, живые. Ведь они так же уникальны и прекрасны, как шедевры искусства.

Подобно всякому страстному коллекционеру, актриса любит перебирать свою коллекцию и показывать ее знакомым. Иначе говоря, она ездит в понравившиеся ей места полюбоваться ими. К тому же, как говорит Лидия Александровна, «общаясь с природой, становишься как-то чище, добрее... Путешествия в природу — прекрасный отдых, они дают отличный настрой для работы, а часто и помогают в ней. Так было, например, в работе над ролью Марии Стюарт, особенно в том месте, где она выходит из тюрьмы и ощущает вокруг дыхание природы, дыхание жизни».

Чтобы собрать такую коллекцию, надо иметь верный глаз и, главное, любить природу.

А как писал Климент Аркадьевич Тимирязев: «Любовь к природе как-то всегда шла рука об руку с любовью к человеку. Примеры налицо: Тургенев, Некрасов, Мицкевич...»

Зеленое озеро... Тракайское озеро, где на острове стоит старинный замок, столь привлекательный для туристов... Заросшее озеро Жувинтас...

Мне нравится Литва с ее размашистыми холмами, спокойными, ясными озерами, и я невольно погружаюсь в приятные, радужные воспоминания — в воспоминания детства...

...Одно время мы жили в большой квартире, в центре Москвы. У нас было много соседей. По утрам все расходились, кто на работу, кто в школу. Мы оставались только вдвоем: соседка Станислава Карловна и я. Она потому, что ей было много лет. Я по малолетству. Как говорится, старая да малая.

Нам было хорошо вдвоем.

Сейчас, как ни стараюсь, не могу вспомнить лица Станиславы Карловны. А вот ощущение ее присутствия

осталось, как ощущение доброты и радушия. Не помню я и рассказов о ее Литве, но доброе чувство к этому краю запало навсегда. И оно словно обновилось здесь, в Литве, у Зеленого озера и на озере Жувинтас.

Это было ранним утром. В синем небе замерли огромные белые облака. И в озере такие же. Будто упали с неба.

И вдруг одно облачко в воде тронулось с места, поплыло.

Это скорее не облако, а... парус. Плывет и плывет по синему озеру мимо зеленых камышей.

Но какой же это парус? Это лебедь. Белоснежный лебедь! Длинная шея, словно мачта. Голова с красным клювом поднята высоко и гордо.

Лебедь-шипун — самый крупный среди лебедей. Он крупнее и лебеда-кликун, и полярного лебеда.

И вдруг огромная птица изогнула белую шею, опустила голову в воду. Еще раз, еще...

Озеро мелкое. За свою тысячелетнюю жизнь все заросло растениями. Зелеными блинами распластались круглые листья. Над ними торчат желтые цветы кувшинок. А рядом положили на воду свои головки лилии. Белые, как перо лебеда, на макушках зеленые шапочки.

Под водой клубятся заросли растений. Дна за ними не видно.

Лебедь опускает голову в воду и отщипывает клювом то веточку, то листик, а иной раз и червячка прихватит.

Нырять он не умеет, но зато у него вон какая длинная шея.

Вокруг суетятся, кормятся утки, черные лысухи с белыми бляхами на лбу, белые чайки.

Лебедь на них никакого внимания. Он здесь самый

большой, самый сильный. Кого ему бояться! А еды в озере на всех хватает.

Гребет лебедь перепончатыми лапами, как веслами, не спеша. Плавает. Но от этого места далеко не уплывает. Что-то его здесь удерживает.

А в камышах — лебедица. И с ней семеро лебедят.

Лебеди, едва сошел лед, прилетели из Скандинавии, где по обыкновению зимовали. Построили громадное гнездо на старом своем месте (который уж год прилетают!). В нем и вылупились из огромных голубоватых яиц птенцы. И на второй уж день лебедица свела детей на воду, стала приучать к самостоятельной жизни.

С тех пор они и плавают за ней, словно привязанные. А чуть отстанут — пищат: «ви-ви-ви-ви». «Я здесь» — подают сигнал.

По виду не скажешь, что это лебединые дети. Некасистые. Серенькие. Но это только пока маленькие. Серый цвет не так заметен на воде. Постепенно птенцы меняют наряд и на третью осень своей жизни одеваются в ослепительно белое оперение, какое и подобает лебедям.

Ну а пока они еще маленькие, родители глаз с них не сводят.

Услышал лебедь подозрительный шорох — насторожился. Воинственно приподнял крылья, как это умеют делать одни только лебеди-шипунуны, и стали крылья похожи на два белых паруса, надутых ветром.

Лебедь изогнул шею, приоткрыл клюв.

— Ш-ш-ш-ш-ш...

Недаром его и его сородичей прозвали шипунами.

Из камышей показалась длинная узкая лодка. На носу у нее нарисована чайка, распластавшая крылья. Лодка все ближе. Лебедь не выдержал, распахнул огромные белоснежные крылья, вытянул шею, зашлепал по

воде черными лапами, вычерчивая взлетную дорожку. Поднялся.

На таких крыльях далеко можно улететь. А он только описал дугу и опустил на воду, сложил за спиной белоснежные крылья, плавает, старается привлечь к себе внимание и вести за собой лодку. На какую хитрость не пойдешь ради спасения своего семейства!

Но лодка обошла лебедя стороной, взяла курс на зеленый берег и с размаху врезалась в него узким, как нож, носом.

Берег расступился, пропустил лодку и снова сомкнулся.

А перед лодкой снова зеленая стена: густые камышовые заросли. Попробуй пробейся сквозь них!

Много зарослей на древнем Жувинтасе. Широкой каймой растут камыши и тростники вокруг озера. Растут даже посреди него. Те, что вырваны ветром, плавают по озеру, сплетаясь в целые острова. Острова постарше, приросли корнями ко дну. Стоят как на якорях, и ни с места. Впрочем, дно такое вязкое, если ступишь — засосет, как в болоте. За тысячи лет в Жувинтасе столько легло тины, ила, что до настоящего, твердого дна и не добраться. А потому, хоть озеро и мелкое, по дну тут не походишь.

Въехав в камыши, человек в лодке встал во весь рост. Взял длинное весло и стал пробиваться им сквозь заросли. Стоит он прочно, не покачивается, словно под ногами не утлая лодка на зыбкой воде, а надежный берег. Вот что значит сноровка!

Пробился человек сквозь заросли и снова вышел на свободную воду, словно попал из одного озера в другое. Но это все то же озеро Жувинтас, разрезанное зарослями на множество заливов и озер.

Здесь тоже белеет лебедь. И не один. Неразлучная пара птиц облюбовала уголок еще несколько лет назад.

Любят лебеди жить обособленно. Может, поэтому так мил им Жувинтас. Здесь каждая лебединая семья имеет свой небольшой мирок, отделенный густыми зарослями от чужих владений.

Отплыли лебеди поодаль и наблюдают: как будет вести себя лодка.

В лодке Ёнас Кублинскас, худощавый седой человек в надвинутой на самые глаза кепке. А гребет как молодой. Сидит на скамеечке, не шелохнется, будто прирос к сиденью. Гребет единственным, как тут принято, коротким веслом, похожим на лопату. То справа подгребет, то слева. И лодка идет быстро и прямо, как по ниточке. Ну а в камышах Ёнас снова встает во весь рост и отталкивается уже другим, длинным, веслом.

Он владеет мастерством не только свободно управлять лодкой, но и вести ее тихо. Здесь это очень важно. На озере заповедник (он основан в 1946 году), птиц охраняют, изучают. Первые наблюдения на озере вел еще знаменитый литовский орнитолог профессор Т. Иванаускас, сейчас наблюдения продолжают его ученики и последователи.

Ёнас Кублинскас не ученый, он наблюдатель, но его сведения тоже очень полезны науке. Он умеет зорко видеть, чутко слышать и во время поездок по озеру делает важные наблюдения. Ведь он здесь очень много лет.

Вот и сейчас, плывя по озеру, он отмечает: как подрастают лебединые выводки, где держатся, как дела у лысух и уток. Время у них сейчас трудное. Перья облетели, словно кто-то заживо ощипал птиц. На воде завитками плавают разноцветные птичьи перышки, будто вспороли множество подушек.

На ощипанных крыльях-култышках не взлетишь. Вот и забираются лысухи да утки в глубину камышовых за-

рослей, будто стесняются своего неказистого вида. Да и страшно им: беспомощную птицу каждый может обидеть. Пока новые перья отрастут, целый месяц пройдет. А до этого времени лучше не показываться.

Енас Кублинскас замечает, где собралось больше всего линяющих птиц. В это время их лучше всего окольцовывать. Поймать бескрылую птицу Енасу нетрудно. Неволья длится для нее какие-то минуты. Обмерят ее от клюва до хвоста, наденут на лапу светлое колечко с номером, названием заповедника. И вот уже, подымая фонтанчики брызг, она стремительно бежит по воде, хлопая коротышками-крыльями. Не в силах взлететь, птица скрывается в надежных зарослях и быстро успокаивается, почувствовав себя в безопасности.

По кольцу, надетому на птицу, можно будет проследить пути ее перелетов, места зимовок и многое другое, что важно узнать науке.

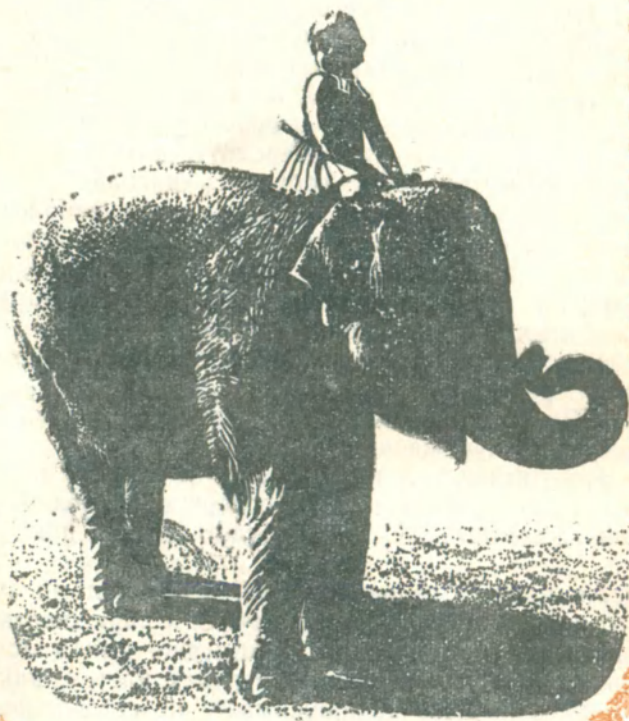
Осторожно плавают по озеру наблюдатели, ученые, затаиваются в зарослях, подолгу дежурят на вышке, установленной на одном из островков...

Ну а просто любители природы, многочисленные туристы, чтобы не беспокоить птиц, любуются озером с берега, со специально устроенного для них наблюдательного пункта.

...Блестит голубая вода, отражая небо. Ярko зеленеют заросли. Плавают белоснежные лебеди (тридцать пар их гнездится последнее время на озере), время от времени взмывая в воздух...

Пусть же долго живет это озеро белых лебедей под охраной человека! Пусть не одно поколение людей увидит красоту этого прекрасного уголка нашей Земли!

ПЕТР ПЕТРОВИЧ

Петр Петрович Смолин вошел стремительно и легко. Невысокий. Сухой. С пышной седоватой бородой, распростертой по всей груди. С высоким лбом, который кажется еще выше оттого, что скупой бордюрчик волос сполз совсем на затылок. Неширокие плечи обтянуты гимнастеркой. В руках выдавшая виды полевая сумка.

Он обвел всех темными глазами, которые то и дело щурятся в улыбке.

В эту очередную пятницу в зале Дарвинского музея ребят собралось довольно много. Они устроились за столами, сдвинутыми на небольшом пространстве, вокруг которого возвышаются колоссальные чучела слонов, гигантские скульптуры древних, давно вымерших зверей, теснится великое множество чучел животных и птиц, населяющих нашу планету.

Позади детей, благоговейно оглядываясь по сторонам, сидят родители.

Петр Петрович представил собравшимся гостью, черноволосую, полную женщину:

— Это Анечка... Анна Львовна. Питомица нашего кружка. Великая мастерица по содержанию мелких домашних животных... О них и будет сегодня наш разговор...

Гостья пришла не одна. С ней девочка и мальчик, до того на нее похожие, что не стоит и спрашивать об их родственных отношениях: несомненно сын и дочка. Мальчик торжественно держит в руках клетку, накрытую салфеткой. Девочка прижимает к себе большую стеклянную банку, в которой на соломенной подстилке суетятся маленькие мыши — белые, серые и... желтые.

— Люди склонны содержать дома каких-нибудь представителей животного мира, — начинает Анна Львовна. — В городских условиях проще содержать мелких животных из класса млекопитающих. Самые доступные из них — грызуны. Неискушенные люди представляют себе при этом шмыгающую под шкаф мышь или крысу и поеживаются. При более близком знакомстве вы увидите, что мыши очень симпатичны. Посмотрите, как они умываются, двигаются, и получите большое удовольствие.

Анна Львовна взяла из рук дочки банку и поставила на стол. Мыши приподнимаются на задних лапах, вытягивают мордочки, нюхают воздух, пытаются вскарабкаться по скользким стенкам...

— Любуйтесь! Любуйтесь! — приглашает гостя.

Самой ей недостаточно только смотреть на мышей. Она достает из банки симпатичную желтенькую мышку и пускает ее ходить по своей ладони. Другой рукой она придерживает ее за хвост.

— Есть у мыши такое удобное приспособление, как хвост. За него хорошо держать, — говорит она, обходя ребят, чтобы каждый увиделся с мышкой нос к носу, заглянул ей в самые бусинки-глаза.

Дочке между тем надоело оставаться в тени. Она привычно запустила руку в банку и вытащила за хвост белую мышку. Мать одобрительно кивнула ей. В этой семье любят животных и умеют с ними обращаться. Наверное, никто не завизжит при виде мыши.

С мышей разговор перешел на орешниковую соню, которая днем впадает в оцепенение, а к ночи обретает подвижность и так ловко лазает по деревьям, что про нее никак уж не скажешь, что она «соня».

Потом говорили о хозяйственном хомяке, который ловко делает продовольственные запасы, набивая ими защечные мешки.

Рассказывала в основном Анна Львовна, но Петр Петрович то и дело вступал с добавлениями, задавал вопросы, а иногда добродушно и благожелательно спорил.

— Анечка, расскажи, пожалуйста, о морских свинках, — предлагает Петр Петрович.

Та, согласно кивая головой, тут же предупреждает:

— Только я не считаю морских свинок удобными для домашнего содержания. Очень уж чистка клеток большая.

— Поспорим! Поспорим! — и Петр Петрович заливается своим особенным смехом, с каким-то всхлипыванием в конце.

— Свинки кротки и симпатичны, — этого Анна Львовна нисколько не отрицает. — Но очень уж много с ними возни. Есть сколько угодно животных, уход за которыми много проще.

— Зато с ними можно разговаривать! Их можно дрессировать! — восклицает Петр Петрович. — Морская свинка узнает своего хозяина и приветствует его. Если ей хочется есть, она дает об этом знать, протяжно визжит. Кто у Дурова был стрелочником на звериной железной дороге? Поднимал флажок? Морская свинка!

Мой сосед, светловолосый мальчик с царapiной на носу, записывает в тетрадке: «Завести морскую свинку. Выдрессировать ее». Он ставит точку, потом оглядывается на свою маму и делает ей красноречивый знак. Мама не возражает, хотя, по-видимому, не совсем уверена, что именно морская свинка должна войти в их дом.

— А почему их называют морскими? — спрашивает мальчик Петра Петровича.

— Они из Южной Америки. Сначала их называли заморскими. Потом «за» исчезло.

Все увлеклись идеей Петра Петровича — дома у каждого человека должен жить зверек: «это увлекательно, расширяет знания о природе, вырабатывает чувство ответственности, завел зверя — изволь о нем заботиться».

Я вспоминаю, как в детстве у меня жили хлопотливые белые мыши, медлительная, задумчивая черепаха, жизнерадостный снегирь, который летал по комнате и весело свистел. Да мало ли каких зверьков и птиц не перебывало у нас! Каждый по-своему приносил радость, вызывал добрые чувства, горячее желание помочь слабым, всем, кто нуждается в поддержке... А это так важно...

Но предаваться воспоминаниям некогда. Петр Петрович рассказывает о белках.

— Как-то мы подобрали совсем маленьких бельчат, которые выпали из гнезда. Сами они есть еще не умели. Их должна кормить мамаша. И мы выбрали крольчиху. В нос ей пустили валерьянку, чтобы она не чувствовала чужого запаха, и подложили бельчат. Так они и выросли. И стали ручными. Они свободно разгуливали по комнате. Один бельчонок как-то раз, совершая полет с одной занавески на другую, шлепнулся мне в тарелку. Но, к счастью, не пострадал. Самый младший — Рыжий хвостик — спал в моем письменном столе. Другой — в книжном шкафу. Бельчата, конечно, большие безобразники: все грызут. Но приятно, что они становятся удивительно ручными. Бельчата любят игру в прятки. В природе они бегают друг за другом вокруг ствола дерева. А ручные зверьки точно так же бегают по... человеку. Обязательное условие жизни белки — физкультура. Если она перестает вертеть колесо, значит, больше месяца не проживет...

Петр Петрович увлекся. И о ком бы он ни говорил, кажется, что это и есть самый милый зверек на свете. Потому что у каждого животного есть свои достоинства. А Петр Петрович такой уж человек, что в первую очередь склонен замечать достоинства и всеми силами старается, чтобы и другие о них знали.

Ребята даже растерялись: кого же заводить?

На эти пятницы обычно собираются школьники, мало искушенные в юннатских делах. Двери открыты для всех. Петр Петрович так и говорит: «Наши пятницы рассчитаны на малоподготовленную публику... Это клуб для новичков. Здесь происходит как бы посвящение в юннаты».

Для ребят все в новинку, все в радость.

В конце заседания сынишка Анны Львовны гордо водрузил на стол клетку и, словно фокусник, сдернул с нее покрывало. Перед ребятами предстала металлическая клетка с вертящимся колесом. А в ней... Да вроде никого. Но мальчик произнес:

— Боря! Боря! На семечку!

Из комка газеты, лежащей в углу клетки, выглянула полосатая мордочка. А потом показался и весь зверек.

— Ой, какой хорошенький!

— Ой, какой полосатенький!

— Боря! Боря!

Ребята даже с мест повскакали. Анна Львовна объяснила, что зверек ручной и только поначалу стеснялся, потому что обстановка для него необычная. Конечно, дома приятнее держать ручных зверей. И чтобы добиться этого, надо для начала новорожденных зверьков регулярно брать в руки. А вообще-то приручение требует знания повадок животных и любви к ним.

Зверек охотно взял у ребят несколько семечек и за-

ложил себе за щеки. Такая уж у него манера — делать запасы. Если его держать не в клетке, а в комнате на свободе, он примется устраивать запасы во всех укромных уголках...

На каждой пятнице — свой разговор: о зверьках, которых можно держать дома; о том, как зимой помочь птицам; о лекарственных растениях и т. д.

Петр Петрович готов говорить с ребятами без конца. Его очень волнует, что «среди молодежи нарастает натуралистическое невежество». Как он огорчился, когда в одной школе — да еще в сельской! — не узнали зяблика и чижа, а синицу приняли за ласточку!

— Человек стал от природы дальше, — замечает он с горечью. — Каждый должен хорошо знать природу, которая нас окружает, каждый должен быть ответственным за ее сохранность, — считает Петр Петрович. Поэтому-то и старается он передать каждому свои знания, свое отношение к природе.

Мы стоим у входа в зоопарк. Наташа, Валера и я. Ждем Петра Петровича.

Наташа и Валера — юннаты со стажем. Клубные пятницы для них давно пройденный этап. Они зарекомендовали себя, по выражению Петра Петровича, «серьезными людьми», и для них открылись «врата кружка для отобранного народа, где идет целевая работа», где Петр Петрович читает специальный курс зоологии, устраивает экскурсии в природу, готовит ребят к ежегодным биологическим олимпиадам, к экзаменам по биологии в университет.

Наташа и Валера — одни из тех, в ком Петр Петрович усмотрел явную склонность к биологии и в ком он старается «довести эту склонность до больших дел». Оба собираются поступить на биофак, так как считают, что «биология сейчас — передовая и прогрессивная наука».

С Наташей, хрупкой на вид девушкой с серьезными глазами, мне пришлось уже как-то встретиться в Дарвинском заповеднике. Она помогала научным работникам устраивать подкормочные площадки для глухарей. Она сообщила мне тогда, что больше всего интересуется птицами, а специальностью думает избрать новейшую науку — этологию, изучающую жизнь, поведение животных.

Валеру я видела впервые. Он в кружке сравнительно недавно — второй год. Любимые его звери — кошки. Все! От умнейшего их рыжего кота Барсика до львов и тигров.

Наконец появился на переходе через улицу Петр Петрович. Легкость, быстрота походки, клубящаяся борода делают его заметным в толпе.

Он обменивается с нами крепким рукопожатием, и мы входим в зоопарк. В любимый его зоопарк! Ему хочется посмотреть некоторых недавно поступивших сюда птиц, и он пригласил с собой нас.

Прежде всего мы останавливаемся у пруда.

— Самая благополучная часть зоопарка, — замечает Петр Петрович. — Населению этого пруда вполне хватает места.

Наташа понимающе кивает.

Перед нами величественно проплывают белые и черные лебеди, торопливо снуют пестрые утки, рыженькие оголи, хохлатые поганки. На берег выходят большие белые гуси с розовыми клювами и такими же розовыми лапами. Они очень похожи на домашних, отли-

чают их только черные концы крыльев и черная полоса у клюва. Это дикие гуси. Единственное место их обитания — остров Врангеля. Их там десятки тысяч.

Над водой то и дело пролетают криквы.

Криквы стали оседлыми жителями Москвы. Первое такое стадо было разведено в Аскании-Нова. А потом Петр Александрович Мантейфель развел их и здесь, на этом пруду...

Петр Петрович с интересом провожает глазами каждую птицу, заодно вторит гусю «ой-ой-ой!», получившему за свой тонкий голос название пискуйского. Потом мы подходим к небольшим вольерам с множеством мелких птиц. Кого тут только нет! И чечетки, и овсянки, и жаворонки, и клесты, и зяблики...

— Зяблики — самая многочисленная птица, — замечает Наташа.

— Да. Сколько воробьев в городе, столько зябликов в лесу, — соглашается Петр Петрович.

Уважительное отношение к собеседнику, кем бы он ни был, одна из особенностей Петра Петровича. И другая особенность. Он никогда не изображает из себя всеведущего. Разве можно знать все на свете!

— Кто это запел? — спрашивает Валера.

— Скорее всего черные вьюрки, — раздумчиво говорит Петр Петрович и добавляет: — Песня мне неизвестная.

Петр Петрович любит задавать вопросы и не прочь застать врасплох даже самых любимых учеников.

— Как окрашена галка? — спрашивает он. — Ну-ка! Ну-ка!

Казалось бы, чего проще! Но это только на первый взгляд галка кажется просто черной.

Валера вспоминает, в каких местах туловища галка черно-блестящая, а где матовая. Ему на помощь приходит Наташа.

— Второй вопрос. Какого цвета глаза у галки? — не унимается Петр Петрович.

— У взрослой галки глаза белые, — незамедлительно отвечает Наташа.

Петр Петрович доволен.

— Вы больше всего любите птиц? — спрашиваю я его.

— Конечно, — кивает он как о само собой разумеющемся. — Это очень понятно. Когда-то у меня была студенческая практика. Я недельку прожил в далеком лесном массиве. И понаблюдал сотни, если не тысячи птиц. И за это же время я увидел только одного зайца... Птицы живут на виду, за ними легко наблюдать. Поэтому я их усиленно рекомендую ребятам...

От вольеры к вольере Петр Петрович идет бесшумно. Он вытягивает шею, пристально всматривается в каждую птицу, вслушивается в ее голос. Точно так же он ходит по лесу. Мне посчастливилось быть среди экскурсантов, которые ходили с ним по Подмосковью.

— Канареечные вьюрки, — кивает Петр Петрович на маленьких птичек с золотистыми брюшками, порхающих по вольере. — Дикае родичи канареек. Их я хочу переселить в Москву. В Прибалтике они уже живут, к климату приспособились. Так что и в Москве приживутся... Надо будет привезти яйца и подложить под коноплянок. Они выкормят птенцов. И станут жить в Москве эти славные птицы. Вот и будет мне памятник... — последние слова Петр Петрович произносит тихо, будто про себя.

Наташа внимательно смотрит на него и записывает что-то в блокнот.

— Выкормить канареечных вьюрков под коноплянками, — повторяет она.

Мы подходим к небольшому пруду.

— Пингвины! — радуется Петр Петрович, увидев не-

поворотливых птиц, словно одетых в неудобные шубы, стесняющие движения.

У некоторых пингвинов на груди, на боках лохмотьями висят остатки старых шкур, из которых они только что вылезли.

— Линяют! — восклицает Петр Петрович. — Они же линяют, как ящерицы. Сохранили некоторые признаки пресмыкающихся. Линяют целой шкурой.

— Пингвины относятся к веерохвостым? — уточняет Валера.

— К веерохвостым, — подтверждает Петр Петрович. — Смотри! Смотри! Я не видел еще такой линьки! Очень удачно пришли.

Мне кажется, что это предел радости. И вдруг:

— Голубой гусь! Это то, зачем я сюда пришел! — Петр Петрович смотрит на мирно плывущую по пруду довольно невзрачную птицу. Голова и шея у нее белые, а туловище голубовато-серое. — Это первая пара южноамериканских голубых гусей за все существование Московского зоопарка...

— Кто это? Кто? — переспрашивает какая-то посетительница.

И Петр Петрович с великой охотой, со страстью истинного просветителя начинает растолковывать: и про голубого гуся, и про пингвинов, а затем и про остальных птиц...

Очень быстро он обрастает толпой слушателей. Иван Петрович Павлов в известном письме к молодежи писал: «Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то и их бы не хватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях». Думается, что эти слова можно отнести и к труду педагога.

На нашем пути возникает здание аквариума, столь притягательное для многих посетителей. Но Петр Петрович, нисколько не замедляя шагов, равнодушно скользит глазами по разноцветным нарядным рыбкам, снующим в лучах ламп. Он задерживается лишь в тесном отсеке с большим аквариумом, населенным крупными карпами.

— Единственная рыба, существующая на правах домашнего животного, — говорит Петр Петрович.

И мы стоим и смотрим, как возникают из водного полумрака то серебряный, то золотой, то зеркальный карп, то их дикий предок — сазан.

— Вторая интересная вещь здесь — осетры! — следует новое заключение. — Стоит задача: вывести осетровых рыб, которые жили бы в пресных водах все время, не уходили в море. Ими можно насытить водохранилища...

Петра Петровича прежде всего интересует полезность животных, рыб, птиц. Поэтому он не задерживается у декоративных рыбок. И воспитанников своих он учит подходить ко всему с позиции широких, государственных интересов.

Невелика территория Московского зоопарка, слишком невелика, но, чтобы обойти ее, времени надо немало. Тесно стоят вольеры, клетки, загоны с многочисленными питомцами. Мы заходим в павильоны, где живут большие диковинные птицы, привезенные из теплых стран, — венценосные журавли с хохолками на голове, изящные монгольские журавли, гвинейские голуби, достойно носящие на головах огромные венцы. Задерживаемся у загона, где живут верблюды.

— Хорошая реклама зоопарку, — замечает Петр

Петрович. — Если горб стоит, значит, верблюд хорошо питается...

В небольшом открытом бассейне взад-вперед мечется тюлень. Глядя на плавающие в воде куски хлеба, яблочко, Петр Петрович качает головой.

— Несчастье такая кормежка, когда люди не знают, кто чем питается. Кидают что ни попадя, — говорит Петр Петрович и, конечно, очень огорчается. Все, что касается природы, заботы о ней, его личное дело. Кровное.

В последнюю очередь заходим мы в павильон хищников. Валера оживляется. Наконец-то добрался до своих любимцев! Он останавливается у клетки с изящным ягуаром, потом переходит по соседству, к леопарду.

— И как это их путают? — пожимает плечами Валера. — У ягуара куда больше черных пятен, да и голова совсем другая.

Но еще больше Валере нравится гибкая, подвижная пума.

— Самая большая кошка на земле, — говорит он, любуясь прекрасным зверем. — Когда-то она была пестрой, но, живя на открытом ландшафте, переменила окраску на гладкую... Но дети у нее все же бывают пестрые.

Когда мы покидаем павильон, Петр Петрович, вздохнув, говорит:

— На новую территорию сегодня не пойдем. Устал. Ограничимся одной...

Но мы еще долго стоим у большого пруда. Петр Петрович никак не может расстаться с любимыми своими птицами...

— По Москве есть интересный народ, — Петр Петрович на секунду задумывается. — Вот не знаю, знакомы ли вы с Зинаидой Сергеевной? Она единственная в своем роде. Большого масштаба общественница.

Я уже знаю: с точки зрения Петра Петровича, интересный человек — это прежде всего энтузиаст и общественник. Не сомневаюсь, что Зинаида Сергеевна — последовательница Петра Петровича, хотя об этом он по скромности умалчивает.

В воскресенье я отправляюсь в Тимирязевский парк.

На утопанных до скользкости дорожках и раскатанных лыжнях народу полно. Морозно. На месте не постоишь. Но в одной аллее и лыжники и пешеходы непременно приостанавливаются. У дорожки лавочка. На ней разложены коробки с орешками, банки с семечками, пакеты с хлебом. Вдоль нее прохаживается пожилая женщина. Она в платке, в валенках, в темных рукавниках поверх пальто. Притопывает от холода, похлопывает рукавицами.

— Лапуня! Иди сюда, милая! Иди, Лапуня! — зазывает она кого-то, глядя на дерево.

И по стволу спускается серенькая белочка с рыжим хвостиком. Она бесстрашно берет из рук женщины орех и снова взбирается на дерево. Устроившись на нижней ветке, она накрывает спину рыжим хвостиком и грызет орех, сбрасывая скорлупки вниз. Лыжники с восторгом смотрят на нее. Встретить симпатичного зверька всегда большая радость.

А Зинаида Сергеевна зазывает уже следующего хлебника:

— Дятел! Иди сюда, дорогой. Иди, не бойся.

И дятел охотно покидает дерево и прыгает по снегу.

Синички не дожидаются особого приглашения. Они сами слетаются на большое дерево, которое, как новогодняя елка, украшено гостинцами: висящими на веревочках кусочками сала. Синички уцепились за веревочки. Раскачиваются на них, как на качелях, и то и дело топят клювы в белом сала.

Картина, прямо сказать, идиллическая.

Все лесные питомцы у Зинаиды Сергеевны на счету:

— Синички у нас здесь, поползни, шишухи, дятлы. Сорока одна есть. Пятнадцать белок. Петр Петрович приходил, всех видел. А потом они в нашу столовую своих детей приведут... Обязательно. Так каждое лето... Если, конечно, живы останутся...

Зинаиду Сергеевну вдруг покидает улыбочность и благожелательность.

— Прихожу недавно, — говорит она совсем уже не радушным голосом, — а на дорожке белка валяется. Лапки переломаны. Глаз выбит. Чуть дышит. Взяла домой, еле отходила. Это рогаточки развлекались. А что с птицами делается? Утром приходишь, а ребята на том месте, где птицы совсем ручные, ловушки расставили. Набьются в них синицы, они их в сумку — и на рынок. Пробиешь с ними как с людьми разговаривать. Какое там! А то пришел сюда мужчина с двумя собаками. Я, говорит, буду тут собак на белок натаскивать. Очень, говорит, у вас подходящее место. Я скоро в Сибирь поеду охотиться, и мне надо подготовиться...

Зинаида Сергеевна так и сыплет печальными фактами...

Но стоило на дереве показаться белке, как голос ее становится снова ласковым:

— Здравствуй, Рыжик. Вот тебе орешки. Бери!

И Рыжик, игриво обежав вокруг ствола, прыгнул на снег и доверчиво заспешил к Зинаиде Сергеевне.

Верят ей звери и птицы, которых она приручает,

чтобы парк был оживленным, чтобы каждый, кто придет сюда отдохнуть, мог бы полюбоваться шустрой белочкой, послушать птичью песню...

Разговор с Петром Петровичем — это всегда нетопливое рассуждение, размышление вслух. И всегда о вещах важных, значительных. На пустые пересуды он себя не растрчивает.

— Есть, конечно, у нас энтузиасты, — задумчиво говорит он. — Но человек не вечен. Я часто думаю: кто же нас сменит?.. Ребячьих руководителей, к сожалению, недостаточно. Вот беда... В последнее время я вот над чем думаю... В пионерских лагерях у ребят свободного времени предостаточно. Не то что в школе. И натуралистическую безграмотность там можно было бы ликвидировать. И тут, мне кажется, есть вот какой выход... Хорошо бы привлечь к этому студентов биологических факультетов педагогических вузов... Недавно я узнал, что некоторые институты уже делают это, и очень за них порадовался.

И Петр Петрович погружается в раздумье.

— У меня лично сменщик нашелся, — продолжает он. — Это Алексей Иванович Быхов. Мне теперь уже с полной нагрузкой бродить по лесам и дебрям трудно. Вот он меня и заменяет. Целиком этому отдается. Вы его знаете?

Алексея Ивановича я видела на конференции, где юннаты отчитывались в летней работе, которую вели в лагере, устроенном недалеко от Москвы, в охотничьем хозяйстве.

Все в том же зале Дарвинского музея собрались ребята и их родители.

Вел собрание Алексей Иванович, энергичный молодой человек, плотный, с маленькой острой бородкой, которая прибавляет ему возраст и солидность.

Он весело и непринужденно предоставлял слово юннатам.

— Давайте вытянем сюда Нину. Она еще с осени запаслась большим количеством книжек и стала правверным ботаником.

Нина выходит к столу и обстоятельно рассказывает:

— Моя задача была выяснить видовой состав лишайников. Лишайники — показатель чистоты воздуха, поэтому изучать их очень важно. Лишайники — симбиоз гриба и водоросли, что я и доказала на опыте.

Девочка рассказывает об опыте, о своей работе так, словно до нее никто не видывал лишайников. И все присутствующие принимают это как должное. В том числе и Алексей Иванович, и сидящий на почетном месте Петр Петрович.

Затем Алексей Иванович предоставляет слово Саше, который исследовал «один из самых острых вопросов — вопрос о муравьях», Феде, «у которого довольно узкая тема — жуки-усачи».

— Моя тема не так уж незначительна, — говорит Федя. — Вот известный профессор Плавильщиков знал усачей всего земного шара.

Алексей Иванович показывает цветные диапозитивы, иллюстрирующие доклады юннатов, приходит на помощь им, если они испытывают затруднение, своевременно вносит предложения, например, такого рода: «Этот скромный докладчик хочет показать чужие фотографии, а мы лучше попросим его показать свои рисунки».

Когда Алексей Иванович чувствует, что ребята устали, он весело предлагает:

— Давайте попрыгаем!

И снова доклады юннатов. О повадках и расселении птиц, о ягодниках, о лекарственных травах, о насекомых — обо всем, что характерно для природы района, в котором жили и работали юные натуралисты.

На столе стопа аккуратно оформленных работ. Алексей Иванович — человек настойчивый, всех убедил написать подробный отчет о своих наблюдениях, с зарисовками и фотографиями.

Вся работа проводится всерьез. Это не игра. И очевидно, это хорошо. Природу надо знать всем. Потому что почва, вода, воздух — наши, общие и без них нет нам жизни.

— Очень дорожу временем. У меня много книг, которые я не успеваю прочитывать, — сказал как-то Петр Петрович.

Его редко застанешь дома одного. То пришли из музея проконсультироваться: какие птицы изображены на старинных гравюрах; то явился корреспондент взять интервью о кружке юных натуралистов; то заглянули ребята посоветоваться, в какой заповедник поехать летом на практику (Петр Петрович каждое лето определяет своих питомцев в заповедники, их там так и зовут — «смолинские»).

Уже много лет, с тех пор как скончалась жена Петра Петровича, комната его имеет холостяцкий вид.

Во всю стену, от пола до потолка, — стеллажи с книгами. Расставлены книги довольно небрежно. Но хозяин всякий раз так безошибочно достает нужную ему книгу, что всем ясно: есть тут свой порядок, известный только владельцу, для которого книги не украшение комнаты, а неотъемлемая часть жизни.

В углу, за занавеской — узкая походная кровать, на такой не залежишься. Посреди комнаты — устойчивый и просторный стол, на котором стопки книг, папок, тетрадей, стакан с остывшим чаем, банка варенья...

— Сколько же у вас питомцев? — спросила я как-то, придя к Петру Петровичу.

— Готовясь к своему семидесятипятилетию, я подсчитал: около двухсот.

— Приятно иметь столько воспитанников.

Петр Петрович благодушно хмыкнул:

— Конечно, приятно! Но самое приятное, что они дают знать о себе печатным словом.

Он легко встал с кресла и взял с полки высокую стопку книг и брошюр.

Сверху большая монография: А. В. Яблоков «Изменчивость млекопитающих».

— Алеша Яблоков, так же как Николай Воронцов, Сергей Клумов и некоторые другие — это, так сказать, парадная часть нашего коллектива, — пояснил Петр Петрович. — Они стали видными биологами, руководят научными учреждениями... Есть у нас и не такой крупный народ, но тоже много и интересно работающих... С большой пользой... Вот дайте-ка мне те работы.

Я тянусь к другой стопке и снимаю верхнюю книгу: А. А. Максимов «Природные очаги туляремии в СССР».

— Это его работа, а вот и он сам, — Петр Петрович протягивает мне фотографии.

На одной — мальчик с белочками. На другой — солидный мужчина с лосями. Мальчик и мужчина удивительно похожи. Та же мягкость и даже ласковость в лице. Та же зоркость в глазах. Годы не погасили в Шуре Максимове его главного увлечения, а только развили и

упрочили. Вот и вырос из пытливого мальчика, доброго ко всему живому, серьезный ученый-исследователь.

Я просматриваю книгу за книгой: «Птицы Колымского нагорья», «Биогенетика и биогеография некоторых ландшафтов Терского Алатау», «Разведение и селекция лещины и фундука»...

На разных участках биологической науки трудятся воспитанники Петра Петровича, выбравшие с его помощью профессию и место в жизни.

— У меня всегда была очень простая и ясная задача, — говорит Петр Петрович. — И кажется, я с ней справляюсь. Меня интересовали и продолжают интересоваться ребята, у которых есть склонность к биологии. Эту склонность я стараюсь довести до больших дел. Наши сегодняшние кружковцы — это завтрашние биологи. Им вести науку дальше...

ВЫЗЫВАЕМ «СОБОЛЬ-2»

— «**Соболь-два**»!

— Вызываем «Соболь-два»!

— «Соболь-два», отвечайте!

По селектору связаться оказалось легче, чем по телефону. «Соболь-2» отозвался женским голосом:

— Директор слушает. Хотите приехать? Пожалуйста. Буду в хозяйстве.

И вот последние дома города Кирова остаются позади. Дорога ведет через поля, разделенные кое-где перелесками, через деревни. Она то полого взбирается вверх, то плавно спускается вниз.

Наконец слева показалась арка с длинной надписью: «Опытное племенное хозяйство «Вятка» Всесоюзного научно-исследовательского института животного сырья и пушнины».

— Сначала-то нам дали позывной «заяц», — улыбаясь, рассказывает директор хозяйства Александра Максимовна Соломина. — И у нас все обиделись: «Нам! Звероводам! И вдруг «заяц!»» Ну связисты осознали оплошность и сменили «зайца» на «соболя»...

Как человек, привыкший дорожить временем, Александра Максимовна сразу же спрашивает:

— Так что вы хотите у нас посмотреть?

Я прошу рассказать в общих чертах о хозяйстве.

— Мы выращиваем здесь племенной молодняк пушных зверей. Хозяйство наше служит базой для научных исследований института, в первую очередь по улучшению пород пушных зверей, по совершенствованию приемов их содержания. Ферма существует с 1960 года.

Я здесь, что называется, с первого столба. И зверей завозила. И кадры работников подбирала. В звероводстве у нас в основном женщины работают. Мужчины даже обижаются: «Матриархат!»

...Запахом зверя потянуло еще издали.

В длинном светлом помещении в ряд стоят деревянные ящики. И против каждого — бассейн с водой.

Александра Максимовна открывает ящик за ящиком. В них на подстилках лежат крупные звери в нарядных шкурах, с длинными хвостами. Серые, черные, снежно-белые, дымчатые, золотистые, лимонно-желтые... Каких только расцветок тут нет! Это нутрии. Тропические грызуны.

Некоторые звери из предосторожности покинули гнезда, бесшумно вошли в воду и поплыли.

— Смотрите, какая у них красивая одежда. Благороднейшая осанка. И достаточно высокая прочность меха, — нахваливает Александра Максимовна. — Лимонные, снежные и пастелевые зверьки выведены у нас на ферме. Это новые отечественные цветковые формы нутрий. Они были удостоены премии ВДНХ. Надо сказать, нутрий у нас разводят во многих хозяйствах. Выгодны они и для разведения в личных хозяйствах. Неприхотливы. В утепленных клетках выдерживают морозы до тридцати градусов. Плодовиты. Не требуют мясных кормов...

Александра Максимовна вынула из гнезда зверя нежно-лимонного цвета.

— Великолепная! Не правда ли?..

За длинным забором под навесами — ряды клеток. Сначала мы подходим к вуалевым песцам. Но ненадолго. Звери линяют. На облезлых шкурах остатками былой

роскоши лишь кое-где серебрятся участки пушистого меха.

Будто сознавая свою неприглядность, песцы не смотрят на нас, отворачивают острые мордочки.

Их соседи — серебристо-черные лисы — куда привлекательнее, хотя летом они далеко не в лучшем наряде.

— Модны ли сейчас они? Я что-то запуталась: когда лисы входят в моду, а когда выходят.

— А по-моему, они всегда хороши, — замечает Александра Максимовна. — Только не надо городить больших воротников. Маленький, изящный воротничок всегда очень красив.

Услышав реальную угрозу превратиться в воротник, большая лиса уходит в глубину клетки, блеснув на солнце благородной серебристостью.

Александра Максимовна рассказывает о зверях. Но попутно удастся узнать кое-что и о ней самой.

— Училась в Московском пушно-меховом институте, в Балашихе. На последнем курсе вышла замуж. За нашего студента. И вот приехали сюда, на родину мужа. Сначала работала в совхозе зоотехником, потом директором. А теперь здесь... Дети у нас уже большие. Иван учится на физико-математическом факультете. От нашего дела отклонился... Но охотник и рыбак. Домой приедет, так его почти не увидишь. Все в лесу. Дочь Елена учится в ветеринарной академии. Это уже близко к нашему профилю...

Разговор наш время от времени прерывается: звероводы обращаются к директору то с одним, то с другим. Спрашивают, когда поступит новая партия спецодежды, просят выдать разрешение на машину: решили поехать в Киров, в цирк. Да мало ли возникает всяких вопросов? Директора касается все.

— Проблем много, — говорит Александра Макси-

мовна. — Но самая большая проблема — кадры. Их не хватает, ферма все время расширяется. И зарплата сейчас у заводчиков неплохая.

— А есть у вас особое пристрастие к каким-нибудь зверям?

— Моя слабость — норка. У нее и мех прекраснейший, и очень хорошие материнские качества — всю себя отдает потомству...

И мы направились к норкам, но тут Александру Максимовну вызвали в контору. По поводу кормов.

— Вы уж извините, но корма у нас — проблема номер один, — сказала Александра Максимовна. — Придется прервать разговор.

С норками меня познакомила главный зоотехник фермы Инна Марковна Юрьева.

— Раньше я больше любила лисицу, — говорит она. — А сейчас привыкла к норке и к ней тяга больше всего. А вообще-то животными я занимаюсь с детства. Еще шиольницей работала на Московской станции юннатов. И институт так выбирала, чтобы обязательно работать со зверями.

Норки — зверьки необыкновенной гибкости. Они безостановочно бегают и прыгают по клеткам. Изящно изогнувшись, плещутся в поилках. Устав, разваливаются на сетках и сладко позевывают, показывая розовые язычки и остренькие зубки.

А расцветки!.. Ослепительно белые, голубые, угольно-черные, с блеском, густо-коричневые, бежевые, серебристые...

— Норка — главное богатство нашей фермы, — говорит Инна Марковна. — Их у нас больше тридцати тысяч. Сначала были только стандартные коричневые и

черные. А позже мы стали работать с цветными. Теперь выведены и белые, и сапфировые, и жемчужные. Сейчас начинаем расширять коричневую группу — ждем двести норок из Швеции. Пока работаем с бежевой группой. Стараемся путем отбора добиться желательной окраски: среднего бежевого тона с голубоватым оттенком. Вот такого...

Перед нами два зверька. Они с любопытством поглядывают на нас глазками-бусинками. Вдруг, усмотрев опасность, один из них хватает второго за загривок и бесцеремонно волочит в гнездо. На солнце голубоватым отсветом заиграл нежный бежевый мех...

Кормление зверей — зрелище занимательное.

В этот момент я оказалась в норковой бригаде Раисы Михайловны Плюсниной.

До этого я побывала на зверокухне. В автоматических агрегатах под наблюдением врача шло приготовление фарша для норок. В него входит пятнадцать компонентов: мясо, рыба, творог, каша, молоко, витамины и многое другое. Норка — зверь прихотливый.

Затем этот фарш привезли в специальной закрытой машине на ферму и из шланга выгрузили в подвесные тележки. Работницы раздают из тележек фарш зверькам.

Норки нетерпеливо подпрыгивают и яростно хватают корм острыми зубками.

Раиса Михайловна — старейший работник на ферме, училась на специальных курсах, многое постигла опытом. Во время школьных каникул Раисе Михайловне помогает на ферме ее сын — пятнадцатилетний Сережа.

— Обязательно смотри: какой зверек как выгля-

дит, — поучает Сережу мать. — Если у норочки сухой носик, глаза невеселые, вялость — значит, приболела. Следи, чтобы свежая вода всегда была: они любят с водой булькаться...

Сереже больше всего нравится ручная норка Яшка.

— Яшке дашь палец в рот, он заберет его, а не кусает. А другим дай попробуй! Так вцепятся — не оторвешь...

Яшку можно брать на руки — людей он не боится. Но смирно сидеть не любит, крутится как веретено.

Когда Сережа смотрит на зверьков, глаза у него восторженные, но во взгляде сквозит и жалость.

— Жаль норок. Они всегда взаперти сидят.

Пройдет время, и юный зверовод одолеет в себе эту раздвоенность, поймет главное. Всякий настоящий зверовод любит животных, ухаживает за ними любовно, старательно (без этого зверя не вырастишь), но в то же время отдает себе отчет в том, что «растит шкурку».

Как-то молдавский поэт Николай Костенко рассказывал, что во время войны работал на бойне. Одна из слушательниц была ошеломлена:

— Как! Вы, поэт, убивали животных?

— Да. Чтобы кормить людей!

Звероводы, выращивая животных, умеют без излишней сентиментальности видеть в них будущие воротники и шапки, нужные людям.

Зверьки в клетках великолепны. Но, несмотря на это, ферма смотрится уныло. Здесь ни деревца, ни цветочка. Только клетки...

Между тем есть точно такие же фермы, которые буквально утопают в зелени и цветах. Не знаю, нравится ли это животным, легче ли им переносить неволю, но людям это, безусловно, приятно.

Один научный сотрудник, находившийся на ферме в командировке, рассказал мне, что ему очень понравилась одна из южных звероферм, территория которой обсажена фруктовыми деревьями: красиво и полезно.

— Вы рассказали об этом здесь директору?

— Да нет, как-то неудобно...

Почему же неудобно, если это может пойти на пользу? Я вспомнила табличку, которую видела в одном ресторане: «Если вам у нас понравилось — расскажите другим, а если нет — только нам».

В небольшом светлом домике, стоящем поодаль от фермы, живут совершенно диковинные зверьки. Шиншиллы. Мех их высоко ценится.

Они похожи на серебристо-голубые шарики, очень пушистые даже летом. У них огромные блестящие темные глаза, большие круглые уши, длинные усы, которые непрерывно шевелятся, и длинные оранжевые резцы, очень сильные, как у всех грызунов. Они напоминают немного зайцев, немного мышей. Впрочем, по-немецки их так и называют *Hasenmäuse* — «зайцемыши».

Родина шиншилл — Южная Америка. В СССР их впервые завезли лишь в 1960 году.

Пятьдесят этих зверьков было доставлено в город Киров. Здесь и была создана опытная ферма, чтобы изучить возможности акклиматизации шиншилл в природе и разведения их на звероводческих фермах.

С ними работает научный сотрудник Ирина Борисовна Кирис.

— Они очень любопытны, — говорит Ирина Борисовна. — Когда я впервые пришла фиксировать их активность ночью (они ведь ночные зверьки), шиншиллки,

обычно такие подвижные, затихли, встали в своих клетках на задние лапки и уставились на меня. Наблюдать им за мной было не менее интересно, чем мне за ними...

Ирина Борисовна открывает одну из клеток, берет шиншиллу за хвост и осторожно сажает на ладонь.

— Брать их надо только за хвост, — поясняет она, заметив мой удивленный взгляд. — Иначе зверек выскользнет из рук, оставив у вас в руках клочок шерсти. Они сбрасывают шерсть так же, как ящерицы хвост.

Я осторожно провожу пальцем по длинному меху. Он настолько мягок, что почти не ощутим. В научной литературе сказано, что мех у шиншиллы более нежный, чем у всех остальных млекопитающих.

Семья шиншиллы живет и в открытой вольере. Нора у них скрыта под кучей песка, из которой торчит термометр (с него регулярно снимают показания). Нора имеет несколько выходов, все они ведут к кормушке, в заросли травы. В траве зверьки пробираться не могут, но они прогрызли в ней коридор, и по нему путешествуют. Оказалось, что шиншиллы в состоянии переносить большие перепады температуры и даже суровый мороз. Вот только снег одолеть не могут. Их нежный мех намокает, и они гибнут.

Позади много труда, есть и ошибки, недоумения, спорные вопросы. Все приходилось создавать заново: клетки, кормушки, поилки, разрабатывать рацион, определять, какую поддерживать температуру, влажность воздуха...

— Шиншиллы быстро привыкли к местным кормам, которые заменили им привычные засухоустойчивые растения и кактусы, — говорит Ирина Борисовна. — Едят они мало: чайную ложку зерна — это десять граммов и горсть сена — двадцать граммов в день. Но они очень требовательны к качеству корма. Им непременно добавляют витамины, минеральные вещества, микроэлементы.

Охотно грызут зверьки морковь, ветки шиповника, можжевельника...

Самый радостный момент в шиншиллятнике, как на всякой звероферме, — рождение детенышей. За десять лет их родилось более полутора тысяч. Они появляются на свет вполне подготовленными к жизни: подвижными, зрячими, в шерсти и даже зубастыми.

Многим питомцам фермы довелось совершить большие путешествия. Одни были направлены в Душанбе, где тоже создана опытная ферма, другие выпущены высоко в горах Памира, Кавказа, третьи попали к энтузиастам-любителям в Киев, Пржевальск, Воронеж, Горький и другие города.

Еще А. Брем писал, что «шиншиллы легко переносят неволю и доставляют удовольствие своей чистоплотностью и легкой приручаемостью». Но любители-шиншилловоды разводят зверьков не только для удовольствия. Они ведут за ними наблюдения и сообщают о них в институт.

— Важно узнать, как ведут себя шиншиллы в разных климатических условиях, — говорит Ирина Борисовна. — Это поможет выяснить, какая климатическая зона им больше всего подходит. В шиншилловодстве есть еще немало вопросов, которые нам нужно решить...

Я еще раз обхожу клетки с шиншиллами. Зверьки тесно прижались друг к другу. Вся семья сливается в один большой сероватый ком. Это одна из привычек, унаследованных от предков. На родине шиншилл, в горах, такой ком легко принять за камень.

Впрочем, когда зверьков выпускают в природу, старые инстинкты, не утраченные в неволе, послужат им.

КОГДА ЦВЕТЕТ
ПУСТЫНЯ

Нельзя было не удивляться, как мы еще не вылетели из кузова. Старенькая полупторка то с ревом штурмовала бугры, то проваливалась круто вниз. При этом она кренилась то на левый, то на правый бок, вот-вот перевернется.

У нас все прибавлялось синяков. И тем не менее мы были довольны. Можно проехать на машине. В каракумских песках это редкость.

К счастью для нас, весной прошло необычно много дождей и пески прибило. Вот и сейчас серое небо, задернутое низкими облаками, нависло над пустыней. Временами начинает моросить дождик, мелкий, совсем осенний. Может, из-за этого дождика пустыня, если смотреть на нее вдаль, напоминает нескончаемое болото. Кочки... Кочки... А над ними пучками торчат кусты.

Но вблизи впечатление иное. Низины меж крутых барханов поросли лесом саксаула. Невысокие деревца донельзя искривлены и скрючены. Самые высокие из них не больше двух-трех метров. Но все же это лес, и он уже брызнул первыми побегам, похожими на мелкие иглы.

Лес в пустыне! И как в каждом лесу, есть здесь полянки. Они густо поросли зеленой травой и яркими цветами. В средней полосе такое цветение увидишь в разгаре лета. А сейчас только начало апреля. Гордо подняли крупные головки лиловые ирисы. Полыхают алые маки. Особенно когда сквозь облака прорывается солнце. И тогда здесь становится празднично.

Впрочем, это и есть праздник пустыни. Короткий весенний праздник, когда унылые пески расцвечиваются радостными красками цветов, словно иллюминацией.

Ликование идет не только в низинах. Цветы расцвели и на вершинах песчаных холмов, причудливо разрисованных ветром. Прямо из песка поднялись стройные эремурусы, усыпанные широко раскрывшимися белыми цветами.

Пустыня словно собрала все силы, чтобы принарядиться в весенние дни. И нельзя ею не залюбоваться.

.

В кузове полуторки нас трое.

Рядом на жесткой скамейке сидит Ата, молодой научный сотрудник песчано-пустынной станции. На полу на корточках устроился старый туркмен. Козлиная бородка клинышком, щепотками спускающиеся в углах рта усы делают его лицо аскетически худым и длинным. Он погружен в раздумье и, не обращая ни на что внимания, тихо поет что-то монотонное и не имеющее конца. В отличие от Ата он одет не в городской костюм, а в местный. На нем широченные сборчатые штаны, заправленные в сапоги, и просторный теплый не то пиджак, не то ватник. Во всяком случае, это одежда не мешает движениям. Я видела, как старик влезал в кузов. Он словно перелетел в него через борт, взмахнув, как крыльями, полами пиджака.

Ата охотно дает мне пояснения. Но очень коротко. Когда тебя подбрасывает и болтает, не очень-то разговоришься. Язык прикусишь.

— Если хотите, можем остановиться, — предлагает он.

Мы выпрыгиваем из машины и лезем по отлогому склону бархана. Прибитый дождем песок почти не осыпается. От ног в нем остаются глубокие разбитые следы.

Теперь можно не спеша оглядеться.

Перед нами целые заросли растений. У самой земли — розетки узких листьев. Над ними возвышается

стебель. На конце его покачивается связка коричневатых бубенчиков. В каждом — маленький плод. Торопятся растения пустыни. Осока уже отцвела и вот-вот развевает по пескам плоды. Ветер далеко разнесет летучие бубенчики.

И повсюду — кустики астригала, усыпанные лиловатыми цветами, похожими на душистый горошек. Ата нарвал из них букетик и протягивает мне. «Букет пустыни», — говорит он.

Весенний луг пустыни не только радует глаз. Это отличный корм для скота. Сотрудники песчано-пустынной станции изучают, как рациональнее использовать растения пустыни. Да и сами пески хранят в себе немало тайн, которые надо открыть. Без этого не проложить тут дорог, не построить поселков. Очень важно понять, в каком направлении, с какой скоростью перемещаются пески, как их останавливать, преграждать им путь...

Один склон бархана пологий, а другой крутой. Ветер сдувает песчинки с пологого склона и сбрасывает на крутой. Так постепенно песок перемещается. Ветер-художник расписывает склоны барханов затейливыми кружевными рисунками.

Некоторые барханы голые, на других растения.

Едва ли не самое красивое из них — песчаная акация. Стройная. С крошечными листочками. С нежным переплетением тонких веточек. Издали она напоминает березку.

Растет этот кустарник на голом песке. И как приходится ему бороться за свою жизнь! Передвигаясь, пески засыпают его. До самого верху, до самых концов ветвей. А растение все тянется ввысь, не сдается, словно на цыпочки становится, и не дает пескам окончательно похоронить себя. На вершинах барханов то там, то тут торчат только кончики крошечных листоч-

ков, а сами кустики погребены в песках. Но проходит время, пески снова перемещаются. Ветер, который закопал растения, теперь откапывает их. Даже корни обнажает, так что куст уже не может стоять вертикально, валится. И снова он приспособливается. Раз не может держаться вертикально, ложится и пускает корни. Валяется на песке длинный стебель. А попробуй подними его! Прочно укрепился корнями в песке. А над ним молодая поросль.

Задумалась я, глядя на акацию, любуясь ее силой к жизни. Поэтому не сразу заметила ящерку, которая вынырнула у меня из-под ног. В этот пасмурный день они все попрятались. Только когда идешь, ящерики выскакивают из-под ног, обращаясь в спасительное бегство.

Я шагнула вперед и пересекла ящерице дорогу, отрезала ей путь к побегу. Она замерла, прижалась к песку, мелко-мелко задрожала и... провалилась. Сквозь землю! Точнее, сквозь песок. Только что была перед глазами, и нет ее. Так спасается ящерица от своих врагов. Мгновенно зарывается в песок и замирает.

Старик туркмен что-то сказал.

— Он хочет показать вам пустыню, — передает мне Ата.

Старик расплылся в улыбке и жестом предложил идти за ним.

Он задержался у растения, которое раскинуло над собой большой зонтик мелких белых цветов.

— Ферула! — кратко объявил он и принялся разрывать песок.

Корень растения уходит глубоко в землю. Вырыв корень, старик очистил его. Он оказался белым, мясистым. Старик отрезал от него кусочек и протянул мне.

— Попробуйте, — предложил Ата. — Это лекарственный корень.

Корень оказался очень волокнистым — не разжуешь, с резким, горьким вкусом.

А старик уже подошел к другому растению. Из песка торчит метровая толстая палка, усыпанная лиловатыми и желтыми цветами. Торчит ярким жезлом пустыни.

— Это растение-паразит, — объясняет Ата. — Оно паразитирует на корнях других растений, тянет из них соки.

Старик что-то добавил по-туркменски. Ата перевел:

— Его называют «прогоняющим усталость». Растения эти варят и пьют. Когда много поработал, выпьешь такой настой, и тебе легче.

Старик кивает головой в такт его словам и улыбается.

Мы направляемся к колодцу, где чабаны поят овец. Чтобы защитить колодец, людей и овец от песчаной пыли, дать им тень, Ата посадил там растения. Принялись ли они? Чтобы узнать это, и предпринята поездка.

Три гулкие бетонные трубы воткнуты глубоко в песок. Это и есть колодец.

Но только в одной из труб вода. Третий раз пришлось переносить колодец на новое место: вода уходит.

Вокруг котловины стоят песчаные горы. Совсем голые. Возле одной из гор прилепился небольшой сад. Маленькое зеленое пятно среди бесконечного желтого песка, застывшего гигантскими волнами. Издали кажется, что меж деревьев непременно должен журчать ручеек. Но ручейка нет. Какие уж тут ручейки! А деревья, посаженные терпеливыми умелыми людьми, про-

должают расти, добывая себе влагу глубоко из недр земли.

Мы стоим и любуемся этими переселенцами в пустыню.

А потом все вместе идем к новому колодцу. Ата топчется. Шагает впереди нас. Подходит и огорченно сникает. Возле колодца торчит несколько рядов почерневших прутиков. Ни на одном нет побегов. Не выдержали растения испытания жарой и сухостью. Погибли.

Ата вместе со стариком черпают воду ведро за ведром из колодца и выливают на иссохший песок возле саженцев. Может, какой-нибудь саженец все-таки поднимется?..

— Есть у нас еще посадки у другого колодца! — говорит Ата. — Надо и их посмотреть. Поехали, — приглашает он, но в голосе уже нет уверенности.

Ата вырос не в пустыне. Детство его прошло среди богатой субтропической природы. Он привык к зелени садов. А после окончания Ашхабадского университета приехал работать в песчаную пустыню. Ему понравился простор, свежий воздух, но очень не хватало садов, зелени. Впрочем, именно для этого он и приехал, молодой специалист по культурным растениям, чтобы сажать деревья.

Его предшественник посадил вокруг песчано-пустынной станции небольшой сад. Ата начал с того, что принялся его расширять. Он сажал одну породу за другой. Саженцы часто гибли, не вынося пекла, соленой воды. Молодой специалист испробовал тридцать семь пород. И для него не было большей радости, когда какое-нибудь растение давало побеги, когда в пустыне появлялся новый жилец. Сад вокруг станции разрастал-

ся. А потом Ата стал сажать деревья в открытых песках, у колодцев. У одного его постигла неудача. А что ждет у второго?

Снова бросает нас вместе с машиной по холмам пустыни. Снова кругом пески да пески. Снова заросли саксаула. И снова колодец.

Ата первым выскакивает из машины. Оглядывается. И сразу становится очень деловитым и значительным. Достает из кармана модного пиджака блокнот и что-то в нем отмечает.

На саженцах зеленеют первые листочки. Почти все растения прижились.

Победа! Черные глаза Ата сияют.

Конечно, впереди у растений еще много испытаний. Не все они вырастут. Но сад все же будет. Чабаны, придя со своими отарами к колодцу, смогут отдохнуть в тени.

Не просто посадить в песках дерево. Для этого надо много терпения и сил. Но зато сколько искренней благодарности достается на долю того, кто взрастил в пустыне растение! Сколько радости принесет деревце каждому, кого защитит от солнца и пыли!

УСМАНКА -
БОБРОВАЯ РЕЧКА

За окном чернота. Она не пропускает взгляд, и трудно решить, насколько близко к путям выстроились деревья. Выше чернота рассыпается тонким ажуром. Четкие силуэты листьев подсвечены сзади серебристым светом. Как на теневых картинах. Свет испускает луна, похожая на истонченную монету с почти стершимся рельефом.

В мертвенном свете луны лес красив, но неприветлив. Выходить навстречу ему не хочется. Жаль расставаться с обжитым вагоном. Но выходить надо.

Спрыгнув с высокой подножки вагона, я огляделась. Сверху на меня тарачились зелеными и красными глазами светофоры. Впереди светилось станционное здание. Я заспешила к нему, все ускоряя шаги.

Зал ожидания встретил густым духом. В центре висит потемневшая копия шишкинского бора, ставшая чем-то вроде эмблемы станционных залов.

Невзирая на непривлекательную жесткость деревянных лавок, на них растянулось несколько мужчин. Женщины спали сидя, прижав к себе сумки и уронив на них головы. У кассы, впритык к закрытому слепому окошку сидели две женщины в серых платках, надвинутых на самые глаза, и о чем-то шептались.

С лавки вскочил старик. Нарушая сонное оцепенение, поругиваясь, хватаясь за стены и кружа, словно его относит течением, добрел до раковины, в которой бил фонтанчик. Ткнулся ртом на скругленный конец водяного столбика, втянул щеки, захлюпал. Потом, утирая рукавом рот, напрямик пошел к своей скамье и улегся досыпать.

Ночью хотелось бы иметь пристанище и поудобнее, чем скользкая вокзальная скамья. Но любые неудобства можно претерпеть или, как говорят, подняться над ними. Можно даже настолько к ним приспособиться, что не замечать.

Так и не обретя сколько-нибудь удобного положения, я еле дождалась рассвета.

Пришел поезд. Стало шумно. Люди, спавшие на лавках, зашевелились. У кассы образовалась очередь. Ждали первую электричку в город.

Пора было и мне определять дальнейший путь.

Я подошла к человеку в плаще с темно-зелеными петлицами, на которых золотились дубовые листья и желуди. Форма вызывает доверие.

— Вы не скажете, как добраться до заповедника?

— Да тут всего километров пять пройти-то. — Лесничий изучающе посмотрел на меня. — А вы по какому делу? По личному? — сказал он почти утвердительно. — Ходит тут автобус. Но он только рабочих возит. На работу в заповедник.

— Да чего там! Посадит! — вмешался в разговор мужчина в ватнике. — Чего ноги-то зря бить? Держитесь нас. Мы тоже туда...

Подслеповатый автобус проскочил мимо пристанционных домиков и остановился перед металлическими воротами, которые стояли посреди дороги. За воротами сплошной лес.

Из будочки выскочил человек. Отопнул замок и широко развел ворота.

Автобус взял влево и поехал по лесной дороге.

Я уткнулась в окно и тотчас отключилась от всего.

Не увидев, трудно представить великое богатство осенних красок. Словно лес желал перед увяданием

оставить по себе яркую память. В просветах меж верхушками деревьев сияет прозрачное голубое небо. Такого неба никогда не видишь в городе.

Автобус едет медленно. Его то подбрасывает, то заваливает на сторону. И нас вместе с ним. Вероятно, в молодые годы в городе ему приходилось полегче, не то что сейчас, на старости лет.

Шофер сбавляет скорость и тормозит.

Поперек дороги, растопырив ветви, валяется большая осина. Немного подальше еще одна. Автобус осторожно объезжает их. Пассажиры заинтересованно смотрят.

— Опять нарубил! Ишь ты!

Сказано без удивления и уважительно.

— Он что ни ночь завалы устраивает, — охотно отзывается водитель. — Только и знай объезжай. А тут я ночью чуть не задавил одного. Вышел он дерево рубить, да не успел отбежать...

Лесничий, с которым я познакомилась на станции, обернулся ко мне и пояснил:

— Бобры тут у нас. Возле самой дороги живут.

И тут я увидела, что на некоторых деревьях чуть выше корня белеют знакомые кольца. Кора аккуратно срезана. Древесина под ней выгрызена. На некоторых деревьях глубоко. Так что дерево держится уже только на тонком стержне. Подрежь чуть глубже, и рухнет, упадет рядом с теми, что валяются кругом во множестве. А между ними белеют свежие пеньки. Как на лесосеке.

Автобус, изрядно взболтнув нас на очередном ухабе, выехал на опушку леса, где стояло несколько домиков.

Лесничий поднялся и направился к выходу, сказав мне на ходу:

— Вам еще рано. Доезжайте до главной усадьбы. Директор должен быть там на нарядах.

Всякий приезд, в большой ли город, в маленький ли поселок, начинается с проблемы: где найти пристанище?

Поэтому мне было приятно услышать от директора, прервавшего довольно бурный разговор с шоферами:

— Прежде всего устраивайтесь. Сейчас вас проведут к тете Насте.

Лицо директора рыхловатое, а веки болезненно красноваты. По городской своей наивности я полагала, что болезненные лица присущи только жителям больших городов. А здесь, на таком-то воздухе...

Проскрипели деревянные ступени старого каменного дома. Я поднялась на второй этаж и остановилась в изумлении. В высоком окне на голубом фоне неба распластались ветви тополя с золотистыми листьями. Естественный витраж!

«Гостиница» — сообщает табличка.

Я потянула на себя массивную дверь. За ней оказалась просторная полутемная передняя. Посередине круглый стол. В углу клеенчатый диван. На стене, уходя под потолок, поблескивало зеркало. На развешанных картинах — бобры. Одни бобры! Едят, купаются, борются...

— Ну вот! Женщина приехала! — осуждающе воскликнула, выходя мне навстречу, немолодая заведующая. — Занята у меня женская комната. Вот освободится, тогда и будете там жить...

Она сделала паузу, предоставляя мне оценить незавидность моего положения.

— Придется вас пока в мужскую поместить, — заключила она после некоторого раздумья.

Выбора у меня не было.

Заведующая открыла ключом дверь. В большой комнате с казарменной симметричностью расставлены четыре кровати, аккуратно застеленные пикейными одеялами небесного цвета. Возле каждой тумбочка. Вдоль стен стулья. Посередине круглый стол под малиновой бархатной скатертью. Она спускается до полу, стыдливо скрывая ножки.

— Пустая она пока, — говорит заведующая и с сожалением, словно в последний раз, обводит взглядом комнату.

Она указала, на какой кровати мне располагаться, и сообщила, что зовут ее тетя Настя.

Я затолкала под кровать чемоданчик, закрепив таким образом право на место.

Центральная усадьба заповедника расположилась на территории бывшего монастыря. Используются кое-какие старые постройки, созданы новые и превращены в клуб громоздкий собор. Построенный на века, но без особого вкуса, по неким, не лучшим, стандартам своего времени, он пережил многие дома, продолжая служить людям в новом качестве.

Небольшие новые домики, в которых живут сотрудники заповедника, разбросаны просторно. Широко растопырившиеся заборы словно сдерживают наступающий со всех сторон лес.

И конечно, все в этом маленьком поселке знают друг друга. Для приезжего это удобно. Я подошла к колонке и спросила у женщины, которая подставила ведро под напористую струю воды:

— Как мне разыскать Митрофана Петровича?

— А вон его квартира. Он сейчас дома... Он всегда в это время дома бывает.

Митрофан Петрович удивился:

— Я уже на пенсии. Мне за семьдесят...

Я знаю об этом. Знаю, что Митрофан Петрович Скрябин родился в этих краях, с 1922 года работал по лесоводству в разных областных организациях, а последние тридцать лет — непосредственно в заповеднике.

Митрофан Петрович задумался, наклонил круглую, бритую наголо голову, разгладил седые щеточки усов, посмотрел на меня большими карими глазами.

— Ну, если вы так хотите, пойдете посмотрим наш лес, — сказал он с расстановкой, словно что-то припоминая. — Ну о Морозове вы, конечно, знаете...

Как раз перед отъездом я видела сборник статей, выпущенный к столетию этого замечательного русского ученого-лесоведа. Читая статьи Георгия Федоровича Морозова, я восхищалась широтой не только научных, но и философских его взглядов, глубокой преданностью и любовью к делу, которому он посвятил жизнь.

— Я ученик Морозова, — пояснил Митрофан Петрович. — Учился у него в Лесном институте. Человек он гениальный. Потому что проник в самую сущность леса, указал в своем учении, что разнообразные формы его могут быть поняты только в связи с природной средой.

Он взял со стола книгу, раскрыл и прочитал:

— «Жизнь и формы леса нельзя понять, если миновать занятую лесом среду. Лес и его территория должны слиться для нас в единое целое, в географический индивидуум или ландшафт». И дальше: «Учение о лесоводственных принципах есть учение о том, какими чертами должен отличаться хозяйственный лес, дабы он мог, не теряя своей жизненной устойчивости, удовлетворять основному запросу хозяйства — идее посто-

яинства пользования, тесно связанной с идеей возобновления».

Митрофан Петрович закрыл книгу и внимательно посмотрел на меня: дошло ли? Потом поднялся, надел тужурку, взял прислоненную в сенях неказистую осиную палку.

И мы отправились.

Лес начинается тут же, за усадьбой. Огромные старые дубы. Все в золоте. Но не в хвастливо-блестящем, а в притушенном, червонном, в таком, что называют благородным. Резные листья с четко выгравированными жилками кажутся металлически твердыми и острыми по краям. Почерневшие ветви скрючены.

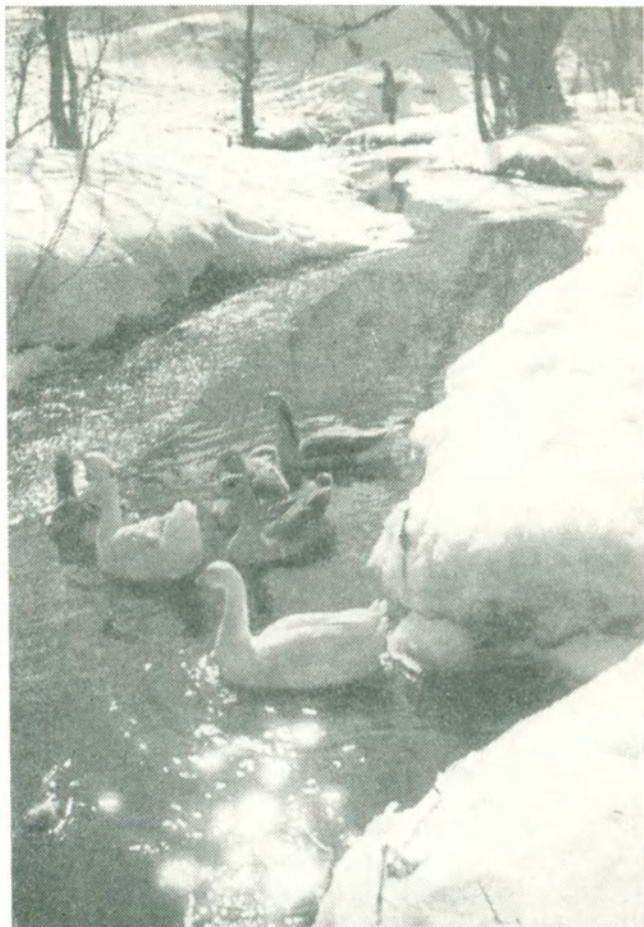
У каждого дерева есть свой индивидуальный облик. Мне приходит в голову, что эти древние дубы похожи на скупцов, которые скрюченными пальцами вцепились в золото.

Да, в лесу создается особая настроенность. Фантазия, почуяв благоприятную обстановку, высвобождается из-под здравого смысла и разыгрывается вовсю.

Мне о многом хочется расспросить моего спутника, но он, видимо, еще не настроился на разговор. Идет сосредоточенно, ко мне не оборачивается, шагает неспешно и по-стариковски мелко. Мне трудно применить к нему свою суматошную столичную походку.

На дорожке под шуршащими листьями — песок. Это выступает так называемый песчаный «плащ», который покрывает в этих местах всю территорию. На ровных местах — на метр, на буграх — метров на семь-восемь. Под песком водонепроницаемая подстилка — слой плотного суглинка, который задерживает влагу, просочившуюся сквозь песок, сберегает ее для растений.

На вешние воды.

Бурундучок. Алтайский государственный заповедник.

Медвежонок Верка из зверинца при ДOME пионеров в Петропавловске-на-Камчатке.

**Чутко вдыхает косуля живительный
весенний воздух. Молдавская ССР.**

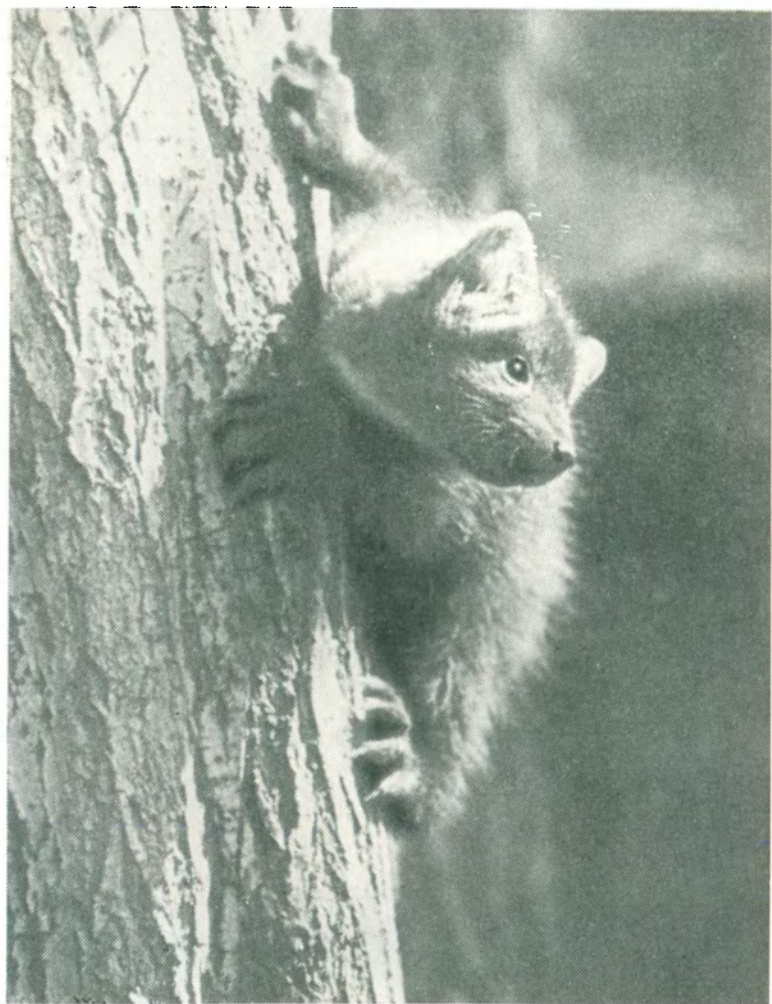
**Удобное гнездышко свила для свое-
го будущего потомства сойка и уже
отложила четыре яйца.**

Белочка. Якутская тайга.

Соболь. Алтайский заповедник.

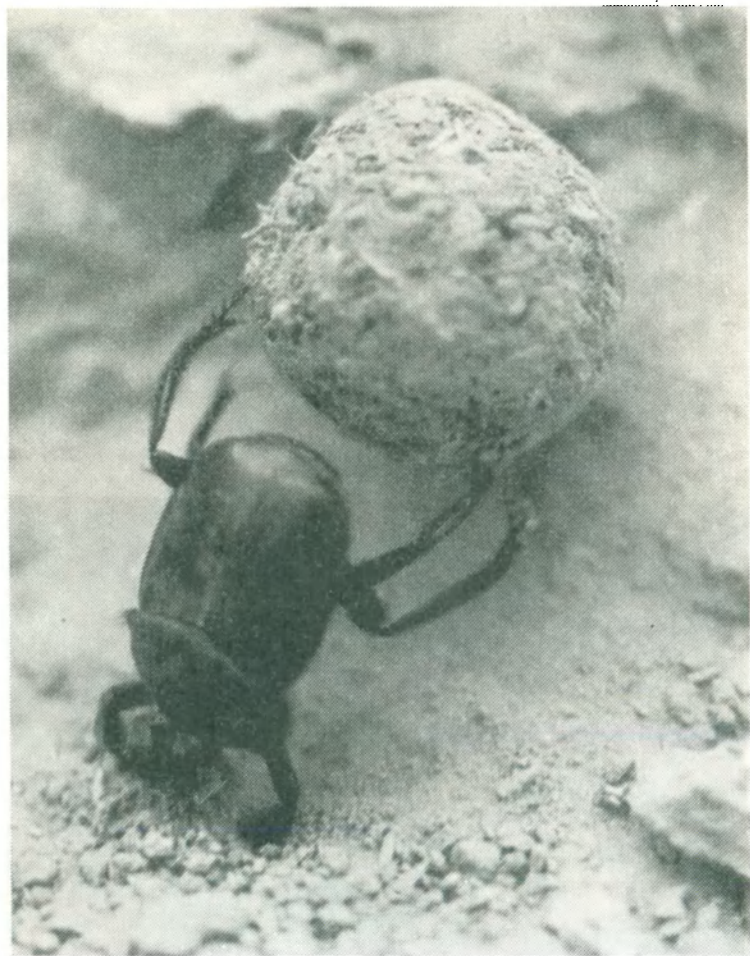

Аист — давний и верный друг рыбаков колхоза «Роя». Рижский залив.

На прогулке. Московский зоопарк.

Жук-навозник скарабей.

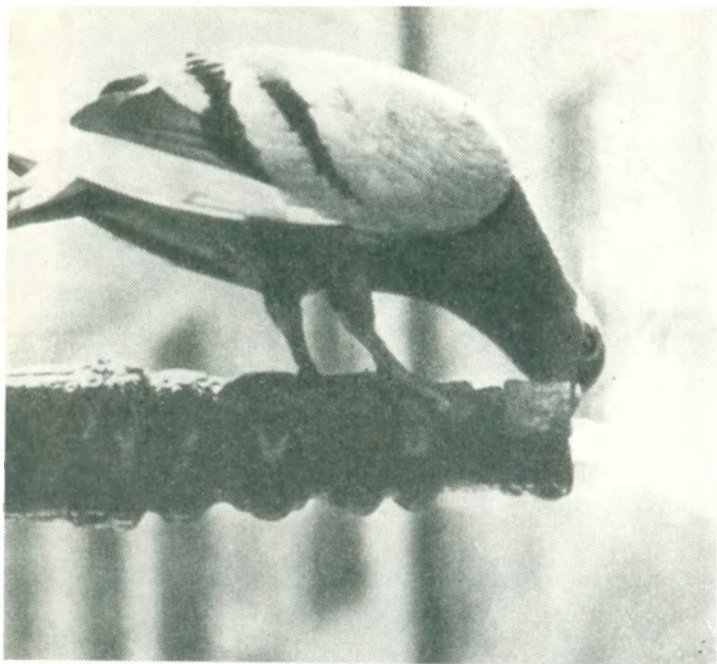
Птенцы черного коршуна. Гнездовья этих птиц находятся под наблюдением. Центрально-Черноземный заповедник имени В. В. Алехина.

Кенгуру с детенышем.

Пройдет несколько месяцев, и Фликс и Флак превратятся в грозных леопардов.

Утоление жажды.

Лисенок.

Кошка, потерявшая своих котят, усыновила зайчонка.

Благодаря этому и существует в этих не лесных уже местах, вклинившись в степи, знаменитый Усманский бор. Тридцать с лишним тысяч гектаров его отдано заповеднику.

Постепенно меня охватывает чувство радостного покоя. Лес словно источает импульсы, создающие зону душевного равновесия. Попадаешь в такую зону, и отлетают мелкие обиды, которые тебя грызли, начинает плавиться печаль... Быть может, это оттого, что лес кажется вечным, а в сравнении с вечностью мелочи жизни занимают свое истинное, малозначительное место.

— Когда-то лес был для человека первым другом, — заговорил Митрофан Петрович. — Укрывал от врагов, обеспечивал всем необходимым. Человек тут жил. Занимался лесным промыслом. Собирал мед. Охотился. Гнал смолу. Так было здесь начиная с VIII века...

Многие годы тут проходила сторожевая линия русского государства. Леса вставали на пути половцев, ногайских и крымских татар. Когда приближался враг, делали засеки — валили деревья вершинами навстречу пришельцам. Конница кочевников не могла одолеть такие укрепления...

Позднее Усманский бор высоко оценил Петр Первый. Ему принадлежат слова: «Сие место красно есть!» Он заявил, что воронежские леса — это «золотой куст Российского государства», и объявил их корабельными. Здесь стали рубить деревья, из которых строили суда для исторического похода на Азов. Самовольная же рубка каралась казнью...

Воронежские леса — это островок в степи. Они дают прохладу, загораживают поля от суховеев, защищают земли от разъедания оврагами; хранят воду озер и маленьких речек. Велика человеку польза от этих лесов. Была, есть и будет...

Я смотрю на уходящие в солнечное небо прямые стволы сосен. У вершин они облеплены тонкой шелухой, напоминающей золотую фольгу, кажутся лохматыми. Так и хочется провести по ним рукой — очистить до гладкости.

Это и есть знаменитые корабельные сосны. Они устремлены прямо вверх, оставив тесниться у своего подножия кустарники и те деревья, которым не дано подняться высоко. В вышине верхушкам сосен просторно. Кажется, что они впитывают в себя солнце. Оно золотит их поутру, когда внизу еще ночной сумрак. И вечером они последними провожают солнце за горизонт.

— Может, эти корабельные сосны сохранились с петровских времен?

Но Митрофан Петрович разрушает мои фантазии:

— Соснам лет по полтора. А это, между прочим, наиболее старый участок бора. Очень-то старых не сохранилось. Не выстояли сосны перед хищническим истреблением, которое продолжалось тут во все века, несмотря на выпускавшиеся указы.

...Мы то поднимаемся вверх, то спускаемся вниз и словно путешествуем из одного леса в другой. Все они несхожие. Величественный золотистый сосновый бор... трепещущий красной листвой осинник... радостный белоствольный березняк... просторная спокойная дубрава...

— Лес чутко реагирует на условия обитания, — толкует мне спутник. — Если условия становятся неблагоприятными для какой-нибудь породы, она начинает выпадать. И ее территорию тотчас захватывает другая. Так и идет смена древесных пород. Усманский бор много смен пережил. Тот, кто шел тут сто лет назад, видел совсем иной лес, чем мы с вами.

Раньше чем увидеть, я ощутила впереди сияние. И не сразу сообразила, откуда оно. На расширяющейся просеке, чуть отделившись от леса, стоит большой клен.

Он благодушно разметал ветви в ярко-желтых листьях. Они похожи на звезды и словно источают свет. А под деревом отражением его сияния лежит опавшая листва. Еще не омертвевшая. Не погасшая.

Мне приходилось видеть много удивительных деревьев, глядя на которые хочется сказать: так не бывает!

В Калькуттском ботаническом саду есть, например, роща. Мы объехали ее на автомобиле по асфальтированной дорожке. Удлиненные большие листья блестят как кожаные. Они очень знакомы. Но немало помучаешься, прежде чем догадаешься, что эти листья похожи на листья комнатного фикуса, с которым баньян состоит в близком родстве.

Густая живая кровля не пропускает света. Под ней сумрачно — ни травинки, будто вытоптано. Через всю рощу тянутся длинные горизонтальные ветви, похожие на серые трубы. Их поддерживают живые подпорки-корни. На концах ветвей свисают похожие на измочаленные веревки воздушные корни. Дорастут они до земли, укоренятся и тоже превратятся в подпорки. С их помощью баньян шагает все дальше и дальше. Оказалось, баньяновая роща, которую мы объехали на машине, — одно-единственное дерево. Тысячествольное! Можно ли не поражаться этому чуду природы?! И тысячествольный баньян не самый большой. Говорят, самый большой баньян имеет четыре тысячи стволов. Увидишь и скажешь: так не бывает!

Мы спускаемся с холма и останавливаемся у длинной изгороди, сложенной из высушенных, растрескавшихся слег. За ней осины.

Это любимое дерево Митрофана Петровича:

— Осина активна. Быстро растет. За тридцать лет я смог провести за ней много наблюдений, какие в дубах и соснах трудно было сделать. И древесину она дает хорошую. Только вот загнивает рано.

Здесь два участка. На одном деревья значительно выше. И кора у них глаже, ровнее. Оказывается, чтобы помочь лесу, Митрофан Петрович попробовал и минеральные удобрения. Эффект был бесспорным, и лесовод размышлял о гигантской осине, которую можно будет выращивать там, где очень не хватает древесины. Даже написал об этом в журнал. Но... не напечатали.

Мне нечего возразить. Что бывает, то бывает...

Можно было ждать, что Митрофан Петрович начнет сейчас разговор о разных непорядках, но он вернулся к рассказу о своих экспериментах.

Мы идем и идем. Не прибавляя и не убавляя шага. Ровно и неустойчиво. Я уже применилась к этому ритму и успела его оценить.

Митрофан Петрович подводит меня к высоченному стройному дубу, вознесшему свою завитую вершину куда-то к облакам. Кора у него удивительно четкая, словно вырезана по трафарету. Дуб обнесен оградкой. На стволе — красная полоса.

— Столетний! — объясняет Митрофан Петрович. — Таких в заповеднике немного. Это так называемые плюсовые деревья, элитные.

Мы выходим из чащи на полянку. Она выгнулась бугром. По одну сторону белыми хлыстикami теснятся молодые березки. По другую — сосенки. А полянка как лысина. Лишь кое-где среди пожелтевшей травы растут пыренными сучьями торчат крошечные засохшие сосенки.

— Тут пожар был. Лет десять назад, — объясняет Митрофан Петрович. — Кто-то, наверное, бросил спичку. Обычная история. Раньше много пожаров было от паровозов. Теперь электричка, не жжет...

— Почему же поляна не зарастает? — спрашиваю я.

— Трудно сказать. Темпы зарастания очень различны. То ничего не растет, а то в два-три года быстро зарастает. Мы ведь многого не знаем о лесе. Каждое дерево имеет свою судьбу, которая зависит от условий среды. В заповеднике удалось вскрыть общий ход влияния климата на насаждения. Но не удалось пока накопить достаточно сведений для понимания причин и следствий роста и взаимоотношений древесных пород.

Слова «не знаю», как я заметила, чаще всего приходится слышать от людей, знающих много. Очевидно, чем дальше углубляешься в какую-либо область знаний, тем шире открываются горизонты неизведанного и тем острее ощущаешь, как мало познал и как много еще надо узнать и, главное, осмыслить...

Меня одурманивает красота леса, воздух, настоящий на прелом листе, на хвое, которая рассмолилась под лучами хоть и нежаркого, но все же греющего осеннего солнышка, и на чем-то еще душистом и терпком, чему я не знаю названия.

— Смотрите! Дубы-то стали пирамидальными, — показывает мне Митрофан Петрович. — Они почему-то отмерли. Потом из спящих почек пошли новые ветви, но уже снизу вверх. И кроны деревьев оказались сужеными кверху. Совершенно необычная для них форма кроны. А теперь посмотрите на эти две сосны. Видите, одна подавила другую, привела к смерти...

Я понимаю, что со мной он делится лишь толикой того, что видит в лесу, о чем сейчас думает. Сколько же он накопил наблюдений за те долгие годы, что ходит по лесу, размышляя о его жизни и судьбе!

— Над чем вы сейчас работаете? — спрашиваю я.

Митрофан Петрович рассказывает о своих статьях, докладах на конференциях, потом о книге... Она называется «Колебания климата и жизнь леса в лесостепи».

Материал для нее он собирал в течение всей жизни. Здесь личные наблюдения, размышления, анализ. Изучая историю лесов, Митрофан Петрович установил, что на них сказалась солнечная активность.

Увлеченный открывшимися ему закономерностями, Митрофан Петрович систематизировал найденные в архивах цифры, чертил графики, стараясь математически точно доказать верность этих суждений.

Он написал статью, в которой связал колебания географической среды и жизни леса с солнечной активностью. Это было давно, в первые послевоенные годы. Позже статья была напечатана. Митрофан Петрович не раз выступал на конференциях, рассказывая о своей работе. Сейчас влиянием солнечной активности на природу занимаются многие ученые.

Теперь Митрофан Петрович собирает материал о современном состоянии воронежских лесов.

— Езжу. Обследую. Работы тут года на три. Только успею ли... — и внимательно смотрит на меня.

Шагая с Митрофаном Петровичем, я думаю, что у него хорошая старость. Он сумел смолоду обрести настоящее дело, которому предан и которое имеет большой смысл.

Как писал великий педагог К. Д. Ушинский: «Человек рожден для труда; труд составляет его земное счастье; труд — лучший хранитель человеческой его нравственности и труд же должен быть воспитателем человека».

И вдруг мне стало понятно, отчего Митрофан Петрович так охотно согласился показать мне лес, с таким удовольствием рассказывал о нем. Он старался и во мне вызвать интерес к лесу, увлечь его судьбой.

Старость — время отдачи. Отдачи знаний, накопленных в течение жизни. Их хочется передать каждому — своим наследникам.

Мне хотелось посмотреть место, где трудятся бобры. Дорогу, по которой мы ехали, я помнила хорошо, но, как часто бывает, дойдя до развилки, засомневалась.

К счастью, навстречу показался человек. В ватнике, в облипших грязью сапогах, в глубоко нахлобученной кепке. Подойдя, он замедлил шаги. Поздоровался. До сих пор по давней деревенской привычке принято тут желать добра каждому путнику.

— Мне надо... к тому месту, где бобры... — сказала я, ответив на доброе приветствие.

Человек несколько не удивился и показал дорогу с такой будничной уверенностью, с какой городской житель показывает на своей улице магазин или парикмахерскую.

— Два бобра там сейчас живут. С двумя бобрятами... Остальных отловили. А то все берега высветлили...

От разъезженной дороги круто вниз уходит шуршащий откос, усыпанный листьями, побуревшими, золотистыми и даже еще зелеными. От пестроты рябит в глазах. Земля кажется сейчас много наряднее однообразного неба, затянутого серыми тучами, опустившимися на самые верхушки деревьев.

Все пространство над оврагом разлиновано черными стволами деревьев, которые тянутся высоко вверх, словно стараясь вылезти отсюда. Многие осины повалены. И это создает ощущение запущенности.

Но молодо и свежо белеют пеньки. Только нет на них привычного ровного среза, по каким принято считать круги древесной жизни. На каждом пне срез свой, особый. А вокруг, как на рабочем месте столяра, груды мелких полукруглых щепочек...

Темной ночью из воды неслышно выходят два больших бобра. Покивали головами, нюхая воздух. Безопасно! Встряхнулись совсем по-собачьи. Сели, опершись на широкие плоские хвосты, похожие на шершавые подошвы. Сгорбились.

Следом за родителями из воды вышли два бобренка. Они во всем подражают родителям.

Прежде всего бобры приводят себя в порядок. Они отжимают воду из шерсти, причесываются. Есть у них для этого на задних лапах раздвоенные коготки вроде гребешка. Причесали голову, разгладили шерсть на груди, животе, боках...

Позавтракали они раньше. Звери любят есть в воде. Теперь за работу.

Бобры, неуклюже переваливаясь, зашагали по берегу. Вот один направился к толстой осине. Опершись на хвост, бобр сел у дерева и принялся грызть древесину своими огромными резцами, выступающими изо рта. Грызет громко и быстро. Потом замрет. Понюхает воздух: все ли спокойно? И опять за дело.

Второй бобр устроился поодаль, у другого дерева.

Осенью, когда трава засыхает и когда питательные вещества из листьев переходят в ствол и кору, просыпается у бобров лесозаготовительный инстинкт, выработанный поколениями для спасения своего рода.

Долгими осенними ночами валят бобры деревья, отгрызают ветки и стаскивают в воду, чтобы спрятать в своем подводном продовольственном складе. Река покроется льдом, тут запасы и пригодятся.

Всю ночь трудятся бобры. Валят и валят лес.

Надо ли им так много? Пожалуй, нет. За сутки бобр съедает около килограмма осиневой коры. Это примерно осинка диаметром в пять-шесть сантиметров. Звери же заготавливают ветвей больше, чем смогут съесть.

Не могут рассчитать? Возможно. До сих пор неизве-

стно, почему, например, сытая кошка набрасывается на мышь и душит ее. Вот и бобры, гонимые инстинктом, усердно грызут деревья начиная с того времени, как с них опадет листва, и до самого ледостава.

Родителям подражают малыши. Трудятся над тонкой осинкой, оставляя на ней следы маленьких еще резцов, лакомясь питательной осенней корой.

Я спустилась на дно оврага.

Узкий ручей растекся в этом месте довольно широким озерком. Часть деревьев и кустарников, как в половодье, захвачена водой. Звездчатыми бликами плавают солнечно-желтые листья.

Воду в озерце подпирает плотина. На первый взгляд она кажется завалом случайно принесенных течением топорщащихся палок, земли, ила. Но, когда присмотришься, осознаешь, что это добротное сооружение, но построенное безо всякого представления об эстетике производства.

Это работа бобров.

...Как-то плыл светлой весенней ночью по этой реке бобр. От роду ему было два года. У бобров это время бурлящей юности, когда они, ощутив великую страсть к бродяжничанью и самостоятельности, покидают родительские норы, хатки и отправляются по высокой весенней воде на поиски собственного счастья. И чаще всего устремляются против течения.

Этот бобр родился в семье больших красивых зверей с весьма любопытной родословной.

В конце прошлого века бобры, поплатившись за красивую, дорого стоящую шкуру, были почти истреблены и считались безвозвратно погибшим, вымирающим ви-

дом. Но некоторые звери затаились все же на уединенных речках. Одно из этих немногих поселений было на речках Воронежской области.

В 1886 году принцесса Ольденбургская решила завести бобров в своем имении в местечке Рамонь. Из Белоруссии ей доставили пять зверей. Для них выбрали озеро. Обнесли металлической сеткой. Но в половодье, воспользовавшись поднявшейся водой, бобры ушли. Примкнув к диким сородичам, они и положили начало бобровой колонии Центрально-Черноземной полосы.

Бобр, о котором идет речь, вырос именно в этой колонии, только изрядное время спустя, когда в этих местах уже был создан заповедник и люди стали оберегать животных.

Родители выучили его всему, что знали сами. Расставание прошло без взаимных огорчений. Став взрослыми, дети непременно покидают родителей, чтобы завести свою семью, своих детей, выучить их всему, что знают сами, а потом, в свою очередь, расстаться с ними.

Это естественно и необходимо, как сама жизнь.

Теперь молодой бобр мог рассчитывать только на себя, на свои силы, на благоприятное стечение обстоятельств.

Обстоятельства складывались для него удачно. Вода не спадала. Он свободно и радостно плыл по ней. Растянулся во всю длину, прижав короткие передние лапы к шее, сильно отталкиваясь задними, перепончатыми, как у гуся, и вырুলывая плоским хвостом.

Иногда, почувяв опасность, он с силой шлепал по воде хвостом, привычно зажимал ноздри и уши, уходил под воду. Долго плыл под водой, потом осторожно выставлял на поверхность черный кончик носа, принюхивался: спокойно ли?

Бобру как зверю, жизнь которого в основном проходит в реке, дано удивительное чувство — ощущать

малейшие перемены в силе и скорости ее течения. Он с одинаковой быстротой может плыть вверх и вниз по течению и судит о нем по тому сопротивлению, которое оказывает вода.

Если вода вдруг спадет, зверь, оказавшись на суше, утрачивает ориентацию и потерянно мечется по берегу, нередко даже забредая в селения.

Но нашему бобру повезло. Вода стояла высокая. Он радостно ощущал ее быстрое течение.

Почти все лето прошло в путешествии, в бродяжничестве по новым местам, где на берегах росло много вкусной, сочной травы с широкими листьями.

На пути бобра ждала встреча. С бобрихой. Она была немного крупнее и старше его, но бобрам это как раз нравится. По каким-то неведомым, но важным признакам зверь почуял, что именно эта бобриха и есть та единственная, что ему необходима. До конца дней. Как это принято у бобров.

Теперь звери путешествовали вместе. И обоим понравилось тихое место на Ключе. На высоких берегах было много подходящей травы, деревьев.

Звери отметили границы облюбованного участка пахучей бобровой струей, чтобы у других бобров, если дорожат жизнью, не было охоты сюда заглядывать. И принялись рыть нору.

Прорыли вход, усердно работая зубами и похожими на руки маленькими передними лапами. Вход в нору должен быть в воде. Иначе как бобру незаметно войти в нее? А дальше входной тоннель стал подниматься вверх. Воды в нем уже не было. Он вел в укромное место на высоком берегу, расположенное под надежной защитой сросшихся корней деревьев. Тут звери устроили просторную нору, нагрызли щепочек и стружек, устлали ими пол. Для безопасности они прорыли несколько выходов в воду — целый подземный лабиринт.

А чтобы в норе воздух был всегда свежий, устроили вентиляцию.

Работа уже шла к концу, когда вода в ручье, как это бывает в середине лета, стала мелеть. Она струилась все быстрее. И входы в нору показались над водой. Тут-то, раздраженный ускорившимся течением, и проснулся в бобрах скрытый доселе инстинкт: строить.

По быстроте течения бобры определили самое мелкое и узкое место Ключа. Благодаря плоским животам им легко было прижиматься ко дну, чтобы не снесло. Звери нагребли на дне земляной валик. Потом стали укладывать на нем ветки, палки. Малейшее изменение течения служило им ориентиром.

Они воздвигали плотину не вертикально, а под углом в сорок — сорок пять градусов — так ей легче выдержать напор воды — и не строго поперек, а подковой, опять же для того, чтоб снизился напор на стены. Наружную сторону плотины бобры построили более отвесно и сложили из самых крупных палок. Если вода и перельется тут через край, она соскользнет, не повредив основную, рабочую часть сооружения.

Все рассчитано, все учтено. В скольких поколениях должен был выкристаллизоваться строительный инстинкт, чтобы в нем отпало все лишнее, неточное, чтобы в потомках он срабатывал как точнейший, безошибочно включающийся и действующий механизм.

Ручей все гнал и гнал воду. Она напирала на плотину всей тяжестью. Но та стояла прочно. Однажды, правда, удалось воде пробуравить в плотине дорожку. Зажурчала вода, прорываясь сквозь промоину. Услышав беспокоящий их звук, звери бросились заделывать брешь. Один из бобров взгромоздился на плотину, таща в лапах ил. Он принялся залеплять отверстие, толкая комок ила передними лапами перед собой.

Теперь воде не удавалось уже пробраться сквозь сооруженную бобрами преграду. У нее оставался единственный выход — обогнуть ее. И вода разлилась вширь, обтекая плотину с обеих сторон. Как в половодье, залила деревья, кустарники. Зажурчала, заструилась меж погрузившихся в воду стволов, узлов корней...

Почувяв течение, опять заработали бобры. Стали вести теперь плотину с боков, от корневища к корневищу, к которым легче было пристраивать свое сооружение.

Плотина вилась теперь от берега к берегу зигзагом, включая в себя естественные преграды воде — стволы да тугие клубки корней. Стоит она прочно. Надежно держит мутную воду в разлившемся озере. Глубоко погрузились теперь хитро прорытые входы в норы. Не подобраться к ним с берега.

Расхаживая по берегу этого искусственного озера, я думала, что, наверно, хожу где-то по потолку бобровой норы. И звери, лежа в своих уютных убежищах, на пружинящих постелях из щепочек и стружек, слышат через вентиляционные отверстия мои шаги и настороженно напрыгают сильные мускулы, готовясь в любой момент ринуться от опасности по своим спасительным тунелям. Ищи их тогда в мутной воде!

А может, звери, давно привыкнув к тому, что шаги не сулят им опасности, продолжают спокойно спать, по привычке двигая челюстями, стачивая друг о друга резцы. Ведь по их, бобровому времени сейчас стоит полночь.

Скорее всего так. Иначе бобры не жили бы так близко у дороги, по которой не только ходят люди, но ездят мотоциклы и автомобили. Даже у таких осторожных зверей, если они чувствуют безопасность, вырабатывается привычка к шуму.

— Здравствуйте! — раздался сиплый, словно износившийся голос.

Рядом со мной стояла неизвестно откуда возникшая старушка с клюкой и корзинкой.

— Грибы ищите? — полюбопытствовала она. — Вот и я тоже по опята пошла.

— Да нет! Просто смотрю...

— Лес описываете? — старушка живо заинтересовалась. — Вот и я говорю: ишь его тут навалили!

Прошуршав по листьям, она легко соскользнула к Ключу и привычно вступила на бобровую плотину. На середине ее она обернулась ко мне.

— Вы посмотрите, как они там лес-то осветлили, — показала она узловатой клюкой вверх по течению.

Выше по Ключу оказалось еще одно подпертое плотиной озеро. Довольно большое. Сплошь задернутое зеленой шторкой растений. Но даже в такой сумрачный день оно не кажется темным. Лес тут словно сделал несколько шагов назад, отошел на новые позиции.

Да, добросовестно поработали бобры. Постарались.

Поскользнувшись, я угодила ногой в неглубокую яму возле дряхлеющего пня. Очевидно, тут-то и отлавливали бобров. Отлавливали потому, что иссякли для них здесь запасы корма. Надо дать лесу возможность вырасти заново.

Когда звери живут под охраной человека, число их быстро растет, при этом часто начинает не хватать кормов.

В заповеднике в таких случаях их отлавливают, переселяют в новые места, богатые кормом.

И мне вспомнилась моя поездка в экспедицию по отлову бобров на Смоленщине.

Было это лет пятнадцать назад.
На Остере.

Быстра и прозрачна в нем вода. Зеленой каймой тянутся вдоль берегов ивы. Местами полоса их редееет, отступает от воды, а то и вовсе прерывается, а потом снова возникает и продолжает сопровождать речку на извилистом ее пути.

В заливчиках распластались листья кувшинок. Между ними упругими поплавками желтеют цветы.

На поворотах, а Остер на них не поскупился, из воды высунулись песчаные языки. Песчинку за песчинкой выносит сюда река из своих запасов. Россыпи песка на отмелях кажутся необитаемыми. Только наметанный глаз различит с лодки на них следы.

Именно такой глаз у Герасима Андреевича. Он замечает на песке пять отпечатков пальцев. Как от маленькой ладошки. За ними следы побольше, с поперечными черточками. Это от перепонок между пальцами. И еще на песке полосы. Словно что-то волокли.

— Бобр повинен, — заключает Герасим Андреевич.

Он уже немолод. Левый рукав пустой. Но в веселых, даже, пожалуй, озорных глазах никакой ущербности. Да и движения его так ловки, что скоро забываешь о том, что у него одна рука.

Герасим Андреевич сидит на корме. А на веслах его помощник, помоложе.

И еще в лодке — собака, черная, с коричневыми подпалинами. Русская гончая чистых кровей.

Собака вдруг засопела и стала рваться к воде.

— Нора? — спрашиваю.

— Нора-то нора, — разъясняет ловец, — да хозяина дома нет. Ушел! Видите, муть в воде поднялась? Верный признак.

— А собака-то чует?

— На Тарзана нельзя обижаться. Хорошо работает. На метр под водой бобра чует. Только запах-то у зверя стойкий. Бобр минут пятнадцать как ушел, а запах остался...

Лодка наша медленно скользит вдоль берега.

И вот сквозь прозрачную воду, в которую я неотступно гляжу, зачернел вход в нору. Но почему так равнодушен Тарзан?

— Старая нора, брошенная, — говорит ловец. — Видите? Не светится дорожка. Илом зятянута. Он бы не допустил такого запустения...

Я киваю. Бобр — зверь чистоплотный. Каждый день нору чистит, песок из нее вытаскивает. Вот и образуется у норы песчаная дорожка. Она хорошо утоптана — сколько раз пройдет по ней зверь, прижимаясь плоским животом.

Но вот ловцы придерживают лодку. Герасим Андреевич делает мне знак: не шевелиться.

Из-под берега в воду сбегает золотистая дорожка. На ней обрывки свежей лозы. Жилая нора! И хозяин дома.

Помощник высаживается с Тарзаном на берег, и собака, натянув поводок, устремляется сквозь кусты.

Герасим Андреевич вынимает со дна лодки ловушки — длинные проволочные цилиндры. К каждому привязана палка.

Взявшись за палку, он погрузил ловушку в воду, приставил к входу в нору. Потом точно так же закрыл второй вход, третий... Удивительно ловко обращается Герасим Андреевич с ловушками, с веслом, с лодкой. Он одной рукой научился управляться ловчее, чем некоторые двумя.

— Готово! Нора заставлена, — кивает он помощнику, который ждет сигнала, чтобы спустить собаку.

Тарзан наготове. Он давно учуял бобров, но замер: научен подавлять нетерпение.

— ...Дисциплинированный пес, — говорит Герасим Андреевич. — Скажешь ему: «Стой!» — не будет двигаться. Хоть час.

Получив долгожданную команду, собака ринулась рыть землю. Из-под лап взвихрились комья. До норы далеко. Но она и не стремится к ней добраться. Тарзан только пугает зверя. Пороет, пороет, остановится и начинает лаять, а потом вытянет шею и смотрит: не попал ли уже его противник в ловушку, не поднимают ли его в лодку. Нет! И Тарзан снова неистово лает и продолжает рыть землю.

Что такое бобр и чего стоят его зубы, Тарзан отлично знает. Встречались. Поэтому приближаться к зверю собака большой охоты не имеет. А вот издали попугать — это с великим удовольствием.

Бобрам куда податься от настырного собачьего лая? Только по запасному ходу в реку. Первую ловушку зверь обошел, подлез под нее и ловко оттолкнул. Считая, что впереди свободная нора, ринулся вперед и... попал во вторую ловушку.

Перехитрил человек зверя!

Герасим Андреевич азартно выхватывает из реки ловушку с ошеломленным бобром — и в лодку. Он оценивающе оглядывает добычу.

— Добрый зверь!

Потом торопливо ставит к норе новые ловушки, ставит по своему собственному методу, выработанному годами охоты и наблюдений за животными. В общем, это честный поединок человека и зверя, когда каждый проявляет изобретательность и находчивость.

Поставив ловушки, он снова замирает в ожидании.

Обычно бобры выскакивают из норы не одновременно

но, а по очереди. Это ловцы заметили уже давно. Поймать же бобров очень важно парой, не разлучая.

И вскоре в отяжелевшей ловушке уже отчаянно бьется бобреха.

Герасим Андреевич бережно покрывает ловушку мокрыми тряпками — так бобрам спокойнее, не будут биться.

Теперь такой лов отходит в прошлое. Он имеет немало недостатков. Собака вносит переполох в жизнь бобровой колонии, некоторые звери в испуге бросают норы. Сейчас для отлова отдельных бобров используют более совершенные ловушки. Они не производят шума, действуют безотказно, зверю трудно их избежать.

Пойманных бобров ловцы доставили на базу зооцентра. Точнее, это был сарай, просторный и темный. В нем стояли клетки. В каждой два бобра. Семья.

Звери с неволей смирились неохотно. Одни упорно грызли прутья в надежде вырваться. Другие, забившись в угол, жалобно стонали. У некоторых из глаз выкатывались большие прозрачные слезы.

Смотреть на страдание живого существа всегда тяжело. Но я знала, что для бобров это печальное состояние временно и очень скоро им вновь вернут свободу.

Звери про свое будущее ничего не знали и тосковали. Но на выручку им приходил великий лекарь — время.

Уже дня через три бобры начинали привыкать к новому положению. Принимались за осиновые сучья и воду, которую служительницы меняли трижды за ночь.

Как-то под вечер на базу явился Герасим Андреевич. — С полсотней вас! — поздравил его служительницы, глядя на него с веселым ожиданием. Они знали:

Герасим Андреевич непременно расскажет что-то интересное и смешное.

— Ну, доглядчицы, как моих зверей бережете? — Он обошел клетки, осмотрел животных.

В этом месяце Герасим Андреевич поймал пятьдесят бобров — больше всех.

— Первый год, когда мы бобров ловили, приехал я вот так же на базу, а звери вроде голодовку объявили, — начал он свой рассказ служительницам, которые почтительной свитой следовали за ним. — Весь корм звери из клеток повыкидывали. Не едят — и все тут! Оказалось, не ту лозу им давали. Выехал я в лес. Привез бобрам вербы да осины. Стали ее давать зверям. Пока дошли до последней клетки, в первой уже все съели. Еще подавай. Вот тебе и голодовка!

— Так это же когда было, Герасим Андреевич, — вставила одна из женщин и тут же смолкла, боясь перебить новый рассказ.

Герасим Андреевич, выйдя из сарая, лихо сдвинул кепку с переломленным козырьком и приступил к очередной истории. Слушательницы заранее расплылись в улыбках.

— Затребовали меня как-то на железнодорожную станцию, — вспоминал Герасим Андреевич. — Шпалы у них на одном участке оседали. Только поправят, а они по соседству снова опустятся. Того и гляди крушение случится. Подрывает кто-то насыпь изнутри. А следов никаких не видно. Насыпь нигде не разрыта, не повреждена. И что ни придумывали, никак из этого горя выйти не могли. А тут приехал к ним один человек и говорит: «Охотника вам сюда надо хорошего, а не инженера». Ну меня и вызвали.

Приехал я с другом. И с собачкой. Такая была смирная. Хотя на катушку вяжи, никуда не уйдет.

Пошли мы, значит, обстановку смотреть. А у них

вдоль насыпи траншея. С водой. Глядим: не иначе там зверь есть. Только больше одного не будет. Зашел, видно, в траншею в половодье. Да так и остался. Плавает по траншее. Из нее под самую насыпь роет. Собачка-то под насыпь брала. Там он лежку устраивал. Но только устроит, глядишь — поезд прошел, земля задрожит и, конечно, осыпаться начнет. Ну, зверь нору бросает и давай рядом новую рыть. Работящий. Вот и изрыл всю насыпь. Шпалы-то и осели.

За два дня мы его выщупали. Отвезли в хорошее место. На бегучую речку. Зверь он добрый. Беду причинил не по злomu умыслу.

Рано утром бобров стали собирать в дальнюю дорогу. На станции уже стоял вагон, готовый держать путь на Сибирь. Заведующий базой в последний раз обошел клетки. Притрагиваясь рукой к хвостам, определял: здоровы ли животные, не поднялась ли у них температура.

В углу двора возвышалась поленница осиновых веток — запас корма на дорогу. В неволе бобров часто подкармливают концентратами. Но эти звери скоро вновь обретут свободу, и поэтому их не приучают к искусственным кормам. Кто-то пошутил: «А то пойдут в Сибири по деревьям хлеба просить».

Осталось только переметить зверей — и в дорогу.

Вынули из клетки первого бобра, положили на стол. Он злобно шипит, скрежещет зубами, пытается вырваться.

Заведующий базой быстро делает в левом ухе животного прокол, вдевает пластинку с номером, смазывает йодом.

— Без крови, без крови, — приговаривает он в утешение.

Затем клетки с животными грузят в машину. Она трогается.

Мы стоим и смотрим вслед.

Бобрам предстоит долгий путь. И трудный. Не все его смогут перенести. Многое зависит, конечно, от ухода за ними в дороге.

Тех, кто благополучно доедет до далекой сибирской станции, повезут к заросшей ивняком таежной речке, где, как показала научная разведка, есть все условия для жизни бобров.

Клетки с бобрами погрузят в лодку. Солнечным утром поплывет она по реке. В удобных местах, не ближе одного-полутора километров друг от друга уже приготовлены искусственные норы. Здесь, в новом месте, предстоит зверям обосновываться и продолжать свой род.

Тогда, стоя на базе и глядя вслед удаляющейся машине с бобрами, мы все это только предполагали. Сейчас это стало уже действительностью. Тысячи бобров прижились в местах, где некогда обитали их предки, и там, где бобры никогда не жили.

Целыми днями бродила я по заповеднику. В гостиницу приходила только ночевать и тетю Настю встречала лишь утром да вечером.

Как-то раз, вернувшись пораньше, я вышла на кухню поставить чайник.

Приземистая плита уже прогорела и источала ровное тепло. Свежевымытые полы дышали свежестью. Где-то в углу скреблась мышь. Когда знаешь, что она не ест твоих продуктов, это тихое поскребывание тоже вызывает ощущение уюта.

Тетя Настя сидела, упершись локтями в стол, покрытый старенькой клеенкой, и изучающе смотрела на меня.

— Директор тут звонил, спрашивал: не умираете ли вы с голоду?..

— Ну, по мне этого вроде не скажешь...

Юмор тетя Настя отрицает начисто.

— Вот и я говорю: не набиваться же мне с готовкой...

Надо сказать, у приезжего человека с пропитанием в заповеднике были некоторые осложнения: столовая на ремонте.

Вот я и говорю, — продолжала тетя Настя. — Я вот такая рьяная, суровая и ведь все у меня были кормленные. Сколько через меня студентов одних прошло! И все одно: «Тетя Настя, свари нам, а то когда мы из лесу-то придем». А я им: «Становите на плиту свои кастрюльки!» Наставят, места свободного нет! Я плиту истоплю, всем сготовлю, а как придут, говорю: «Разбирайтесь сами, где чья кастрюля!» Поедят, а я им: «Погуляйте до одиннадцати, воздухом подышите, а потом домой. Чтобы ученье не страдало, чтобы практика ваша на пользу пошла».

Бывали тут у меня иностранцы. И чехи и немцы... кого не было. Тут уж я государственные интересы соблюдала. Они гости. Им все внимание. А со своими-то что особенно цацкаться...

Быть может, оттого, что тетя Настя до конца, со вкусом высказалась, или оттого, что я слушала ее с искренним интересом, но с этого дня отношения наши изменились. Теперь я не торопилась в свою комнату и частенько допоздна засиживалась на кухне попить чайку, послушать тетю Настю.

Вся жизнь тети Насти здесь, в гостинице. Этим, видимо, и объясняется суровость, с какой она встречает

нового постояльца, — невольно видит в нем нарушителя порядка, созданного ее руками. Но радушие в конце концов побеждает бережливость. Через день-другой после суровой встречи она уже теплеет:

— Может, у вас продукты пропадают, так у нас холодильник есть. И молочка тут можно достать у старушки у одной... А если холодно, я еще одно одеяло дам...

Так и идет ее жизнь...

Я иду вдоль берега тихой, заросшей Усманки. В синюю ее воду опрокинулись отражением раззолоченные ветлы. И поверх отраженных листьев распластались настоящие, которые слетели с пригнувшихся к воде ветвей.

Под деревьями, у самого берега зелеными углами торчат крыши маленьких дощатых домиков, вкопанных в землю почти по самые нарядные кровли. Каждому домику придана длинная бетонированная площадка, изолированная от соседней высокой надежной стеной. Площадка спускается прямо к речке, где и заканчивается купальней, отгороженной толстыми порыжевшими прутьями.

На площадках стоят черные кормушки, похожие на большие ванны для проявления фотографий. В них в послеобеденном беспорядке разбросаны ломти моркови, свеклы, рассыпаны овсяные зерна. Рядом валяются палки с добела содранной корой.

Но жильцов этих домиков нигде не видно. Городок словно вымер.

И вдруг в одной купальне при моем приближении кто-то с размаху плюхнулся в воду. По купальне

разбежались круги, выходя за прутья, на свободную воду.

И вот в углу купальни из воды высунулся черный нос. Втянул воздух и исчез. Тотчас на этом месте показался скругленный кончик плоского хвоста.

Перекувырнулся зверь.

И наконец всплыл, показав небольшую голову, широкую черную спину и плоский голый хвост.

Бобр! Житель этого городка. Точнее, питомника.

Зверь выплыл поближе к берегу, поймал зубами ветку. Сел. Взял ветку ловкими пальцами маленьких передних лап. Поднес к огромным оранжевым резцам, выступающим изо рта навстречу друг другу, и аппетитно захрустел корой.

Я долго еще стояла у ограды: наблюдать за зверями не может прискучить.

Заведующего питомником Леонида Сергеевича я застала в его небольшом кабинете с низким потолком и громоздкой деревенской печкой. В шкафах перенумерованные черепа и скелеты бобров, которые, несмотря на всю свою достоверность, почему-то кажутся муляжами. На столе целая коллекция деревообделочных работ бобров со следами их мощных зубов. На стенах нанизанные на гвоздики таблицы с цифрами численности, прироста, стоимости...

Леонид Сергеевич высокий, худой. Начавшие сесть волосы тщательно зачесаны назад. На щеке два шрама, видимо, давнишних. Они придают красивому лицу Леонида Сергеевича некоторую загадочность. Мне очень хочется спросить: откуда они? Но хотя корреспондентская профессия и дает на это право, а язык как-то не поворачивается.

Леонид Сергеевич тщательно записывает мою фами-

лию в тетрадь — для порядка, а потом, сплетя перед собой длинные пальцы рук, начинает рассказывать. Очень вежливо, но несколько монотонно, как повторяют уже много раз сказанное. Гостей на ферме бывает порядком.

— На Ключе были? — спрашивает он. — Хорошо. Там теперь два взрослых бобра живут и с ними два маленьких. Но эти еще не работники. А сколько лесу навалено! Каково трудолюбие!.. А на верхнем озере пришлось отловить бобров. Когда звери чувствуют себя в безопасности, они хорошо размножаются. Но тогда создается перенаселение. Возникает неизбежное противоречие между все растущим количеством животных и все уменьшающейся кормовой базой.

Существует точка зрения, что заповедник — только объект охраны и человек ни в коей мере не должен здесь вмешиваться в жизнь природы. А как тут не вмешаться? Что ж, так и смотреть, как звери будут гибнуть от голода? Я лично придерживаюсь другого мнения: надо и здесь помогать природе направлять процессы, которые в ней происходят.

Задачу, ради которой и был создан наш заповедник, — сохранить и восстановить бобров, можно считать выполненной. Сейчас уже более двух с половиной тысяч наших бобров «прописались» в пятидесяти двух областях нашей страны и в шести иностранных государствах. Внушительные цифры!

Ну а в средней полосе? Вот мы выпустили бобров на реке Битюг, а они стали поедать огородные культуры, рыть в дамбах норы. Колхозники явились с претензиями. Пришлось срочно отлавливать зверей, искать для них новое место, подальше от селений.

Я считаю: рано или поздно встанет проблема широко разводить бобров в искусственных условиях, на фермах. При этом экономится территория, и, как при всяком

одомашнивании диких животных, порода их постепенно улучшается. Уже теперь бобры в результате отбора стали крупнее, плодовитее, чем в природе. У них улучшается мех. И даже нрав...

— Нрав?

— Да, мы специально изучали характеры зверей и заметили, что злой нрав передается по наследству. Свиных зверей мы стали выбраковывать в природу. В питомнике нужны животные поспокойнее, чтобы человеку было с ними легче работать...

И еще. В искусственных условиях можно вывести зверей таких расцветок, каких нет в природе: белых и даже голубых, как это удалось с норкой...

К слову я упомянула, что в свое время слушала курс лекций известного генетика.

— Вот оно что! — тотчас отозвался Леонид Сергеевич.

Имя известного ученого прозвучало паролем. Леонид Сергеевич оживился и снял со стены несколько таблиц.

— Видите ли, бобры дают пример классического расщепления... Но, пожалуй, я расскажу вам все с самого начала...

Леонид Сергеевич был еще студентом-практикантом, когда 2 мая 1934 года в бобровом питомнике впервые раздался писк новорожденных бобряток. (Кстати сказать, это случилось впервые не только на ферме, но и вообще на нашей планете. Канадцу Марку Виверу удалось вывести бобров в неволе лишь в 1943 году.)

Сразу был положен конец многим спорам, которые вели ученые во всем мире. Стало очевидным: бобров можно разводить в неволе. Выяснилось: бобрята рождаются в шерсти, зрячими, даже с резцами, точь-в-точь взрослые бобры, только во много раз меньше.

Лавров был поражен: как мало знала в то время на-

ука о таком, казалось бы, широкоизвестном звере, как бобр. И его увлекла идея не только изучать, но и разводить бобров в неволе.

А когда Леонид Сергеевич Лавров заканчивал институт, в бобровом питомнике освободилось место зоотехника. Он счел, что ему очень повезло. В заповеднике в его распоряжении будет огромная естественная лаборатория, огромные возможности для наблюдений и исследований. Но каждое дело ревниво. Оно требует великой преданности. Только тогда удастся человеку проникнуть в его глубины, сделать открытие, пусть скромное, но позволяющее продвинуться вперед по пути познания.

Прошло некоторое время, и в научной литературе стали ссылаться на наблюдения и работы Лаврова.

Молодой человек оказался удачлив, как находили одни, трудолюбив, как утверждали другие.

Более опытные сотрудники фермы помогли ему разглядеть будущее разведения бобров в неволе. Бобр упрочился в нашем сознании как зверь дикий, далекий человеку. Трудно представить, что человек будет содержать его возле дома, как козу или поросенка, неторопливо беседуя с ним, задавая корм и даже поглаживая по красивой шерсти, а тот в ответ если не завиляет хвостом, то хотя бы с присвистом всхрапнет, как это умеет делать бобриха, лаская детенышей.

Во всяком случае, Леонид Сергеевич твердо уверовал в это с первых лет работы в питомнике.

Как во всяком животноводстве, в разведении бобров сначала главным было изучение биологии зверей, а затем селекция — выведение бобров крупнее, красивее, чем в природе.

Селекция — дело долгое. Пройдут годы, вырастет

не одно поколение животных, прежде чем в них проявятся новые черты и особенности.

Наиболее ощутимый признак селекции — окраска.

Наблюдая за бобрятами в питомнике и в природе, Леонид Сергеевич отметил, что цвет их меха не случаен, а определенным образом связан с окраской родителей. У черных зверей и детеныши как угольки. У светло-бурых — светлые. А если один зверь черный, а второй светло-бурый? Какими будут бобрята?

В животноводстве селекционеры подбирают родительские пары по своему усмотрению и так выводят новые породы.

Попробовали так же поступать и с бобрами. Но ничего не вышло.

В питомнике и раньше замечали: лучше всего приживаются бобры, пойманные парами. Им легче смириться с неволей. А вот подобрать одинокому зверю пару не просто. Сразу лучше и не сажать вместе. Перекусаются.

Леониду Сергеевичу пришла мысль сделать клетку, в которой звери жили бы некоторое время бок о бок, привыкая друг к другу, но в то же время были бы разделены.

Такую клетку сделали. Длинную, просторную, с решетчатой перегородкой посередине.

Животных, которых хотели объединить в семью, сажали в клетку друг против друга. Начало совместной жизни было почти у всех одинаковое. Звери шипели и скрежетали зубами. А потом... Потом бывало по-разному. Одни животные сидели по разным углам, ревниво следя за каждым движением соседа, готовые в любую минуту пустить в ход зубы. Другие начинали стремиться друг к другу и все время проводили рядом, у разъединявшей их решетки.

Бобры соединяются в пары по каким-то неведомым

индивидуальным особенностям. И накрепко. Как правило, на всю жизнь.

Селекционерам эта их особенность не очень нравится. Мешает выведению новых пород.

К одной крупной красивой бобрехе, едва ли не лучшей на ферме, попробовали подсадить лучшего, на взгляд людей, бобра. Но она с таким остервенением набросилась на него, что чуть не проломилла решетку. Два других претендента были отвергнуты с не меньшим ожесточением.

«Не иначе как в старых девах наметила задержаться», — шутили лаборанты.

Оставался только один бобр, маленький и неказистый. Его посадили, не надеясь на успех. Но его-то и приняла бобреха.

Так что объединять зверей в селекционных целях Леониду Сергеевичу было сложно. И все же ему удалось скрестить черного бобра со светло-бурым.

Детеныши родились темно-бурыми.

А вот их дети оказались уже разной окраски: один черный (в деда), другой светло-бурый (в бабу), а два темно-бурых (в родителей). Иначе говоря: 25 процентов светло-бурых, 50 процентов темно-бурых и 25 процентов черных...

И это была не случайность, а закономерность.

Самые красивые, по общему мнению, черные звери. К тому же они и плодовитее, и агрессивнее, и крупнее (в среднем на 500—600 граммов тяжелее).

Их можно выводить от черных родителей. Но не только. Скрещивая черных бобров со светло-бурыми, в потомстве тоже можно получить черных зверей.

«Может быть, тут, на Усманке, и есть такая закономерность, — говорили Леониду Сергеевичу. — Но как знать, насколько она типична для других мест?»

Леонид Сергеевич готов был доказать свою правоту.

Как раз в это время в заповеднике начали отлавливать бобров для расселения на Хопре и Печоре, где вот уже лет триста не бывало этих зверей.

Леонид Сергеевич подготовил к отправке исключительно черных зверей. Но результаты этого опыта довелось проверить не скоро. Началась война, Леонид Сергеевич ушел на фронт. Воевал, был ранен. Домой вернулся лишь после войны.

В питомнике его встретило немало трудностей: надо было восстанавливать хозяйство (ведь в этих местах проходила линия фронта). Но его ждала и радость: на Хопре и Печоре расселились исключительно черные бобры. Большие и красивые. Наглядное доказательство его правоты.

Под размашистой ивой на длинном дощатом столе сидит бобр. Густая черная шерсть его богато блестит на солнце, прорывающемся сквозь осеннюю оскудевшую листву.

«Бриллиант мехов! Мягкое золото! Пушистое золото!» — вспоминается реклама какой-то канадской фирмы.

Осторожно касаюсь зверя пальцем. Потом глажу всей ладонью. Приятно. И не страшно. Зверя придерживает широкими руками Степан Сергеевич.

— Она смиренная, не характерная, — похваливает он зверя.

Степан Сергеевич Буцких именуется звероводом. Он знает всех животных питомника «в лицо» и все о каждом из них.

— Всю жизнь я тут с ними отжил, — говорит он. — Теперь уж почитай, что отжил... Великие сотни их через мои руки прошли...

Степан Сергеевич выполняет множество самых разнообразных дел: то чинит насос, то лодку, то пилит визжащим механическим диском сучья и ветки, которые едят бобры и которые тут все называют «дровами». Но особенно ловко он умеет взять на руки и перенести бобра так, чтобы и животному не причинить вреда, но и себя не подвергнуть опасности быть укушенным.

Впрочем, на руке у него глубокий шрам.

— Вот я раз промахнулся, он мне в руку и вцепился. Да и у Леонида Сергеевича на лице память от бобра...

— А второй шрам откуда? — пользуюсь я случаем.

— А другой с фронта...

Степан Сергеевич ловко подхватывает зверя под мышку и, держа за передние лапы, чтобы не мог он повернуть короткую свою шею и укусить, несет в вольеру. Шагает медленно и тяжело. Бобр весит где-то под тридцать килограммов.

Возвращается он с другим зверем.

— Все таскаем да таскаем, — говорит он. — Надо бы, кнопочку нажал — и бобр на столе.

Зверь оказался беспокойным. Рвется из рук, скрежест по столу резцами. А когда его посадили в ящик для взвешивания, который стоит на весах, зверь долго прыгал и едва не перевернул ящик.

— Зверь, а каждый свой нрав имеет, — сочувственно покачал головой Степан Сергеевич.

Леонид Сергеевич стоит у стола и молча делает какие-то отметки в тетради. Он обращает мое внимание на особенно любопытные гибриды.

Степан Сергеевич принес одного за другим нескольких бобров. Все это одна семья. Мать местная, воронежская, а отец норвежской породы. И интересно, два бобренка пошли в норвежца: небольшие, с узкими хвостами, а один в мать: крупный, с широким хвостом.

— Расщепление по конституции, — говорит Леонид Сергеевич. — Интересно, как оно пойдет во втором поколении?

Мне повезло, что я попала на осмотр зверей, который бывает дважды в году. Все сто бобров проходят сегодня осмотр. Тут собраны звери многих разновидностей: сибирские, енисейские, норвежские, канадские. И у всех свои особенности.

— Чем больше разновидностей, тем легче выбрать зверей с нужными признаками для селекции, — говорит Леонид Сергеевич.

Идет взвешивание, обмер, вычесывание...

У одного зверя оказался надломленный зуб.

— Грыз вольеру, — пояснил Леонид Сергеевич, — а она ему не по зубам.

Общими усилиями зверя опрокинули на спину. Разжали зубы, несмотря на его яростное сопротивление, подложили под зубы палку, и Леонид Сергеевич стал пилить надломившийся зуб. Шелк! И на стол отлетел кусочек оранжевой кости, пронизанной стержнем потемнее. Что ж, бобру облегчение. А мне сувенир.

Как известно, бобры славятся трудолюбием. Многократно описаны их «хатки», плотины, лесозаготовки, каналы, по которым сплавляются в течи к реке, чтобы затем утащить их под воду, в склад на зиму...

Как же в питомнике проявляется это трудолюбие?

Но тут прежде всего надо напомнить, что в мудро устроенной природе и строительный и лесозаготовительный инстинкты проявляются у бобров лишь в случае необходимости. «Хатки» звери строят только на низких берегах, в которых нельзя вырыть норы. Плотины они принимаются строить, только если почуют, что река мелеет, а значит, входы в норы и «хатки» могут осушиться

и станут легкодоступными для врагов. Деревья бобры валят только осенью, когда трава становится безвкусной, но зато в коре накапливается много питательных соков...

В питомнике у бобров нет необходимости что бы то ни было строить. И эти инстинкты замирают. Кое-кто из бобров, правда, перетаскивает палки с места на место, громоздит в углу кормушки. Но, в общем, трудовые инстинкты тут не проявляются. Впрочем, разве так уж трудно привыкнуть к сытой, беззаботной жизни?..

Сначала осмотр бобров шел у береговых вольер. Потом наша процессия с весами, журналами двинулась к небольшому дому. Там, под единой крышей, устроено два ряда вольер с бассейнами, в которые заливают воду из водопровода. Дом этот, как выяснилось, построили, когда в береговых вольерах обнаружили некоторые недостатки: они неудобны зимой, так как рабочим каждый день приходится раскалывать лед, чтобы звери могли купаться, а в половодье, когда вода поднимается, бобры могут уйти в речку или забрести в соседние вольеры, что неизменно заканчивается кровопролитием.

Но и новый домик оказался не без недостатков. Сюда почти не попадает солнечный свет. А как выяснилось, он необходим бобрам, хотя они и ночные животные. Пришлось возместить его кварцевыми лампами.

Зато в третьей конструкции был учтен и этот дефект. Здесь ящики с бобровыми гнездами находятся в небольшом домике, из него подземные ходы ведут в закрытые бассейны, из которых есть выходы и в открытые вольеры.

— Это наиболее удачный тип вольер, — сказал Леонид Сергеевич. — Здесь у нас несколько лет подряд жили только что пойманные бобры и в первом же сезоне начинали давать потомство.

— Кто же конструирует вольеры?

— Да все мы же. Сами...

Оказывается, в питомнике научный сотрудник должен быть еще и конструктором, обладать практической смекалкой и навыками.

В этой вольере живет любимый бобр Леонида Сергеевича. Небольшой. Светлый. С коротким широким хвостом. С белым пятном на груди.

Леонид Сергеевич привез его из дальней и трудной экспедиции. Это тувинский бобр. Изучение бобра дало возможность выделить его в особую разновидность. Этим Лавров внес свою лепту в уточнение систематики бобров. Но питомец дорог ему не только этим. Белое пятно на груди...

— Был бы у нас еще зверь с белым пятном, можно, скрещивая их, в потомстве увеличить это пятно. И со временем вывести белого зверя!

Из этой комнаты всегда тревожно пахнет лекарствами.

Когда я пришла сюда, ветеринарный доктор Виталий Александрович Ромашов мыл руки у громоздкого пузатого рукмоЙника. Потом он подошел к металлическому столу, на котором все тот же незаменимый Степан Сергеевич придерживал бобра, приговаривая:

— Будет брыкаться-то... Будет...

На лапе зверя краснеет рана.

Виталий Александрович взял протянутую санитаркой деревянную палочку с белой ватной головкой, обмакнул ее в эфир и стал прочищать рану.

Зверь дернулся, хлопнул хвостом, зашипел.

— Потерпи, — уговаривает его доктор. — Знаю, что больно. А что поделаешь? В другой раз не лезь в чужую семью. А то еще не так всыпят.

— Это он по нечаянности, — вступает за него Степан Сергеевич. — А вот тут у него на лапке еще рана была, — напоминает он.

Виталий Александрович говорит зверю:

— Дурачок ты, дурачок. Какой бобрище был! На радости!

Несмотря на то что бобры крайне молчаливы, все сотрудники фермы очень охотно с ними разговаривают. Может, оттого, что тут нет риска получить возражения?

В голосе доктора столько доброжелательности и спокойной уверенности, что это передается зверю. Он постепенно успокаивается.

Светловолосый веселый доктор кажется совсем молодым, если бы не врезавшиеся под светлыми глазами глубокие лапки морщин...

Смотреть, как льется кровь, гной, как дергается и шипит зверь, приятно мало. Но отраднее видеть точные и отчетливые экономные движения доктора.

Ветеринарная лаборатория, которой он руководит, организована была много позднее, чем сам питомник.

— Нас, врачей, ведь когда зовут? — сказал мне Виталий Александрович. — Когда произойдет ЧП — чрезвычайное происшествие...

Он приехал в питомник сразу после окончания института. Время тут было трудное. Бобрята в этот год родилось много, но выживали они плохо. Что ни день, погибало несколько зверьков.

Молодой ветеринар применил все известные ему способы, устроил для бобрят госпиталь — ничего не помогало. Зверьки отказывались от пищи, слабели и гибли в мучительных конвульсиях. А от чего, дознаться доктор не мог.

Как вспоминает сам Виталий Александрович, он решил: «Вот выясню причины — и уйду. А сразу уйти неудобно».

Выяснить удалось. С помощью ленинградских ученых, до которых в конце концов добрался Виталий Александрович. Они обнаружили у больных животных бактерии тифимуриула — возбудителя мышинного тифа, и помогли приготовить вакцину.

А вот с уходом из питомника у Виталия Александровича так ничего и не получилось.

Сначала он увлекся вакцинацией животных, потом изготовлением вакцины у себя в лаборатории, а потом... как он говорит: «Плохое забылось».

Но, хотя болезнь была определена и побеждена, беспокойство не отпускало молодого ветеринара. Почему животные оказались так подвержены инфекции? Очевидно, в силу ослабленности. Но откуда она появилась? Ведь животных кормили и содержали правильно... Тут требовались новые исследования. И в ходе их стало выясняться, сколько разных паразитов терзает, ослабляет животных, угнездившись в их желудках и кишечниках...

Виталий Александрович мечтает о центральной ветеринарной лаборатории, которая бы систематически обслуживала заповедники, зверосовхозы в разных зонах страны, используя, распространяя уже найденные способы профилактики и лечения болезней разных животных.

Часто встречаясь в эти дни с Виталием Александровичем, я удивлялась его организованности, способности дорожить временем и благодаря этому очень многое успевать — от работы над докторской диссертацией до любительского фотографирования. И еще его умение искренне радоваться каждому новому дню и часу жизни. Я подумала: нет ли тут, как говорят, чего-нибудь биографического?

Оказывается, есть.

Ему выпала сложная, трудная юность. Фронт. Тяжелый плен... Фашистские концлагеря...

Верно, тот, кто не раз прощался с жизнью, обретая ее, начинает оценивать иначе. Во всяком случае, умеет дорожить каждым ее часом.

Как-то раз в питомник приехал кинооператор. Тетя Настя была оповещена об этом еще накануне. Она придала этому приезду большое значение и шумно к нему готовилась, делая какие-то сложные перестановки и перемещения в комнатах.

В бобровом питомнике кинооператор появился под вечер.

Степан Сергеевич извлек из вольеры своего «излюбленного», как он говорит, бобра и притащил его к небольшому водоему. Его вырыли здесь несколько лет назад, когда снимали фильм из жизни бобров. С трех сторон края его бетонированные, с четвертой — песчаная отмель. Бассейн зарос травой. С берега на него опрокинулся старый ствол дерева.

Степан Сергеевич опустил тяжелого зверя на землю и, передохнув, слегка подтолкнул к воде: «А ну покажи себя!» Бобр не спешил. Он сначала огляделся. Потом вошел в воду. Поплыл.

Плывет. Плывет! И никаких решеток! Вытянулся на воде, старательно работает задними лапами.

А на берегу, вонзившись в землю тонкими ногами штатива, стоит киноаппарат. Перед ним почти под прямым углом согнулся оператор.

Уже несколько долгих дней с рассвета до темноты бродит он по речкам, продирается сквозь заросли, часами затаивается в кустарниках. Он снял плотины, которыми бобры запрудили речки, даже купанье бобров...

Может, этого и достаточно. Фильм будет очень короткий, промелькнет на экране небольшой главой в очередном киножурнале. Но оператору хочется, чтобы хоть на миг бобр показался во весь экран, как говорят, крупным планом.

Но дикие бобры чутки и осторожны. Сколько ни караулил их оператор, ничего у него не получилось. И тогда он пришел в питомник.

Он возлагал немалые надежды на бобра, которого принес Степан Сергеевич.

А зверь, почувствовав свободную воду, плывал и плывал.

— Погрыз бы он ветку, — размышлял оператор. — Или пусть почешется. Но он должен поворачиваться только в эту сторону. Свет отсюда...

Степан Сергеевич поскуцнел: справится ли его любимец с такими сложными задачами?

— Вы палку вон там возьмите и дайте ему, — посоветовал он.

Оператор быстро подбежал к куче веток. Выбрал.

— Подойдет? Я бы лично погрыз ее с удовольствием. С утра ничего не ел.

— Возьмите вон ту. Она посвежее, — серьезно сказал Степан Сергеевич.

Ветки бросили на песчаную отмель.

— Естественнее, чем в жизни, — заметил оператор и согнулся перед аппаратом.

Дело было за артистом. А тот не желал ни выходить на отмель, ни есть, ни чесаться. Он с наслаждением плывал. Первый раз в жизни зверь узнал, что такое просторная вода. Без раздражающих решеток.

— Ну смотри, какая палочка! — шепотом заклинал его оператор. — Какая хорошая палочка!

Все в конце концов надоедает. Надоело и бобру плавать. Он направился к отмели.

— Слишком далеко ушел! Бетонный берег в объектив лезет, — расстроился оператор. — Не годится!

Бобр, словно обидевшись, повернул назад, в воду.

— Экий капризный артист!

Но бобр скоро снова вышел на отмель. Оператор нацелился на него камерой, а зверь сел спиной к нему, будто хотел подразнить.

— Нервная у вас работа, — заметил Степан Сергеевич сочувственно.

Оператор не успел ответить: бобр повернулся к нему и посмотрел прямо в объектив, потрогал цепкой лапой ветки. Одну, другую... Выбрал и стал обгрызать. Быстро. Деловито.

— Как работает! — восхитился оператор.

Аппарат журчал, пропуская сквозь себя пленку метр за метром.

Наевшись, бобр вышел на берег, энергично встряхнулся и стал отжимать лапами взмокшую шерсть.

— Вот отлично!

Когда аппарат наконец смолк, Степан Сергеевич подошел и привычно поднял зверя на руки.

— Ну всякого вам добра, — пожелал он гостю. Ему было приятно, что бобр не подвел.

— На руках его носите! Как великого артиста! — пошутил оператор.

— А что! — засмеялся Степан Сергеевич. — Отработал свое. Честь по чести.

«Газик» ждет меня у самых дверей.

— Утро не холодное. Не замерзнете, — проговаривает мне вслед тетя Настя. — А то я бы вам свой ватник дала.

Со сна разговаривать не хочется. И мне и шоферу. До дома егеря мы едем молча.

Егерь вышел не один. С ним жена и молодой человек — фотокорреспондент.

Мы поехали лесной дорогой. Фары прощупывают путь. Там, где колеи совсем разбиты и доверху набрали воды, мы, объезжая дорогу, сворачиваем в лес. Машина, рыча, отважно ныряет под ветви, рискуя и без того уже треснувшим лобовым стеклом.

— Ваня, мы вот что надумали, — сказала жена егеря, обращаясь к шоферу. — На обратном пути заедем на станцию. Телевизор мы вчера присмотрели...

— Что ж не сказали? Путевку надо было выписать...

— А может, так съездим? — просительно вступил в разговор егерь. — Мы и веревку захватили...

— Путевку бы надо, — настаивал шофер. — Ну да если другой дорогой вернуться, то на то выйдет. Вы не против? — обратился он уже ко мне.

Достать машину в заповеднике — проблема. Из-за транспорта вечно спорят, даже ссорятся. И уж если машину дали, то планов на нее полно.

Начинало светлеть.

— Заповедник называется! — начал сетовать фотокорреспондент, молодой человек в спортивном костюме, с двумя фотоаппаратами, ремни которых охватывают его, как португепя, и с фоторужьем на коленях. — Едем-едем, а лес пустой... Ни одного оленя... Бьют, поди...

— Бывает. Вчера, говорят, браконьера задержали, — проронил егерь.

— Ну и что?

— Отпустили. Слово дал.

— Вот я и вижу, что отпускаете... В другой раз приедешь, ни одного оленя не снимешь...

При слове «браконьеры» весь экипаж нашей машины оказался единомышлен. Для всех нас это наипоследний человек, к которому надо подходить со всей суровостью, и не может быть ему снисхождения.

Оленей в лесу пока видно не было. А мне говорили, их здесь сейчас тысяча. Настоящих благородных европейских оленей. Больше в этом лесу находиться и не может. Начнется бескормица. Как пишет известный австрийский ученый Дорст: «В зависимости от своей предельной емкости территория может прокормить лишь определенное количество особей соразмерно с кормовыми ресурсами. Стоит только численности превысить границы предельной емкости, катастрофа становится неизбежной, оскудение растительного покрова, эрозия почв, опустошительные эпизоотии».

Проезжая по лесу, мы в нескольких местах увидели деревянные кормушки.

— Это для подкормки оленей, — пояснил егерь. — Не сейчас, конечно, зимой... Когда снег глубоко ляжет, оленям трудно из-под него корм добывать... Тут мы им помогаем. Подкладываем сено, соль даем... Они любят. А если снег очень уж глубокий, бульдозерами дороги для них расчищаем, чтобы в снегу не завязли... Вообще зимой приехать сюда интересно. Особенно отлов оленей посмотреть. Их стреляют особыми патронами. Со снотворным. «Пулями Комарова»... Олени падают и засыпают. Их в грузовик — и на станцию. А там в специальных вагонах везут на новые места и выпускают...

Через некоторое время дорога привела нас на просторную поляну. На краю ее деревянный дом. Большой, ладный. Но чем-то странный. Сразу и не сообразишь. А дело в том, что не ведут к нему привычные провода и не торчат на крыше антенны. Такой дом теперь и в лесу редко встретишь.

На крыльцо вышел широкоплечий мужчина. Поздоровался.

Егерь тотчас завел с ним разговор.

— Ревут?

— Есть помалу.

— Считаешь?

— А то!

— Смотри записывай. Потом сведения пришлешь.

Егерь кивнул.

— В каком квадрате больше всего ревут?

— Да вот на Поповой поляне вчера хорошо ревели. Пойдете?

— Пойдем.

Мы вышли из машины и зашагали в лес.

Жена егеря шарила глазами под ногами:

— Лес-то какой! А грибов нет. А я на них рассчитывала...

И тут вдаль раздался протяжный стон, похожий на мычанье.

— Корова мычит, — пояснила мне жена егеря.

— Корова?! — возмутился муж. — Олень ревет!

Рев повторился. Мучительный. Стонущий.

Слева раздался такой же рев. Только громче. За ним еще, еще...

Только осенью услышишь этот страстный олений рев. Осень — время гона. Время борьбы за первенство в стаде, за оленух. Время тяжких боев, когда первенство добывается в суровых поединках...

Егерь достал блокнот. Стал записывать, приговаривая шепотом:

— Тут один ревет... А в этом квадрате три... Только к ним не подобраться. Лес там редкий. И светло становится. Не подпустят. Пойдемте вперед. Только тихо...

Мы послушно пошли следом за егерем, стараясь ступать потише.

То справа, то слева слышался рев. Стонущий, идущий откуда-то из глубин существа и в то же время грозный. Олени бросали вызов соперникам.

— Смотри! — Егерь указал рукой на просеку.

Недалеко от нас просеку плавно пересекал, нет! — переплывал великолепный олень с ветвистыми рогами, которые он нес на голове так гордо, словно сознавал их красоту.

Руки фотокорреспондента рванулись к аппарату. Но где там! Оpozдал.

— Иди в обход, — сказал ему егерь. — Там снимешь. А потом нас догонишь.

Молодой человек скрылся за деревьями.

И тут по листьям забубнил мелкий дождь.

— Надо возвращаться, — сказала жена егеря. — Не мокнуть же!

— Ну конечно! Я для дела приехал. Мне учет вести надо, — строго возразил муж.

Дождь шуршал по лесу. Рева больше не было слышно. Но мы продолжали молча идти за егерем, пока впереди не показался просвет.

— Попова поляна, — пояснил тихо егерь.

И вдруг оттуда донесся олений рев. Навстречу ему рванулся второй, еще яростнее.

В просветах между деревьями мелькнули олени. Один наступал на другого. То угрожающе наклоняя голову, загибая рогами по земле, то гордо вскидывая ее, он гнал соперника по поляне. Но тот боя не принимал. Все отступал и отступал. Вскоре оба исчезли за деревьями.

Мы осторожно приблизились к поляне. Выбрали деревья потолще и спрятались за ними.

Поляна казалась мне сейчас сценой.

Только все на ней было естественное, натуральное.

И утренний свет, мягко светивший сбоку; и столпившиеся в глубине и по краям деревья; и золотистый островок из нескольких березок в центре; и монотонное бормотанье дождя... Только выход артистов задерживался.

Я стояла, прислонившись плечом к шершавому стволу, и время от времени переминалась с ноги на ногу.

Терпеливое ожидание было вознаграждено. На поляну из-за лесных кулис вышел олень. Молодой и сильный. Постоял. Гордо посмотрел по сторонам. Он легко зашагал по поляне, вспаханной оленьими копытами и рогами.

Красавец олень чувствовал себя здесь хозяином. Мускулы напряжены под красивой шкурой. Пройдет немного, остановится, оглядится: кому тут бросить вызов? с кем потягаться силой? Но соперников не было. Так олень перешел поляну до середины. Остановился у золотого березового островка, чуть расставил стройные ноги, вытянул шею и исторг нетерпеливый рев. Исторг и замер, прислушиваясь: будет ли ответ?

И через некоторое время, как гром после молнии, из лесу донесся ответный рев. Олень метнулся навстречу зову и исчез в лесу, будто растаял. Поляна опустела.

И тут дождь, который будто сдерживался, полил снова, ровно, однотонно шумя.

— Налюбовались? Ну теперь все. Не будут больше реветь. Время вышло, — сказал, подходя ко мне, егерь. Сумрачное с утра лицо его расправилось и посветлело.

) Мы вышли из-за своих укрытий, словно снялись с пфстов.

) — Красота-то была какая! — сказала жена егеря умиrotворенно и мечтательно.

— А я снял на просеке. Успел! — возбужденно рассказывал фотокорреспондент. — А тут, на поляне, залюбовался на него и не успел. Думал, может, бой будет...

Мы не спеша шли по просеке обратно.

И снова машина повезла нас по лесной дороге. Мало езженная и хоженная, она вся устлана золотистыми листьями. И они все падали и падали. По бокам стояли золотые деревья.

Мы ехали по золотой дороге в золотистую даль. Ехали молча. А лица у всех были проясненные.

Отъезд всегда таит в себе печаль — печаль расставания.

Гостиница к этому времени почти опустела. Кроме меня, здесь жили два специалиста-взрывника. Они уходили рано утром. И вскоре из лесу слышались глухие взрывы. Тетя Настя пугалась, закрывала уши ладонями, хотя и знала, что взрывы носят вполне мирный характер. Взрывали пни, чтобы расчистить поляну для строительства новой гостиницы. Гостиница предполагалась большой, оборудованной по-современному, и о ней много разговоров было в заповеднике.

Тетя Настя к этим разговорам прислушивалась настороженно и заметно от них грустнела. Мне становилось ее жаль.

Я в последний раз походила по тихой Усманке, простилась с сотрудниками заповедника. А потом зашла к тете Насте.

Она сидела у себя в комнате на горбатой крышке большого сундука, накрытого ковриком, и перебирала открытки. Они лежали в коробках из-под конфет аккуратными стопками, перевязанными лентами.

— Да у вас целая коллекция! От кого же это?

— Да от людей все, — ответила тетя Настя.

— Разрешите посмотреть...

— А чего же? — певуче отозвалась тетя Настя. —

Только ведь это целую ночь надо, чтобы все пересмотреть... — Она помолчала и добавила: — Это все мое богатство. Чем я живу... Сколько у меня дорогих людей... Как праздник, так еще за неделю Маруся-почтальон начинает носить эти открытки да письма. Ну, говорит, тетя Настя, началось...

Я стала перебирать открытки. Это были поздравления с праздниками, добрые пожелания. Пишут студенты, научные работники — все, кто, приезжая в заповедник в командировку, на практику, обрел приют в гостинице. На некоторых письмах иностранные марки.

Несколько раз встретила подпись: Нелли.

— Это из Литвы, — пояснила тетя Настя. — Сначала Нелли приезжала на практику, как студентка, а потом как научный работник по бобрам. Семья теперь у нее. Очевь к себе зовет. Приезжайте, говорит, что вам одной жить. Мы вам и комнату отдельную отведем.

— А вы?

— Я ей: «Дорогая Нелли, спасибо, но пока подожду. Не смогу я отвыкнуть от своего мира». Хоть и сказать невозможно, как мне зимой надоедает быть одной в этих комнатах... Зимой никто не приезжает... Вот только эти открытки радуют. Сажу и перебираю...

Тетя Настя сидела, скрестив на груди руки. Очень торжественная. И ее уже не было так шемяще жаль.

Разве она одинока, если ее помнит столько людей?..

А ранним утром я ехала на станцию.

Автобус медленно двигался сквозь осенний лес. И всю дорогу из чащи вслед ему трубили олени...

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Хитаров, член-корр. Академии наук СССР	
Берегите и защищайте природу	5
У самого моря	7
Высота 3500	45
Академику — двойка	59
Древнее озеро Жувинтас	75
Петр Петрович	83
Вызываем «Соболь-2»	103
Когда цветет пустыня	113
Усманка — бобровая речка	121

С90 Сулова Е. И.
Вызываем «Соболь-2». Рассказы о природе.
Художник Е. Паришева. М., «Молодая гвардия»,
1975.

176 с. с ил. (Компас).

Эта книга о людях, энтузиастах, страстно влюбленных в природу, преданных своему делу специалистах, считающих охрану природы своим личным долгом. Читатели побывают в некоторых заповедниках нашей страны, узнают о сообразительности «трусливых» зайцев, о повадках летучих мышей, о домашних глухарях, о норках, лебедях, о бобрах, шиншиллах, о загадочном поведении плодовых деревьев на берегах озера Иссык-Куль и многих других чудесах природы.

57(069)

С 70803—297
078(02)—75 144—75

Елена Ивановна Сулова
ВЫЗЫВАЕМ «СОВОЛЬ-2»

Редактор Л. Хотилловская
Художественный редактор В. Недогонов
Технический редактор Н. Михайловская
Корректоры Г. Трибунская, Н. Павлова

Сдано в набор 18/VI 1975 г. Подписано к печати 29/Х 1975 г.
А01453. Формат 70X108¹/₃₂. Бумага № 1. Печ. л. 5,5 (усл. 7,7) +
+ 8 вкл. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж 65 000 экз. Цена 29 коп.
Т. П. 1975 г., № 144. Заказ 969.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес
издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суще-
вская, 21.

29 коп.

КОМПАС

Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает природа нашей Родины.

Л. И. БРЕЖНЕВ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ